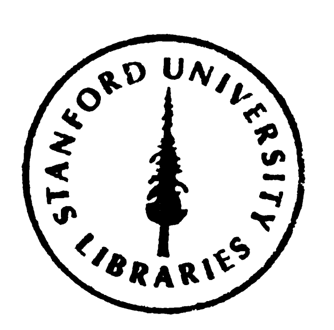
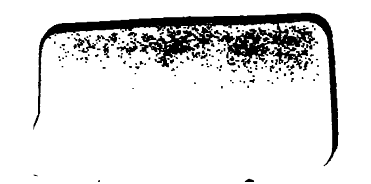

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЗАПИСКИ

И. В. ЛОПУХИНА.

съ предисловіемъ

ИСКАНДЕРА.

ЛОНДОНЪ

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1860.

Lopukhin, I. V.

ЗАПИСКИ

ИЗЪ НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА И СЕНАТОРА

И. В. ЛОПУХИНА

СОСТАВЛЕННЫЯ ИМЪ САМИМЪ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

ИСКАНДЕРА.

ЛОНДОНЪ

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1860.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИСКАНДЕРА.

Всякое правдивое сказаніе, всякое живое слово, всякое современное свидѣтельство, относящееся къ нашей исторіи за послѣдніе сто лѣтъ, чрезвычайно важно. Время это едва теперь начинаетъ быть извѣстнымъ. Времена Татарскаго ига и Московскихъ царей, намъ несравненно знакомѣе царствованій Екатерины, Павла. Исторія императоровъ—канцелярская тайна, она была сведена на диѳирамбъ побѣдъ и на риторику подобострастія.

Не думаемъ, чтобъ въ самой Австріи употреблялись когда либо такія многостороннія мѣры какъ у насъ, чтобъ скрывать и искажать историческія событія. Съ одной стороны правительство запрещаетъ печатать о такихъ происшествіяхъ, о которыхъ всѣ знаютъ, о которыхъ всѣ говорятъ—въ гостинныхъ и переднихъ, во дворцѣ и на рынкѣ.* Съ другой оно открыто лжетъ въ оффиціальныхъ разсказахъ, и потомъ заставляетъ повторять свою ложь въ учебникахъ. Сначала ей никто не вѣритъ, но боясь преслѣдованій никто въ этомъ не признается; потомъ событія забываются, современники умираютъ и остается какое то смутное преданіе о томъ что правительство исказило фактъ.

* Бенкендорфъ разсказывалъ Кюстину въ Петергофѣ подробности о революціи 1762 и о смерти Петра III.

Отсюда общая увѣренность, что правительство всегда говоритъ неправду и сомнѣніе въ возможности знать истину. Развѣ цѣлая Россія не была свидѣтельницей, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ 1812 года правительство проклинало Французовъ за сожженіе Москвы, а потомъ тоже сожженіе стало ставить героизмомъ Русскихъ. Народъ само собою разумѣется не вѣритъ не только ни одной побѣдѣ, ни одной реляціи, но онъ не вѣритъ въ естественную смерть императора Александра, его жены, цесаревича Константина, Дибича; о томъ какъ отравился Николай составилась цѣлая легенда.

Казалось что въ нашу эпоху *ожиданій и упованій*, можно было *уповать* и на то, что мы наконецъ узнаемъ исторію послѣдняго времени не по канцелярскимъ Титъ-Ливіямъ, а по документамъ, и дѣйствительно показались превосходныя монографіи, чрезвычайно интересныя письма, записки. Половина матеріаловъ присланныхъ намъ для нашего историческаго Сборника—явилась на свѣтъ въ Россіи. Словомъ сказать, дѣла и люди на столько усовершились, что Устряловъ, писавшій свою исторію Россіи по трафаретамъ министра Уварова и по мотивамъ Николая Павловича, сталъ издавать исторію Петра — по источникамъ. VI томъ его исторіи испугалъ; и былъ поводомъ къ одному изъ замѣчательно нелѣпыхъ циркуляровъ. Цензорамъ не велѣли ничего пропускать *непохвальнаго* о лицахъ родственныхъ къ императорской фамиліи и умершихъ послѣ кончины Петра I. Мы имѣемъ передъ собой выпущенныя мѣста изъ записокъ Енгельгардта, свидѣтельствующія, что оберъ-форъ-шнейдеръ Мухановъ ловко внушилъ своимъ нидеръ-нахъ-шнейдерамъ, какъ исполнять кастрированіе книгъ.

Чтобъ не отстать отъ внутренней, иностранная цензура запретила *Записки Сиверса*, книгу чрезвычайно полезную, и писанную въ совершенно умѣренномъ смыслѣ; таже участь

постигла *Записки Толя.* Мы знаемъ что отъ этого не меньше экземпляровъ разойдутся въ Россіи, но тѣмъ хуже, зачѣмъ же они срамятъ себя, не думая что ихъ срамъ невольно отсвѣчивается на всю Россію.

Нечего дѣлать, мы снова должны приняться за печатаніе въ Лондонѣ историческаго сборника. Документовъ, записокъ, писемъ, у насъ набралось довольно.

На первый случай мы издаемъ записки Лопухина.

Лопухинъ представляетъ явленіе рѣдкое. Тихій, честный, чистый, твердый и спокойный, онъ съ своимъ мистицизмомъ и мартинизмомъ, идетъ такъ непохоже, такъ противуположно, окружающему морю интригъ, исканій, раболѣпія, что это бросается въ глаза не только генералъ-губернатору Брюсу, но даже самой Екатеринѣ, которая велитъ сослать его покаявшагося товарища, а его не велитъ; Павлу, который вынесъ отъ него два раза возраженіе; Александру, благодарившему его за превосходиую записку о Духоборцахъ. Совѣтникомъ московской уголовной палаты Лопухинъ начинаетъ свою карьеру тѣмъ, что склоняетъ суроваго генералъ-губернатора по мѣрѣ возможности уменьшать число ударовъ кнутомъ, а черезъ двадцать лѣтъ съ энергіей отстаиваетъ сперва Духоборцевъ—сенаторомъ ревизующимъ Слободско-украинскую губернію, и убѣждаетъ государя остановить разбойничьи набѣги на нихъ хищной полиціи и хищныхъ поповъ; потомъ, возвратившись изъ Крыма, съ такой же ревностью защищаетъ Джантемира Мурзу и его товарищей татаръ, которыхъ невинно хотѣли отодрать кнутомъ и послать въ каторжную работу. Своей горячностью въ этомъ дѣлѣ Лопухинъ заслужилъ *насмѣшки* сенаторовъ. "Еще вотъ что странно, говоритъ онъ, оправданіе мертваго Каласа читаютъ съ восторгами, а что свои безпокровные бѣдняки, живые сидѣли въ тюрьмахъ безвинно и пытаны, это дѣло кажется

очень не важнымъ; и здѣлается по немъ что нибудь развѣ, потому, что уже нельзя иначе, или когда нѣтъ никакой подпоры тѣмъ, которые тѣснили и пытали! Неужели отъ того, что тамъ Вольтеръ, Каласъ и Франція—а здѣсь Джантемиръ-Мурза, поселяне Мухинъ съ Гласовымъ и Русская Таврида?" (Стр. 163).

Во всей жизни И. В. Лопухина удивительное единство, онъ нигдѣ не измѣняетъ своего нравственнаго склада. Молодымъ совѣтникомъ, онъ возстаетъ противъ дикаго гоненія нищихъ Прозоровскимъ и говоритъ по этому поводу:

"Кстати о милостынѣ. Странно, какъ очень многіе противъ ея умствуютъ. Главная тому причина, кажется, желаніе оправдывать свое нехотѣніе подавать ее.

"Правительству конечно нужно и должно стараться чтобъ нищіе не шатались по улицамъ и по дорогамъ, однако такими средставами устройства, чтобъ, во первыхъ, не было ихъ, если то можно, и наконецъ, чтобъ ихъ переводя, не здѣлать въ двое несчастныхъ; т. е., чтобъ лишать людей сихъ единственнаго способа къ пропитанію, и при томъ еще съ притѣсненіемъ.

"Но частному человѣку, имѣющему въ сердцѣ хотя искру любви къ ближнему, какъ отказать ему въ помощи, какая можетъ быть въ томъ ошибка? Что поданныхъ нѣсколько копѣекъ иной пропьетъ? А ежели отъ сдѣланнаго по сему отказа, иногда человѣкъ долженъ будетъ сутки, или больше терпѣть голодъ, или покусится на преступленіе, или замараетъ душу свою ропотомъ на судьбу; то каково должно это быть душѣ того, кто откажетъ, ежели въ ней есть чувствительность истиннаго человѣколюбія.

"И мнѣ случалось иногда отказывать и съ нѣкоторою досадою потому, что просящій милостыни покажется мнѣ пьянымъ; однако признаюсь, я всегда очень радъ бывалъ,

когда въ такомъ случаѣ воротивъ того, кому отказалъ, заслуживалъ ему, и себя какъ бы наказывалъ дачею ему вдвое, говоря себѣ въ мысляхъ: Что! Развѣ ты самъ не проступалъ никогда предѣловъ трезвости, и развѣ бѣдному, и подлинно крайнюю нужду имѣющему, не можетъ случиться лишнее выпить.

"Впрочемъ, я въ себѣ расположеніе къ милостынѣ никакъ не считаю добродѣтелью. Это во мнѣ природная склонность, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ охотамъ. Дѣлать удовольствіе людямъ, всегда была страсть моя. Будучи еще ребенкомъ, я нарочно проигрывалъ мальчику, служившему при мнѣ, деньги, какія у меня случались, и любовался его о томъ радостью."

Старикомъ сенаторомъ онъ отвѣчаетъ своимъ товарищамъ, говорившимъ ему *часто* по поводу голосовъ которые онъ подавалъ: "Вѣдь не будетъ же по твоему." "Какъ будто надобно рѣзать и грабить людей для того что многіе грабятъ и рѣжутъ?"

Странно встрѣтить, при столько хорошемъ развитіи и гуманномъ, закоснѣлое упорство Лопухина въ поддерживаніи помѣщичьей власти. Онъ не имѣлъ права на этотъ предразсудокъ въ началѣ царствованія Александра и тутъ онъ невольно противурѣчитъ самъ себѣ, и отъ этого впадаетъ въ фразы. Онъ пишетъ напр. къ императору, что стыдится слова холопъ, что желалъ бы, чтобъ всѣ Русскіе были свободны, и съ тѣмъ вмѣстѣ говоритъ, что вторженіе непріятеля было бы менѣе гибельно, чѣмъ ограниченіе помѣщичьей власти.*

Распространяться о запискахъ Лопухина нечего, книга у читателя въ рукахъ; но въ заключеніе нельзя не обратить

* Какъ въ немъ боролся помѣщикъ—съ человѣкомъ и мистикомъ—ясно видно въ случаѣ, который онъ разсказываетъ въ первой части записокъ. Во время говѣнія онъ разбранилъ и разобидѣлъ своего камердинера, и вдругъ опомнившись бросился къ нему въ ноги и сталъ просить прощенія.

вниманія на одинъ вопросъ: откуда у Лопухина—это единство, этотъ сознательный, вѣрный себѣ шагъ по дорогѣ однажды имъ избранной? Его странно видѣть середь хаоса случайныхъ, безцѣльныхъ существованій его окружавшихъ; *онъ идетъ куда-то*—а возлѣ, рядомъ цѣлыя поколѣнія живутъ ощупью, въ просонкахъ, составленныя изъ согласныхъ буквъ ждущихъ звука, который опредѣлитъ ихъ смыслъ, изъ людей слабыхъ, безъ отпора, людей азартныхъ, въ томъ смыслѣ въ которомъ такъ называютъ безкозырныя игры, въ ихъ жизни есть внѣшняя необходимость, связь оглавленія, табель о рангахъ и послужной списокъ, но единства высшаго порядка, связующей мысли, общаго стремленія—никакого.

Изъ пѣнящагося броженія *столбовыхъ* атомовъ, тянущихся разными кривыми линіями и завитками къ трону и власти, Лопухинъ былъ выхваченъ своею встрѣчей съ Новиковымъ, своимъ вступленіемъ въ Мартинисты. Ими, пустое броженіе, покорное стихійнымъ силамъ, старалось вынырнуть, схватить въ свои руки свою судьбу. Удачно-ли или нѣтъ—все равно. Присутствіе стремленія и силы было неотразимо. Между Мартинистами была человѣческая связь, опора, круговая порука, обмѣнъ силъ, и какъ бы они мистически ни понимали и какими бы іероглифами ни замѣняли ее, они стояли гораздо выше шаткой и безцѣльной толпы *образованныхъ* Русскихъ. Они жили задней мыслью, у нихъ было сознаніе совокупнаго труда. Членъ союза, членъ тайнаго общества, чувствуетъ себя не одинокимъ сиротой, а живою частью живаго организма.

И вотъ откуда нравственная сила Лопухина.

И—ръ.

Лондонъ, 22 Іюля 1860.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный.

Псаломъ 102, ст. 15.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Я родился 24го Февраля 1756 года. Младенчество мое было самое болѣзненное. Воспитанъ я, въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи. Родители мои были самые чадолюбивые: и, бывши весьма добродушны и отъ природы отлично разумны, всѣми силами старались наставлять меня въ честности и благонравіи: но сами, имѣвъ воспитаніе того времени, въ которомъ не учились иностраннымъ языкамъ и знаніямъ нынѣ обыкновеннымъ, не могли они при всемъ своемъ желаніи наилучшаго мнѣ воспитанія, достаточно съ этой стороны успѣвать въ немъ.

Русской грамотѣ училъ меня домашній слуга. По французки училъ Савояръ, не знавшій совсѣмъ правилъ языка. По нѣмецки Берлинецъ, который ненавидѣлъ языка Нѣмецкаго и всячески старался здѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ Французскимъ; и сколько умѣлъ, училъ ему меня тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію. Нѣмецкія же книги держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного виду: и я, выучась только читать по Нѣмецки, разумѣть, что читаю на немъ, уже научился, больше нежели черезъ десять лѣтъ послѣ окончанія мною такаго ученья; научился отъ сильнаго желанія разумѣть на языкѣ семъ духовныя книги.

Такимъ образомъ, на 17мъ году моего возраста кончилось мое воспитаніе и ученіе языковъ, которыхъ ни однаго, какъ и своего природнаго, не знаю и по сіе время грамматическихъ правилъ : хотя на послѣднемъ я очень много писалъ, и даже сочинялъ книги. Однимъ словомъ, если я что знаю, то подлинно самоучкою.

Слабость моего здоровья столько же какъ и обыкновенное родителямъ, особливо въ старости ихъ, желаніе имѣть дѣтей при себѣ, не дозволяли имъ рано отпустить меня на службу. Я страстенъ былъ къ военной : и сидя дома, водилъ строи и давалъ баталіи по Пвизегюру и Фоларду. Кампаніями армій нашихъ противъ Турокъ войны, начавшейся въ 1769 году, я такъ горячо занимался, какъ бы по чрезмѣрному усердію очень обязаннаго участвовать въ планахъ ихъ операцій. Нѣсколько ночей безпокойно спалъ отъ ожиданія, чѣмъ рѣшится кампанія князя Голицына подъ Хотинымъ; и хотя, почти уже сорокъ лѣтъ не имѣлъ я въ рукахъ описанія дѣйствій той войны; но и теперь, конечно, помню почти всѣхъ ихъ числа.

Около сего времени лишился я моей матери. Она умерла отъ болѣзни нѣсколько лѣтъ продолжавшейся. Я отмѣнно къ ней былъ привязанъ. При началѣ ея болѣзни, будучи ребенкомъ лѣтъ десяти, я очень горячо молился о ея выздоровленіи; и вотъ какая была моя ребяческая молитва! Я помню, что однажды, спрятавшись за занавѣсъ кровати, молился я тихонько, и просилъ Бога очень усердно, чтобъ Онъ лучше отнялъ у меня палецъ, и даже всю руку; а только бы она не умерла.

Я былъ записанъ въ гвардію унтеръ-офицеромъ; и въ 1775 году имяннымъ указомъ пожалованъ въ прапорщики Преображенскаго полку. Послуживъ нѣсколько мѣсяцевъ, я здѣлался такъ болѣнъ, что цѣлые три года не могъ выходить изъ комнаты, кромѣ какъ въ лѣтніе и самые хорошіе дни. Потомъ еще года три съ ряду въ каждый мучила меня лихорадка. Это время, въ самыя бурныя лѣта молодости, было для меня большая опытная школа терпѣнія ; и много послу-

жило въ пользу охотѣ моей къ чтенію. Ослабленныя силы здоровья и случившійся при томъ нѣкоторой припадокъ, препятствующій верховой ѣздѣ, принудили меня на вѣкъ проститься съ военною службою.

Любовь къ службѣ, при невозможности удовлетворяться военною, устремила склонность мою къ гражданской. Особливо занимала меня часть уголовная. Съ большою прилежностію собиралъ я всѣ возможныя по сей части свѣденія: интересовался обстоятельствами и сужденіемъ всякаго уголовнаго дѣла, о которомъ слышалъ; и, по болѣзнямъ моимъ въ отпуску живучи тогда, въ деревнѣ, часто бывая у пріятеля моего городничаго въ уѣздномъ городѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ него безъ того, чтобъ не побывать въ тюрьмѣ, для разговоровъ на сей предметъ съ колодниками и для примѣчаній на нихъ.

Въ началѣ 1782 года, по просьбѣ моей за болѣзнями отставленъ я изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи, къ статскимъ дѣламъ полковникомъ; а въ концѣ того же года, при открытіи по новымъ учрежденіямъ Московской губерніи, опредѣленъ я былъ въ ней совѣтникомъ Уголовной палаты.

Въ должности сей принялъ я себѣ за правило наблюдать, чтобъ какъ невинной не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватой не избѣжалъ наказанія; но по человѣколюбію сколько можно больше умѣреннаго; не удаляясь однакожъ отъ силы законовъ.

Я думаю, что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ, и удержаніе отъ преступленій. Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества и одно, всегда безполезное, тиранство. Ненадежность избѣжать наказанія, гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго. Намѣреваясь къ преступленію, естественнѣе человѣку ослѣпляться мыслями, что преступленіе его не откроется, нежели соображать мѣру наказанія, которому онъ подвергаетъ себя, особливо когда оно относится къ страданію тѣлесному, или потерянію свободы.

Вѣроятно, что никто не покусится на преступленіе, при увѣреніи, что не избѣжитъ такаго рода казни. Ожесточенный

въ злодѣяніяхъ не думаетъ объ ней. Но не находящійся еще въ такой степени разврата, конечно собираясь здѣлать уголовное преступленіе, не ласкается тѣмъ, что ему дадутъ двадцать а не пятдесятъ ударовъ.

Весьма также опасался я осуждать по заключеніямъ изъ обстоятельствъ безъ совершеннаго изобличенія и признанія судимыхъ. Не можно по мнѣнію моему почитать доказательствами соображенія умствованій, сколькобъ онѣ ясны и основательны не казались. Такого рода доказательства едва-ли когда могутъ быть совершенныя, и такія, чтобъ *исключали уже всѣ возможности къ показанію невинности обвиняемаго.*

Гдѣ одна *вѣроятность*, тамъ истинной разумъ неможетъ находить полнаго увѣренія, какъ бы сильна не была она. Всё, что можно только выдумать противъ доказательствъ, составляемыхъ умственнымъ соображеніемъ, уже ихъ опровергаетъ. И по множеству опытовъ извѣстно, какъ ошибочны въ уголовныхъ судопроизводствахъ заключенія, которыя основаны были такими соображеніями на одной вѣроятности, пріемлемой за моральную извѣстность.

При такихъ сужденіяхъ, кромѣ не довольнаго вниманія и корыстныхъ пристрастій, весьма можетъ заводить въ погрѣшности одно самолюбіе, столь много свойственное большей части людей; особливо тѣмъ, коихъ страсть отличаться умомъ. Желаніе показать свой разумъ въ открытіи виноватаго, весьма легко, и нечувствительно можетъ заставить найти его въ невинномъ. Тѣ только судьи не будутъ подвержены такимъ ошибкамъ, которые стараются дѣлать правду для самой правды, всѣмъ сердцемъ любя ее, а не для того, чтобъ ею прославиться: или которые во всякомъ ими судимомъ сердечно видятъ прямо ближняго своего. Безъ сего расположенія не можетъ быть истинно добрыхъ судей: а такіе по несчастью очень рѣдкіе судьи, и не послѣдуютъ конечно оному образу сужденія.

Но можетъ-ли быть правило мудрѣе и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ,

нежели одного невиннаго осудить: и случаи преступленій, коихъ совершенно доказать не можно, предоставлять правосудію Всевидящаго. Иные мудрователи при семъ скажуть: что же, и такъ людямъ ничего не надобно дѣлать, а все оставлять дѣйствовать Богу; и силъ разума отъ Него же данныхъ употреблять, стало, не надобно. Нѣтъ: надобно ихъ употреблять наиприлѣжнѣйше; но тамъ, гдѣ они не достаточны, съ кротостью признавать ихъ слабость, и страшиться жребіемъ ближняго своего жертвовать самолюбію.

Какъ странно видѣть, когда люди напрягають всѣ свои силы найти виноватаго для того только, чтобъ его наказать; и безъ совершеннаго увѣренія въ его винѣ, спѣшать осудить его, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка; какъ будто безъ того оной бы совершенно возмутился, и остановилось бы дѣйствіе невидимо но всегда и вездѣ безпогрѣшно дѣйствующаго Источника его. Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ рвеніемъ нѣсколько грабителей и мздоимцевъ, при чувствахъ, самой видъ добраго усердія имѣющихъ, стараются патянуть доказательства къ обвиненію какаго нибудь бѣдняка впадшаго и въ неважное преступленіе, и по какому нибудь можеть быть особливо нещастному стеченію обстоятельствъ.

Съ такимъ же вниманіемъ старался я соблюдать всю точность и обрядовъ законныхъ, почитая всякое ихъ нарушеніе вреднымъ, сколько для существа правосудія, столько же по вліянію чрезъ примѣръ и на порядокъ службы, которой онъ долженъ быть душею.

Одинъ случай, относительно къ сему расположенію моему, въ бытность мою совѣтникомъ Московской уголовной палаты, заслуживаетъ, чтобъ разсказать его.

Внесено было въ палату на ревизію изъ губернскаго магистрата дѣло о подложныхъ векселяхъ однаго купца. Посему дѣлу явялись нѣкоторыя подозрѣнія на двухъ изъ знатныхъ и богатыхъ купцовъ Московскихъ, кои были обвинены и приговорены подъ стражу. Они скрылись и уѣхали въ

Петербургъ, искать защиты у самой Императрицы. Государыня приказала взять изъ Палаты дѣло для предварительнаго разсмотрѣнія. Имянной о семъ указъ объявилъ бывшій тогда въ 6мъ Сената департаментѣ Оберъ-Прокуроръ князь Гагаринъ. Но какъ, по узаконенію, Оберъ-Прокуроры не имѣютъ права объявлять имянныхъ указовъ, то я не согласился отдавать дѣло изъ палаты и подалъ о томъ голосъ.* Дѣло отослано было по большинству голосовъ; но я остался при своемъ, не смотря на всѣ устращиванія, на всѣ предвѣщанія мнѣ за то бѣдъ—и даже на самое принужденіе, съ большою досадою бывшаго тогда Главнокомандующимъ Графа Захара Григорьевича Чернышева.

Предсѣдатель Палаты скоро отлучился въ Петербургъ искать себѣ лучшаго мѣста; и я остался, какъ старшій совѣтникъ, отправлять его должность. Старался служить очень усердно, и какъ тогда такъ и съ начала вступленія моего въ Палату, да и до самаго выхода изъ нея, едва-ли было одно рѣшительное опредѣленіе, которое бы не самъ я сочинилъ.

Правила умѣренности въ наказаніяхъ, держался я не отступно. Будучи старшимъ въ Палатѣ, въ которую скоро опредѣленъ я былъ и Предсѣдателемъ, гораздо удобнѣе мнѣ было сохранять его: ибо безспорно соглашались товарищи мои со мною въ томъ, что прежде долженъ я былъ одерживать спорами и часто самыми жаркими.

Не охотники до меня, и столько-жъ кажется вообще до человѣчества, тамъ гдѣ нѣтъ въ немъ ихъ интересовъ; вопіяли осужденіями, такъ называвшагося ими, милосердія моего. Говорили, что я развожу злодѣевъ и воровъ. Однако, по щастью моему что-ли, гораздо ихъ меньше стало съ открытія въ Москвѣ Уголовной Палаты, при умѣренныхъ ея, какъ описываю, наказаніяхъ, заступившихъ мѣсто тѣхъ лютостей торговой казни, коими передъ тѣмъ Московское

* Смотри Журналъ Московской уголовной палаты 22 Ноября 1783 года, и послѣдовавшее о томъ въ протоколѣ.

Правительство нѣсколько лѣтъ отличалось и о которомъ безъ ужаса вспомнить нельзя.

И такъ, не взирая ни на что, продолжалъ я держаться вышесказаннаго мною расположенія : а Главнокомандующій Графъ Захаръ Григорьевичь подкрѣплялъ меня согласіемъ своимъ на всѣ мои приговоры сколько сей почтенный мужъ достоинъ похвалы, о томъ говорить излишне. Онъ весьма извѣстенъ.

Слѣдуя оному расположенію и соображая общественную пользу, рѣшился я за воровство—кражу и мошенничество цѣною свыше двадцати рублей, (ибо о наказаніяхъ за преступленія сего рода на меньшую цѣну заработкою, уже существовало узаконеніе) наказывать не кнутомъ, а тѣлесно же ; но такимъ образомъ, чтобъ наказанные могли отдаваться въ рекруты. Товарищи мои не спорили противъ меня. Они знали, что это дѣлается мною съ согласія Главнокомандующаго, хотя оное на бумагѣ и неизъявлялось, потому, что въ то время не вносились еще на разсмотрѣнія начальниковъ губерній опредѣленія о таковыхъ наказаніяхъ, однако я сіе дѣлалъ не отступая и отъ закона. Рѣшенія основывались на той статьѣ Морскаго устава, въ коей сказано : " за первую, другую и третью кражу наказывать, что разъ, то жесточаѣ, по разсмотрѣнію." Книг. V Глав. 17, ст. 127.

Чрезъ сіе считалъ я соблюдать то правило, чтобъ преступленіе не оставалось безъ наказанія, но наказаніе бы, сколько можно не нарушая законовъ, было умѣренно, и общественной пользѣ тѣмъ соотвѣтственно : что не оставались въ тягость селеніямъ, такимъ образомъ наказанные за преступленія, которыя между людьми низкаго состоянія, по грубости ихъ нравовъ и невѣжеству, особливо часты.

Изданныя послѣ того чрезъ нѣсколько лѣтъ и нынѣ существующія узаконенія о наказаніи за преступленія онаго рода оправдываютъ мои рѣшенія и подтверждаютъ ихъ пользу.

Уставъ о наказаніи только рабочимъ домомъ за воровство,

кражу и мошенничество не свыше двадцати рублей, конечно здѣланъ въ томъ же намѣреніи, чтобъ за преступленія, кои въ народѣ особливо часто случаются, не существовало такое наказаніе, отъ котораго многіе дѣлались увѣчными и не годными въ рекруты; воровство же при всемъ томъ не уменьшалось, какъ извѣстно изъ опытовъ. Конечно въ томъ намѣреніи; а не для того, чтобъ цѣною кражи цѣнить нравственное количество преступленія: ибо ежели судить о преступленіяхъ по тѣмъ побужденіямъ, изъ коихъ оныя производятся, и которыя, когда они достовѣрно извѣстны, могутъ быть единственно истиннымъ основаніемъ правильнаго опредѣленія мѣры наказаній — если судить, говорю, по онымъ побужденіямъ; то, чѣмъ меньше соблазнителенъ предметъ преступленія, тѣмъ оно больше, и тѣмъ вящшей означается степень разврата въ преступникѣ.

Мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не должно вливаться въ наказаніе. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Все же превосходящее сію мѣру, есть только безплодное терзаніе человѣчества, и дѣйствіе неуваженія къ нему, или лютости.

Всѣ казни должны быть соразмѣрны оной цѣли, и такъ распредѣлены, чтобъ сколь можно дѣйствительнѣе достигая къ ней, сколь же можно меньше изнурительны и мучительны для человѣчества были. Сіе кажется есть неоспоримое правило человѣколюбія въ законодательствѣ, коего одинъ предметъ долженствуетъ быть благо человѣчества на земли, и все возможное приготовленіе его къ оному въ вѣчности.

Такъ конечно: цѣль наказаній и мѣра ихъ должны быть не иныя, какъ выше сказанныя мною, мѣра ихъ и образъ, должны также сообразоваться съ господствующими качествами нравовъ народа и съ тѣмъ, что дѣйствительнѣе дѣлаетъ впечатлѣніе, соотвѣтственно разнымъ состояніямъ людей, народъ составляющимъ.

Естьлибъ можно было всегда проникать въ побужденія

къ преступленіямъ, то свойство и мѣры побужденій были бы конечно лучшими и самыми естественными указателями правила опредѣленія казни. И тогда многія дѣла, или извиняемыя, или и за преступленія несчитающіяся, по справедливости подверглись бы наказанію столькожъ тяжкому, какъ самыя важныя преступленія, и такія, коими гнушаются и безъ всякой пощады стремятся за нихъ наказывать тѣ сами, которымъ весьма обыкновенны оныя, какъ я сказалъ преступленія ими и въ нихъ даже часто не примѣчаемыя.

Напримѣръ: Судья, который не истощаетъ всего своего вниманія, судя человѣка въ уголовномъ дѣлѣ, и безъ совершеннаго увѣренія, или хотя и съ малымъ небреженіемъ осуждаетъ его на тяжкую казнь, столькожъ самъ ее заслуживаетъ, и столькожъ преступникъ, если не больше какъ неумышленный убійца, и даже такой, который убилъ разсерженъ будучи. Кто наклонилъ вѣсы суда, и хотя не изъ мздоимства, но изъ уваженія къ пріязни, или въ угожденіе лицу сильнаго; и чрезъ то лишилъ кого либо собственности его несправедливо, конечно не меньше виноватъ бѣднаго невѣжды, укравшаго отъ крайности и отъ того что не имѣлъ при ней довольно разума и твердости духа, одолѣть себя при соблазнѣ.

Думаю, что также не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ христіанскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру, надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ, и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ неисполнится; и что онъ не можетъ еще здѣлаться полезнымъ для общества въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни.

Что касается до смертной казни, то она по мнѣнію моему и безполезна, кромѣ того, что одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка его божественнаго строенія.

Тяжкія наказанія и заточенія употребляемыя вмѣсто смертной казни, при способахъ, какъ я сказалъ, исправленія

наказуемыхъ къ возможному еще улучшенію жребія ихъ и въ здѣшней жизни, сохраняя ихъ всегда на полезную для Государства работою службу, столько же могутъ примѣромъ устрашать и удерживать отъ злодѣяній, естьли еще не больше какъ смертная казнь. Не рѣдко случается, что люди сами себя лишаютъ жизни отъ страха наказаній и лишенія свободы.

Извѣстны примѣры Христіанскихъ мучениковъ, сихъ героевъ истинныхъ, предавшихъ себя на истязанія изъ подвига вѣры и чистой любви къ Богу Спасителю; также и героевъ языческихъ, потерпѣвшихъ муки изъ любви къ отечеству и для славы искомой самолюбіемъ; но злодѣи малодушны и слишкомъ привязаны къ сладостямъ жизни, чтобъ не страшиться страданій и неволи.

Могутъ сказать, что смертная казнь нужна для избавленія общества отъ такаго Государственнаго злодѣя, котораго жизнь опасна для общаго спокойства. Но и въ семъ случаѣ рѣдкомъ и конечно важнѣйшемъ, строгое заключеніе можетъ отвратить ту опасность, а время ослабляетъ и наконецъ уничтожаетъ её.

Впрочемъ вѣроятно, что такого рода злодѣи не думаютъ о смерти при своихъ предпріятіяхъ, а что они предпочитаютъ её страданіямъ и заточеніямъ, то доказывается многими примѣрами, что они по большей части готовились отравлять себя при неудачахъ и умерщвляли себя при оныхъ.

Обращаюсь къ Предсѣдательству моему въ Московской Уголовной Палатѣ.

Графа Захара Григорьевича Чернышева не стало въ 1784 году лѣтомъ. Преемникъ его, Главнокомандовавшій въ Москвѣ, сначала очень обласкалъ меня, но скоро открылся моимъ гонителемъ. Я его извиняю по привычкѣ его къ властолюбію, коей угожденіями дали въ немъ укорениться, и по тому предубѣжденію противъ меня, съ которымъ онъ отправился изъ самаго Петербурга, и которому въ разсужденіи силы его источника, не имѣлъ онъ довольно твердости не покориться. Слабость такая въ немъ была слишкомъ обыкновенная многимъ придворнымъ. О семъ

обстоятельнѣе скажу въ своемъ мѣстѣ по приличности, теперь же о немъ только относительно ко мнѣ въ Палатѣ.

Первое неудовольствіе его, собственное противъ меня было за то, что малое число ударовъ Палатою опредѣлялось. Онъ возвратилъ мнѣ внесенный къ нему на утвержденіе приговоръ, коимъ опредѣлено было одному убійцѣ дать пятьдесятъ ударовъ; каковаго числа больше при мнѣ никогда не полагалось. Возвратилъ съ тѣмъ, чтобъ перемѣнить и гораздо прибавить. Я не согласился; и сперва очень учтивымъ, и надѣясь лучше успѣть нѣсколько шуточнымъ образомъ отговаривался и представлялъ ему мои причины. Но когда онъ не внимая имъ упорствовалъ въ своемъ требованіи, думая даже, что имѣетъ къ тому право, и настаивалъ уже съ досадою, то я ему твердо и рѣшительно сказалъ, что опредѣленіе не будетъ перемѣнено, что никогда жесточайшихъ при мнѣ наказаній не будетъ; что, какъ Палата по учрежденіямъ не должна перевершивать своихъ рѣшеній, такъ и онъ не имѣетъ права возвращать ихъ. А ежели онъ не согласенъ, и не угодно ему такое число ударовъ, то можетъ прибавку испрашивать представленіемъ своимъ правительствующему Сенату.

Можно себѣ вообразить какъ разгнѣвался г. Главнокомандующій. Однако ни сколько не оказалъ грубости; много только горячился, и кричалъ: "Какъ, разбойникамъ и смертоубійцамъ давать только по пятидесяти ударовъ!" "По скольку-жъ бы Ваше Сіятельство думали?" спросилъ я его.—"По скольку? отвѣчалъ: двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ." "Да эдакъ будемъ всегда засѣкать до смерти."—"Чего-жъ ихъ жалѣть?" говорилъ онъ; "и это же наказаніе вмѣсто смертной казни." "Такъ," отвѣчалъ я; "но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ Россійскаго скиптра въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія; а ежели вмѣсто того, что бы отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранскій; и всякая такая мѣра наказанія сего

рода, которая можетъ лишить жизни, уже есть большое преступленіе онаго закона милосердія."

Графъ мой сталъ тише. "Однакожъ, говорилъ мнѣ, странно, что вы такъ разсуждаете : вѣдь можетъ иногда случиться, что наказуемый умретъ и отъ десяти ударовъ."— "Конечно," я говорилъ, "это можетъ иногда случиться по какимъ-нибудь непредвидимымъ причинамъ, и съ моей стороны безвинно. Но если я буду давать такія сотни ударовъ, то при явномъ тиранствѣ своемъ долженъ быть увѣренъ, что люди и умирать будутъ подъ кнутомъ непремѣнно." "Но какъ-же вы узнаете мѣру спросилъ онъ меня уже самимъ снисходительнымъ и серіознымъ тономъ?" —"Смотря по лѣтамъ, по сложенію, по состоянію здоровья, и прочее," отвѣчалъ я ему.

Вдругъ, онъ мнѣ говоритъ : "Я вамъ очень благодаренъ, вы одолжили меня, вы меня вразумили; признаюсь, что я никогда не видалъ такъ ясно этой истины, и всегда думалъ, что при наказаніяхъ вмѣсто смерти, такаго разбора ненадобно. Вы меня убѣдили. Соглашаюсь съ Вашимъ опредѣленіемъ, и даю вамъ слово никогда съ Вами не спорить." Онъ подлинно сдержалъ его : и даже во время пущей своей злобы наконецъ противъ меня, не останавливалъ ни однаго приговора Палатскаго.

Я разсказалъ сіе произшествіе, какъ достойное примѣчанія и по той чести, какую оно дѣлаетъ особливо самому не соглашавшемуся ; и тѣмъ больше, чѣмъ онъ упрямѣе былъ и самолюбивѣе. Жаль только, что такія нужныя истины такъ поздно становятся знакомы людямъ, занимающимъ важнѣйшія въ государствѣ мѣста, и управляющимъ нѣсколькими губерніями. И конечно не одинъ изъ нихъ Графъ Брюсъ бывалъ въ подобномъ заблужденіи : но не многіе столь почтенно, какъ онъ, и съ такою пользою признавались въономъ.

Расположеніе его тѣснить меня однакожъ продолжалось,

и думаю отъ того, сильнаго предубѣжденія, которому, какъ сказалъ я выше, не могъ онъ сопротивляться, всѣ возможныя выискивалъ онъ къ тому средства, посадилъ въ Палату двухъ членовъ, коимъ онъ покровительствовалъ, съ тѣмъ чтобы они всячески шли противъ меня. Но, не смотря на обѣщанныя имъ отъ него за то награды, и ужасные угрозы за противное, они всегда были со мною согласны.

Такое согласіе со мною, какъ въ это время такъ и во всю бытность мою Предсѣдателемъ въ Палатѣ, меня даже безпокоило. Часто пѣнялъ я за него моимъ товарищамъ, говоря : для чего никогда они не спорятъ; неужель я никогда не ошибаюсь; а ошибки въ уголовныхъ дѣлахъ страшны? Они всегда отвѣчали, что нельзя, и не смѣютъ спорить противъ справедливости и порядка, можетъ быть они и пристрастны ко мнѣ были; но что я всѣми силами старался о правдѣ и порядкѣ, то истинно. Также отзывались самому покровителю своему и два члена опредѣленные отъ него для войны со мною, при всѣхъ имъ отъ него ругательствахъ. И онъ наконецъ рѣшился наглымъ образомъ открыть свое гоненіе.

Пришло время производить въ Палатѣ то дѣло о купцахъ о которомъ я описывалъ по случаю несогласія моего принять имянной Указъ не въ должномъ порядкѣ объявленный. Дѣло сіе было очень пространное и требовало еще пополнительнаго производства. Главнокомандующій вдругъ даетъ предложеніе, въ которомъ пишетъ, что дѣло оное отъ нерадѣнія присутствующихъ въ Палатѣ и особливо предсѣдателя, утопаетъ въ медленности ; чтобъ оно непремѣнно въ двѣ недѣли было рѣшено, а ежели не рѣшится въ это время, то предсѣдатель и члены отрѣшены будутъ.

По сему предложенію дѣлается справка, и на другой день подается Главнокомандующему отъ Палаты отвѣтъ, въ которомъ изъясняется, что дѣло, коего окончанія требуетъ онъ въ двѣ недѣли, въ одномъ Экстрактѣ своемъ на тысячѣ листахъ, и еще производствомъ не совсѣмъ окончено; а потому въ назначенный имъ срокъ, ни какъ рѣшено быть

не можетъ и что впрочемъ не имѣетъ онъ законнаго права назначать такихъ сроковъ, когда Генеральнымъ регламентомъ на сочиненіе однихъ опредѣленій по обширнымъ дѣламъ дается времени шесть недѣль; что наконецъ, исправность Палаты доказывается числомъ дѣлъ, рѣшенныхъ съ начала ея открытія, изъ которыхъ ни одно не было остановлено Главнокомандующимъ—и имъ самимъ. При такомъ отвѣтѣ вручилъ я графу Брюсу, для представленія Сенату и просьбу, о увольненіи меня отъ службы.

Онъ ее принялъ: однакожъ не послалъ въ Сенатъ; а на первой почтѣ написалъ жестокую на меня жалобу Государынѣ: представилъ меня непослушнымъ, надменнымъ, упрямымъ и такимъ, надъ которымъ нужно оказать примѣръ строгости. Однако Государыня съ кротостью, которая отличала ея, изволила только отвѣчать ему, "чтобъ онъ не оставилъ, призвавъ меня къ себѣ, объявить мнѣ *отъ себя*, что не прилично бы было преемника моего обремѣнять такимъ дѣломъ, которое долженъ былъ рѣшить я самъ; чтобъ я остался рѣшить его, и что не буду я отставленъ прежде его рѣшенія."

Главнокомандующій, на первой же почтѣ, получивъ отвѣтъ сей на его донесеніе, о которомъ я со всѣмъ и не зналъ, вмѣсто того, чтобъ призвать меня къ себѣ, велѣлъ въ Губернскомъ Правленіи объявить мнѣ оной указъ, съ изключеніемъ изъ него словъ: *отъ себя*, и съ прибавленіемъ въ предложеніе своихъ выговоровъ. Объявленіе такое въ присутствіи Правленія дѣлалъ мнѣ Губернаторъ. Я отвѣчалъ, что очень жалѣю, что нѣтъ въ присутствіи самаго Главнокомандующаго; и что я не могу ему лично сказать, что онъ самой дерской нарушитель закона, объявляя имянной и подписанной указъ съ перемѣною словъ его (ибо я уже зналъ тогда точныя слова рескрипта), что ея величество, какъ мудрая государыня и законодательница, конечно не изволитъ столь торжественно отвергнуть никакаго закона, особливо такъ важнаго, какъ есть указъ о вольности дворянства, дозволяющій ему оставлять службу; но, когда ей угодно было не исполнить мою просьбу,

то она о томъ именно повелѣла Главнокомандующему, объявить мнѣ только *отъ себя;* что, впрочемъ, повелѣніе сіе пріемлю я знакомъ высочайшей ко мнѣ довѣренности, и хорошаго обо мнѣ заключенія Ея Величества: ибо безъ того не естественно было бы оставлять меня въ службѣ для рѣшенія важныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ остался я предсѣдательствовать въ Палатѣ, въ которой, между прочими, рѣшилось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и оное большое о купцахъ дѣло. По особливому уваженію его въ разсужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, и наипаче относительно къ Графу Захару Григорьевичу Чернышеву, при коемъ оно началось, и котораго злоба и клевѣта хотѣли представить пристрастно въ немъ участвующимъ, приказано было бы отъ Государыни, чтобъ, когда оно рѣшится, то ни въ какомъ случаѣ не приводя въ исполненіе приговора, представить его чрезъ Главнокомандующаго Ея Величеству. Тогдашній Главнокомандующій представилъ его съ мнѣніемъ своимъ противнымъ; но Государынѣ угодно было опредѣленіе Палаты, съ коимъ согласно рѣшилъ и Сенатъ по ея волѣ.

Послѣ рѣшенія дѣла сего въ Палатѣ, Графъ Брюсъ тотчасъ отослалъ удержанную имъ у себя просьбу мою объ отставкѣ въ Сенатъ; съ прописаніемъ вмѣсто аттестата всего произшествія и съ повтореніемъ своей на меня жалобы, однако я уволенъ былъ съ награжденіемъ чина Статскаго Совѣтника: сіе было въ Маіѣ 1785 года.

КНИГА ВТОРАЯ.

Время отставки было для меня самое спокойное, самое пріятное и самое интересное.

Проживъ лѣто, осень и половину зимы 1785 г. въ деревнѣ съ отцомъ и братомъ моимъ, возвратились мы въ Москву, въ которой съ того времени жилъ я больше десяти лѣтъ сряду, внѣ ея не ночевавъ ни одной ночи. На первыхъ дняхъ нашего въ нее пріѣзду, отецъ мой, имѣвъ слишкомъ восемдесять лѣтъ, лишился зрѣнія; и главнымъ упражненіемъ моимъ было попеченіе о семъ родителѣ, истинно добромъ и чадолюбивомъ.

Свободные часы проводилъ я въ чтеніи духовныхъ книгъ, которые стали тогда моими любимыми;* въ бѣсѣдахъ съ друзьями, имѣвшими туже склонность и много занимался, какъ уже и за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, извѣстнымъ обществомъ, которое и понынѣ называютъ Мартинистскимъ,

* Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцемъ, однако кажется больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ нежели въ его безуміи; и охотно читывалъ Волтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства.

Читая извѣстную книгу "Système de la Nature," съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги подъ имeнемъ: Устава Натуры (Code de la Nature), я перевелъ уставъ этотъ. Любовался своимъ переводомъ. Напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ,—какъ вдругъ, почувствовалъ я неописанное раскаяніе—не могъ заснуть ночью прежде, нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ

и о коемъ много было и есть странныхъ и ложныхъ заключенiй происходящихъ или отъ пристрастiя, или отъ злобы, или отъ невѣжества. Мартинистскимъ же назвали его потому, что въ тоже время, какъ оно здѣлалось здѣсь извѣстнымъ, Мерсье въ своей картинѣ Парижа, называлъ тамъ Мартинистами нѣкоторое число людей съ особливымъ любопытствомъ занимавшихся чтенiемъ недавно вышедшей извѣстной книги "О Заблужденiяхъ и Истиннѣ," которая тогда же и у насъ была переведена и напечатана, и которой сочинитель былъ нѣкто Ст. Мартенъ, мужъ почтенной своими знанiями и добродѣтелями.

Цѣль сего общества была издавать книги духовныя и наставляющiе въ нравственности истинно Евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанiю, помогая особливо готовящимся на проповѣдь Слова Божiя, чрезъ удобнѣйшiя средства прiобрѣтать знанiя и качества, нужныя къ оному званiю; для чего и воспитывались у насъ больше пятидесяти семинаристовъ, которые отданы были отъ самихъ Епархiальныхъ Архiереевъ, съ великою признательностiю.

Члены общества сего упражнялись въ познанiи самаго себя, творенiя и Творца по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ Книгѣ Премудрости, Глава VII, Ст. 17—22,* содержащимся въ Библiи и въ писанiяхъ мужей,

спокоенъ, пока не написалъ какъ бы въ очищенiе себя, Разсужденiя о Злоупотребленiи Разума нѣкоторыми новыми писателями и прочая, которое въ первый разъ напечатано, помнится въ 1780 году. Теперь у меня нѣтъ ни одного экземпляра. Вторымъ изданiемъ въ 1787 году, съ котораго напечатано въ 1809 году, въ Февральской книжкѣ ежемѣсячнаго изданiя "Друга Юношества."

Сiе происходило года за два до вступленiя моего въ общество. Первые же книги, родившiе во мнѣ охоту къ чтенiю духовныхъ, были: Извѣстная "О Заблужденiя и Истинѣ," и Арндта "О Истинномъ Христiанствѣ."

* Сей бо даде мнѣ о сущихъ познанiе неложное, познати составленiе мiра, и дѣйствiе стихiй, начало, и конецъ и средину временъ, возвратовъ премѣны, и измѣненiя временъ; лѣтъ круги, и звѣздъ расположенiя, естество животныхъ, и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усилiе, и помышленiя человѣка, разнство лѣторослемъ и силы коренiй.

непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога: науки открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность же откровенія онаго во всѣ времена не сомнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго христіанина; и самый нехристіанинъ, но только бытіе Всемогущаго Бога не отрицающій и здравой имѣющій смыслъ, не можетъ отвергать возможности сей, безъ ощутительной погрѣшности противъ разсудка.

Вотъ какое было наше упражненіе.

Мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшно: но простолюдинская пословица—*вѣкъ живи, вѣкъ учись*, гораздо умнѣе такаго смѣха.

Когда человѣкъ сколько нибудь съ благоразуміемъ помыслитъ о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди, и самыми разумными слывущіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни, которое состоитъ въ томъ *единомъ*, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ.

Единое сіе заключается въ духѣ Христовомъ—долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка—въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которое есть единственной источникъ совершенной добродѣтели.

Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго; но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна; какъ бы разслабленнаго, больнаго, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать.

Надобно человѣку, такъ сказать морально перемодиться. Тогда Евангельская нравственность будетъ ему природна, тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго, и очень возможно будетъ ему исполненіе заповѣди, обращать другую щеку, ударившему по одной; заповѣди, которой смыслъ есть конечно тотъ, чтобъ въ самомъ глубокомъ смиреніи и безъ гнѣва сносить обиды. Примѣръ чувствованій, съ какимъ

сносимъ мы, порочны будучи, огорченіе и обиды отъ тѣхъ, коихъ мы любимъ по страстямъ нашимъ, легко можетъ объяснять намъ возможность неограниченнаго терпѣнія и любви къ ближнимъ и къ самымъ врагамъ своимъ у людей, имѣющихъ сердца очищенныя Божественною добродѣтелью.

Сіе моральное перерожденіе, чрезъ которое только человѣкъ становится образомъ и подобіемъ Божіимъ, и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій Христіанской церкви—не можетъ конечно произойти безъ дѣйствія силы Всемогущей; но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая, коей свобода дана отъ Бога, какъ даръ величайшій и особенно составляющій величіе человѣка. Само познаніе долженствуетъ руководствовать оное содѣйствіе, открывая человѣку, сколь далеко онъ совратился съ пути истиннаго, съ пути нерушимаго блаженства своего. Познаніе Творца и творенія открываютъ человѣку связь его съ ними и цѣль его созданія. Безъ сего познанія не можетъ быть основательное познаніе самаго себя. Безъ познанія же самаго себя, не можно имѣть премудрости. Страхъ Божій есть начало ея. О семъ пишутъ и говорятъ при всякомъ воспитаніи, но ни мало не пекутся вселять спасительный страхъ сей въ души.

Здѣсь представляется вся глубина того паденія и забвенія, въ которомъ мы живемъ. Всякой скажетъ, что онъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что *Богъ вездѣ, все знаетъ*, все видитъ и все слышитъ; въ чемъ не можно, конечно, и сомнѣваться, несомнѣваясь въ бытіи Божіемъ. Но ежелибъ имѣли мы въ сердцахъ истинную, какъ должно, къ сему вѣру, то какъ бы могли мы, зная, что всегда мыслимъ и дѣйствуемъ предъ очами Божіими, мыслить и дѣйствовать такимъ образомъ, какъ бы мы постыдились, или убоялись и предъ человѣкомъ цѣломудреннымъ или почтеннымъ.

Не можно довольно съ самаго младенчества и до конца жизни воспитывать въ людяхъ оный святой навыкъ ощущенія вездѣ присутствія Божія. Одно сіе ощущеніе можетъ раждать страхъ Божій, который есть соль истинной добродѣтели, и

коего совершенство должна быть *любовь*, побуждающая вести жизнь угодную Богу, не изъ страха наказаній отъ Него, а изъ любви къ Нему; подобно тому, какъ дѣти, прямо любящіе родителей чадолюбивыхъ, опасаются огорчить ихъ не для того, что боятъся ихъ наказаній. — Они увѣрены въ ихъ любви, коей нѣжность оскорбить боятся.

Но и самыя наказанія Божія въ здѣшней жизни и по смерти суть только очистительныя дѣйствія любви Его къ намъ, и слѣдствія нашей собственной нечистоты и грѣховъ нашихъ; какъ боль рѣзца въ рукахъ врача бываетъ иногда необходимымъ и спасительнымъ средствомъ къ исцѣленію болѣзни, которая есть слѣдствіемъ порока и невоздержности.

Вотъ нѣкоторыя черты предмета бывшаго у насъ общества и нашихъ въ немъ упражненій. Люди, какъ бы почитающіе себѣ за должность осуждать другихъ и порицать то, чего совсѣмъ не знаютъ, распускали разные о насъ толки. Шумъ былъ великъ, потому, что людей такихъ много; и больше еще тѣхъ, которые столько же охотно вѣрятъ всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить доброму.

Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили: тайно дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего въ собраніяхъ, такъ называемыхъ лучшихъ людей, или публики, не только никогда не говорятъ, да и не можно говорить о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ, сколь порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи и проч.

Между тѣмъ коварство и алчность къ наградамъ за выслуги на клеветѣ и вредѣ ближнему основанные, старались представлять насъ подозрительными, и для спокойства общаго не безопасными. Такимъ образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. По одинъ, хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скончалась среди блеска онаго, для поддержанія себя выдумалъ

навлечь подозрѣніе, на существовавшую будто, связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы.

Искусно внуша такое подозрѣніе, искусно же не допускалъ онъ и до розыска; вѣроятно для того, что не имѣвъ сердца жестокаго, при всей своей политической нещадности, нехотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакаго зла ему не причинившими; каковыя жертвы подобныя ему характеры приносятъ себѣ только тогда, когда сіе необходимо требуется ихъ интересами, для которыхъ они кромѣ себя всѣмъ жертвуютъ.

Сіе вѣроятно—а извѣстно тó, что розыскъ бы обличилъ его выдумку, которая тогда обратилась бы во вредъ ему самому. И такъ онъ старался только питать вселенное имъ подозрѣніе, выставляя себя за знающаго всё, что въ Государствѣ происходитъ, съ тѣмъ, что когда онъ хранитель Особы Государыниной, то Ей нечего опасаться—онъ все предупредитъ.

По сему расположенію удерживалъ онъ отъ строгостей; и всѣ слѣдствія возбужденнаго подозрѣнія и гнѣва Государыни на общество, долго ограничивались тѣмъ, что нѣсколько разъ запечатаны были и пересматриваны изданныя нами книги, нѣкоторыя изъ нихъ запрещены, и Н. И. Новиковъ отосланъ былъ на испытаніе въ Законѣ къ Московскому Архіепископу, который нашелъ его такимъ Христіаниномъ, какихъ бы желалъ онъ, чтобъ было больше. Сими словами доносилъ Преосв. Платонъ о порученномъ ему испытаніи.

Первое же дѣйствіе придворнаго негодованія на общество наше, явно открылось противъ меня; и сіе-то было оное сильное предубѣжденіе, съ которымъ Графъ Брюсъ пріѣхалъ начальствовать въ Москву, и коимъ особливо побуждаясь, гналъ онъ меня какъ я описывалъ.

По пріѣздѣ своемъ въ Москву, не только обходился онъ со мною крайне ласково и учтиво, но даже увѣрялъ и казалось искренно, въ желаніи имѣть самое короткое и пріятельское со мною знакомство, изъявляя притомъ особливое ко мнѣ уваженіе. Сіе продолжалось нѣсколько времени и

послѣ разсказаннаго мною спора моего съ нимъ о числѣ ударовъ, при которомъ поступилъ онъ такъ похвально.

Но вдругъ, Графъ Брюсъ говоритъ мнѣ наединѣ, что извѣстно, что я нахожусь въ ономъ обществѣ, и что хотя онъ самъ бывалъ въ подобномъ, и зная всю святость его цѣли и упражненій, понесетъ онъ въ сердцѣ своемъ уваженіе къ нимъ и въ гробъ (сіи были точныя его слова;) однако въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже непристойно симъ заниматься. "Если это таково, какъ Ваше Сіятельство сказывать изволите, отвѣчалъ я ему, то мнѣ кажется, что чѣмъ больше лѣтъ и чиновъ имѣетъ человѣкъ, и чѣмъ важнѣйшею обязанъ должностію, тѣмъ пристойнѣе и нужнѣе упражняться ему въ томъ, что его просвѣщаетъ, учитъ добродѣтели и заставляетъ исполнять ея правила."

Разговоръ нашъ былъ длинный и долго съ обѣихъ сторонъ довольно равнодушный. Предмѣтъ его былъ тотъ, что Графъ Брюсъ настоятельно требовалъ, чтобъ я оставилъ общество и упражненія оныя; и что это будетъ угодно Государынѣ. "Волю Ея о семъ что ли, спросилъ я его, объявляете вы мнѣ?" "Нѣтъ, говорилъ онъ: но можете разумѣть, что не отъ себя говорю я вамъ это." "Чтожъ, отвѣчалъ я, не ужели Государыня изволитъ знать о моихъ связяхъ и упражненіяхъ? Я думаю, едвали Ей извѣстно мое имя и существованіе на свѣтѣ." "Да, сказалъ онъ—вы Ей слишкомъ извѣстны, и она непремѣнно требуетъ отъ васъ того, что вы отъ меня слышите." "Позвольте мнѣ усумниться, говорилъ я, чтобъ такой мудрой Государынѣ было не угодно такое доброе дѣло, какимъ и вы его признаете." "Да Она не такъ думаетъ, отвѣчалъ онъ." "Можетъ быть потому говорилъ я, что оно Ей непрямо извѣстно; такъ стоитъ только Ей объяснить; а объ дѣлахъ добрыхъ не только полезно—да и долгъ вѣрнаго подданнаго объяснять Государямъ правду." "Ты поди объясняй Ей!" сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ; и съ очень сильнымъ требовалъ моего согласія на его предложеніе.

Я говорилъ что осмѣливаюсь сказать ему откровенно, и такъ, что онъ можетъ донести мои слова самой Государынѣ:

"что не могу я повѣрить, чтобъ Ея Величеству угодно было, чтобъ кто нибудь оставилъ столь хорошія упражненія. Естьли жъ Она того желаетъ по противному объ нихъ понятію, не имѣя способовъ получить истиннаго, то я думаю, угождать въ такомъ случаѣ мыслямъ Ея была бы слабость и чувство противное тому уваженію, какое имѣть естественно къ столь великой Государынѣ; и что великодушіе Ея представляю я себѣ въ столь высокой степени, что такіе то подлые угождатели должны Ей быть больше всего не угодны."

— "Знайтежъ, сказалъ мнѣ Графъ мой голосомъ дрожащимъ отъ досады, что съ теперешней минуты буду я всякое вамъ зло дѣлать" — и побѣжалъ вонъ, хлопнувъ дверью, а я спокойно поѣхалъ домой.

На другой день далъ онъ то грозное предложеніе Палатѣ, о коемъ я описывалъ; и къ дѣлу о купцахъ онъ только придрался. Принося на меня Государынѣ жалобу за поданное мною объясненіе и удержанную имъ просьбу мою объ отставкѣ, описывая упрямство мое будто по службѣ, описалъ онъ, конечно, и съ оттѣнками еще своими, и послѣднюю оную между нами сцену. Государыня имѣла привычку его жаловать; и онъ къ ней писывалъ свободно.

И такъ въ концѣ 1784 года, открылись давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія двора противъ нашего общества. Коварство, клевѣта, злоба, невѣжество и болтовство самое публики, питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами, другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность; а это дѣлалось около времени Французской Революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ; и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостину. Иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, невѣря притомъ существованію духовъ,*

* Вѣруя, что есть Богъ, Всемогущій Творецъ, Духъ Непостижимый и, конечно, Вездѣсущій, весьма безразсудно думать, что строенія его ограничиваются однимъ видимымъ нами твореніемъ, и не вѣрить бытію существъ невидимыхъ; а полагая бытіе оныхъ, безразсудно не вѣрить, чтобъ они могли имѣть вліяніе на человѣка.

и разныя разглашали нелѣпости, которымъ столькожъ не благоразумно вѣрить, сколько не похвально распускать ихъ. Однако всѣ сіи слухи, имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны; ибо и самые бунтовщики и проказники, и суевѣры и замысловатые обманщики; всего этаго, разсудя, нельзя связать хорошенько.

У страха, говорятъ, глаза велики. Вотъ отъ чего прямо родились и возрасли негодованія оныя и подозрѣнія. А содѣйствовали довѣренность къ навѣтамъ, обычай слушать шпіоновъ, которые должны необходимо лгать; потому, что ежели они будутъ доносить правду о тѣхъ, коихъ подозрѣваютъ напрасно, то естественно потеряютъ несчастную къ нимъ довѣренность, и съ нею корысть свою; обычай также полагаться на искуство полиціи, которая, почти всегда строитъ свою фортуну на безпокойствѣ жителей, вмѣсто того, чтобъ ей сохранять ихъ покой.

Много также дѣйствовали предубѣжденіе и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди, противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемыя нами книги.

Все сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789 г., которой произведеніе тогда приписывали тайнымъ обществамъ и системѣ философовъ; только ошибка въ этомъ заключеніи была та, что и общества оныя и система были совсѣмъ не похожи на наши. Нашего общества предметъ былъ добродѣтель, и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ — а система наша, что Христосъ начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и будущей. Той же философіи система отвергать Христа, сомнѣваться въ безсмертіи души, едва вѣрить что есть Богъ, и надуваться гордостью самолюбія. А обществъ оныхъ предметъ былъ заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству.

Но изъ того, что бываютъ тайныя общества вредныя,

никакъ не можно съ благоразуміемъ заключить чтобъ не могли быть и полезныя. Извѣстны примѣры, что давали отраву въ причастіи. Но чтожъ изъ того заключить можно противъ причастія?—Мистеріи древнихъ служатъ сильнымъ доказательствомъ возможности добрыхъ и полезныхъ обществъ тайныхъ.

Впрочемъ главною причиною революціи ставить самую оную философію и общества, похоже мнѣ кажется на то, какъ иногда больные, изнуривъ себя, и всѣ свои соки испортивъ невоздержностью и неосторожностью, не желая признаваться въ прямыхъ причинахъ своихъ болѣзней, стараются ихъ приписывать какимъ-нибудь неважнымъ постороннимъ случаямъ, въ коихъ они невинны, и которыя бы для нихъ совсѣмъ нечувствительны были, естьлибъ разслабленное тѣло ихъ не было уже готово разрушиться.

Злоупотребленіе власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнѣтеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ—вотъ прямые и одни источники революціи. Всѣ законодательства, всѣ училища, всѣ устройства безъ истиннаго живаго духа вѣры—безъ духа Христова—безъ свѣта премудрости Божіей, суть то для тѣла политическаго, что безъ кровочистительныхъ, лекарства и пластыря, могущія залечивать наружныя болячки—для больнаго, у котораго кровь нечистотами испорчена.

Неудовольствія оныя Правительства, подозрѣнія, скрытные присмотры полиціи, толки и шумъ публики, то уменьшаясь, то прибавляясь, продолжались лѣтъ семь. Много имѣли мы непріятелей, а защитниковъ съ голосомъ никого, ни при дворѣ, нигдѣ. Мы столько были невинны, что и не старались оправдываться, а только при случаяхъ простодушно говорили праду о цѣли и упражненіяхъ нашего общества; но намъ не вѣрили.

Хотя и собранія наши наконецъ пресѣклись, однако подозрѣніе на насъ нисколько не уменьшилось. Открывали на почтѣ наши письма, и всѣхъ моихъ писемъ копіи, особливо

къ одному тогда пріятелю бывшему въ чужихъ краяхъ отсылались къ Государынѣ. Я симъ ни мало не безпокоился и знавши писалъ всегда такъ, какъ бы я говорилъ на единѣ въ полной откровенности.

Однажды вздумалось мнѣ воспользоваться симъ обстоятельствомъ, чтобъ въ письмѣ къ моему пріятелю, къ стати расположа, описать все существо и дѣйствіе нашего общества; и такъ справедливо, что никакими бы слѣдствіями и розысками инаго не могло открыться; потому что самъ Сердцевидѣцъ видѣлъ, что инаго не было. И подлинно, въ планѣ и общихъ дѣйствіяхъ нашего общества не было ничего, кромѣ очень добраго и полезнаго для сердецъ нашихъ и для отечества. Естьли же и были между нами частныя, въ обществахъ людскихъ неизбѣжныя слабости, или ошибки, то они имѣли не больше вліянія на общее государства, какъ слабости и ошибки милліоновъ, составляющихъ его, и подверженныхъ таковымъ недостаткамъ въ человѣчествѣ.

Въ письмѣ томъ къ пріятелю моему, повторилъ я сказанное мною нѣкогда графу Брюсу, что и государи могутъ ошибаться; и что ежели Государыня, не имѣя прямаго понятія о какой-нибудь доброй вещи, дурныхъ о ней мыслей, то никакъ нѣтъ долга соображаться съ такимъ ея заключеніемъ и угождать ему была бы величайшая подлость, измѣна въ душѣ правиламъ добродѣтели, грѣхъ передъ Богомъ и предъ Ея собственно истиннымъ величіемъ. Я написалъ сіе точно для того, чтобъ она прочитала.

Еще изданіемъ и публичною продажею нѣкотораго катихизиса, употребилъ я средство представить въ самыхъ истинныхъ и краткихъ чертахъ всѣ начала науки и нравственности нашего общества. Сіе мнѣ случилось нечаянно. Часто бывалъ я тогда у преосвященнаго Платона Митрополита Московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества; однакожъ разставались мы всегда пріятелями. Однажды разговривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль объ ономъ катихизисѣ; и

я его тутъ же составилъ такъ, что пріѣхавъ домой, тотчасъ его написалъ, и переведя на Французскій языкъ и напечатавъ его въ типографіи компаніи нашей, отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ. Все сіе тогда извѣстно было только троимъ изъ самыхъ короткихъ моихъ.

Я помѣщу его здѣсь. Не знаю, сходноль это будетъ съ порядкомъ историческаго сочиненія? Но я уже сказалъ, что я не ученый,—слѣдовательно, несоблюденіе мною правилъ учености извинительно, особливо въ сихъ запискахъ, которыя пишу только для пріятелей и для любопытныхъ,* изъ коихъ можетъ быть охотники до сказокъ, будутъ быль мою читать тѣмъ охотнѣе, что это подлинно быль; и тетрадка та можетъ быть пріятна будетъ их любопытству. Вотъ она:

* Записки сіи диктовалъ я по вечерамъ для провожденія времени, и никогда бы они сочинены не были, естьлибъ мнѣ писать своею рукою.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЙ КАТИХИЗИСЪ

ИСТИННЫХЪ ФРАНКЪ МАСОНОВЪ.

Аще Сынъ вы свободитъ, тогда свободни будете.

В. Истинный-ли ты Ф. М.?

О. Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля, и тѣ воды, на коихъ носился духъ Великаго Строителя Вселенной при ея сотвореніи.

В. Чѣмъ наипаче отличается истинный Ф. М.?

О. Духомъ собратства, который одинъ есть Духъ съ Христіанскимъ.

В. Какая цѣль Орд. истинныхъ Ф. М.?

О. Главная цѣль его таже, что и цѣль истиннаго Христіанства.

В. Какой главный долгъ истиннаго Ф. М.?

О. Любить Бога паче всего, и ближняго какъ самаго себя, или еще болѣе по примѣру Св. Павла, который желалъ даже быть анаѳема и отлученъ быть отъ Іисуса Христа, ради своихъ братій.—Рим. IX, 3.

В. Какое должно быть главное упражненіе (работа) истинныхъ Ф. М.?

О. Послѣдованіе Іисусу Христу.

В. Какія суть дѣйствительнѣйшія къ тому средства?

О. Молитва, упражненіе воли своей въ исполненіи заповѣдей Евангельскихъ, и умерщвленіе чувствъ лишеніемъ того,

что ихъ наслаждаетъ; ибо истинный Ф. М. не въ иномъ чемъ долженъ находить свое удовольствіе, какъ токмо въ исполненіи воли Небеснаго Отца.

В. Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?

О. Посреди сего міра, не прикасаяся сердцемъ къ суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый былъ призванъ. —1 Кор. VII, 20.

В. Какіе суть самые вѣрные знаки послѣдованія Іисусу Христу?

О. Чистая любовь, преданность и крестъ.

В. На какой матеріи работаютъ мудрые отцы истинныхъ Ф. М.?

О. На той же, изъ которой все сотворено.

В. Въ чемъ состоитъ ихъ искуство?

О. Въ наукѣ вѣдать тайны Царствія Божія, кои другимъ сообщаютъ они въ притчахъ, по колику то нужно къ созиданію Царствія сего.

В. Гдѣ мѣсто ихъ пребыванія?

О. Въ обновленномъ Эдемѣ.

В. Почему таинство ордена не можетъ быть всякому извѣстно?

О. Потому же, почему не всякій можетъ видѣть и ощущать присутствіе Бога Вездѣсущаго.

В. Чѣмъ пріобрѣтается оное таинство?

О. Возрожденіемъ.

В. Что открывается симъ таинствомъ?

О. То, чего око не видѣло и ухо не слышало, и на сердце человѣку не всходило—сіе-то Богъ чрезъ таинство оное открываетъ возлюбленнымъ своимъ.

В. Всѣ-ли Ф. М. должны искать онаго таинства?

О. Изучаясь познавать въ натурѣ пути къ нему ведущіе, должны они всѣ искать во первыхъ Царствія Божія и Правды Его; и каждому изъ нихъ потребное приложится волею Божіею, которую одну любить должно.

В. Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, который можетъ получить (и имѣть) оное Таинство?

О. Онъ долженъ быть таковъ : что хотя бы имѣлъ способъ излечать всѣ болѣзни тѣла, и жить нѣсколько сотъ лѣтъ по примѣру древнихъ праотцевъ, совсѣмъ тѣмъ могъ бы терпѣливо сносить и не помогая себѣ, жесточайшую боль, и быть въ готовности на завтра умереть безъ роптанія; также, чтобъ былъ готовъ сносить величайшую бѣдность, обладая способами производить богатства превосходящія богатства всего міра, и имѣя средство бесѣдовать съ ангелами могъ бы смиренно пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ Источника Свѣта : и имѣя со Іисусомъ Навиномъ силу остановить солнце, и съ Иліею отверзать и затворять Небо, считалъ бы себя менѣе всѣхъ; и могъ бы скитаться безъ роптанія по землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить главу свою. Однимъ словомъ, ничѣмъ бы не желалъ наслаждаться, и на все бы рѣшился, естьли бы оное потребно было для исполненія Воли Небеснаго Своего Владыки.

В. Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего Государя?

О. Онъ долженъ Царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но строптивому.— 1 Петр. II, 17, 18; Ефес. VI, 5, 7.

В. Какія его обязанности въ разсужденіи властей Управляющихъ?

О. Онъ долженъ быть покоренъ вышимъ властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти.—Рим. XIII, 1-5.

В. Какая обязанность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи внѣшняго Богослуженія?

О. Почитая его установленія и обряды, долженъ онъ прилежно ими пользоваться, какъ средствомъ для внутренняго; чему надлежитъ быть ихъ предметомъ во всѣхъ Христіанскихъ учрежденіяхъ Богослуженія внѣшняго.

В. Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему?

О. Наиболѣе долженъ онъ пещись о ихъ вѣчномъ блажен-

ствѣ, воспитывая ихъ въ страхѣ и ученіи Господнемъ, обязанъ наблюдать между ими правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на Небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія.—Ефес. VI, 4-9; Колос. IV, 1.

В. Какъ долженъ онъ поступать со всѣми людьми вообще?

О. Всѣхъ долженъ любить для Бога, желать имъ всѣмъ всякаго въ Немъ блага и вспомоществовать имъ сколько ему возможно.

В. Какъ онъ долженъ расположенъ быть противъ своихъ враговъ?

О. Любить ихъ.

В. А противъ тѣхъ, кои клянутъ его?

О. Благословить ихъ.

В. Какъ онъ долженъ поступать съ ненавидящими его?

О. Дѣлать имъ добро.

В. А съ тѣми, которые гонятъ его?

О. Молиться за нихъ.

В. Какъ долженъ истинный Ф. М. поступать съ тѣми, которые у него просятъ?

О. Онъ не долженъ отказывать тому, кто хочетъ у него занять; просящему долженъ давать; и когда даетъ милостину, то чтобъ его лѣвая не знала что дѣлаетъ правая.*

В. Что долженъ истинный Ф. М. дѣлать съ тѣмъ, кто хочетъ съ нимъ судиться и лишить его принадлежащаго ему?

О. Если кто хочетъ съ нимъ судиться и отнять у него платье, то долженъ онъ отдать ему и рубашку, и если кто пожелаетъ заставить его идти съ собою версту то идти съ нимъ и двѣ.—Матѳ. V, 40, 41.

В. Что долженъ онъ дѣлать съ тѣмъ, кто его обидитъ?

* Истинные Ф. М. должны наблюдать сіе правило во всѣхъ добрыхъ поступкахъ; также должны они молиться тайно, постясь умощать главу свою и умывать лице, какъ сказано въ Евангеліи, и слѣдовать всѣмъ принятымъ въ общежительствѣ обычаямъ, какъ то: въ нарядахъ, въ обхожденіи, въ образѣ домашней жизни, и проч. тому подобномъ избѣгая и виду лицемѣрія.—Матѳ. V, 42; VI, 3, 6.

О. Если кто ударитъ его по одной щекѣ, то онъ долженъ обратить ему и другую.

В. Слѣдовательно, онъ не можетъ быть на войнѣ?

О. Истинный Ф. М. чтитъ Царя, и повинуется властямъ управляющимъ.

В. Какое должно быть правило истиннаго Ф. М. въ исправленіи долга своего къ отечеству?

О. Зная, что не только каждое дѣйствіе и каждое слово, но даже каждая мысль, каждый взглядъ, каждый вздохъ служатъ къ распространенію Царствія Божія или къ сопротивленію оному, и имѣя непрестанно сіе въ виду, долженъ онъ помнить при всемъ, чтобъ онъ не дѣлалъ, что чрезъ оное могутъ открываться правда или благость Господня, котораго воля должна ему быть драгоцѣннѣе всего.

В. Какія чувства истинный Ф. М. долженъ имѣть къ своимъ родителямъ?

О. Долженъ ихъ почитать, слушать и любить.—Ефес. VI, 1, 2. Но такою любовію, которая бы не препятствовала ему быть ученикомъ Іисуса Христа, рѣкшаго : " Аще кто грядетъ ко мнѣ и не возненавидитъ отца своего и матерь, и жену и чадъ, и братію и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ,"—Лук, XIV, 26, т. е. не можетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ тотъ, кто не только всѣми оными естественными связями, но даже и любовію къ самому себѣ, и всякимъ къ себѣ прилѣпленіемъ, не пожертвуетъ дѣятельному исполненію ученія Христова, и изъ ревности къ Нему не возненавидитъ или не отвергнетъ въ оныхъ всего того, что можетъ ему препятствовать.

В. Можетъ-ли истинный Ф. М. жениться?

О. Богъ видя, что человѣкъ утопаетъ во снѣ грѣховномъ благоволилъ сотворить ему помощницу, и отдѣля отъ него натуру (часть) женскую, сдѣлалъ изъ оной жену.—Быт. II.

Ученики Христовы услыша слова Его о брачномъ состояніи, сказали Ему " лучше есть не женитися." Онъ же рѣче имъ : " Не вси вмѣщаютъ словесе сего (не всѣ могутъ не жениться) но имъ же дано есть; суть бо скопцы, иже изъ

чрева матерня родишася тако, и суть скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ; и суть скопцы, иже исказиша сами себе Царствія ради Небеснаго. Могій вмѣстити да вмѣститъ."— Матѳ. XIX, 10, 12.

Въ откровеніи Іоанновомъ сказано, говоря о 144,000 искупленныхъ отъ земли: "сіи суть же съ женами не осквернишася, зане дѣвственницы суть; сіи послѣдуютъ Агнцу, аможе аще пойдетъ; сіи суть куплени отъ людей первенцы Богу и Агнцу; и во устѣхъ ихъ не обрѣтеся лесть, безъ порока бо суть предъ престоломъ Божіимъ."—Апок. XIV, 4, 5.

Іовъ сказалъ: "Завѣтъ положихъ очима моима, да не помышлю на дѣвицу."—XXXI, 1.

А Св. Апостолъ Павелъ къ Коринѳяномъ говоритъ: "Хощу бо да вси человѣци будутъ яко же и азъ (въ безбрачіи и необщеніи плотскомъ съ женами); но аще не удержатся (если похоти плотской воздержать не могутъ) да посягаютъ, лучше бо есть женитися, нежели разжизатися."—1 Кор. VII, 7-9.

В. Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ своею женою?

О. Долженъ ее любить, какъ Христосъ возлюбилъ церковь, беречь ее и содержать какъ свое собственное тѣло; и стараться чтобъ она была освящена и омыта чистотою крещенія во словѣ жизни.—Ефес. V, 25, 26.

В. Какъ долженъ онъ воспитывать своихъ дѣтей?

О. Онъ долженъ, какъ скоро только возможно, начать воспитывать ихъ къ оному новому рожденію, безъ котораго не можно войти въ Царствіе Божіе, какъ говоритъ Христосъ. —Іоан. III, 5.

В. Какъ истинный Ф. М. долженъ употреблять свое имѣніе?

О. Считая себя токмо орудіемъ Божіимъ, долженъ онъ знать, что всякая полушка можетъ служить или къ строенію дѣла его и къ прославленію святаго имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что оному препятствуетъ; и по сему долженъ поступать со ввѣреннымъ ему имѣніемъ.

В. Какъ долженъ онъ поступать въ разсужденіи пищи и питья?

О. Дѣлая все во славу Божію, долженъ тоже наблюдать и при вкушеніи пищи и питія (1 Кор. X, 31) употреблять оныя долженъ умѣренно, не въ удовольстіе сластолюбію, но дабы только подкрѣпить тѣло, какъ храмину, которой надлежитъ быть яслями возрожденія и земною обителью истиннаго человѣка, внутренняго духовнаго, сотвореннаго по образу и по подобію Божескому.—1 Кор. II, 14, 15.

В. Какимъ образомъ истинный Ф. М. долженъ готовиться къ смерти?

О. Непрестанно стараясь умирать грѣху.—Рим. VI.

В. Когда начинается истинная работа въ нравственности?

О. Когда человѣкъ начнетъ совлекаться вѣтхаго Адама.

В. Когда она оканчивается?

О. Тогда, какъ вѣтхій Адамъ совлеченъ совершенно.

В. Когда престанетъ всякій трудъ и работа?

О. Когда не останется на землѣ ни единой воли, которая бы не совершенно предалася Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хощетъ прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ и явится внѣшне, и когда Царство самой Натуры освободится отъ проклятія и возвратится въ средоточіе солнца:

"Могій вмѣстити да вмѣститъ."

Катихизисъ сей съ нѣкоторыми исключеніями и прибавками по пристойности, назвавъ краткимъ изображеніемъ качествъ и должностей истиннаго Христіанина, присоединилъ я послѣ къ сочиненной мною въ то же почти время книгѣ подъ названіемъ: *Нѣкоторыя Черты о Внутренней Церкви, о Единомъ Пути Истины и о Различныхъ Путяхъ Заблужденія и Гибели,* которая два раза напечатана; въ первый разъ въ 1798, а во второй въ 1801 г. Она переведена очень хорошо на Французскій языкъ; и сей переводъ также напечатанъ въ С. Петербургѣ; а послѣ вышло онаго изданіе въ Парижѣ съ аллегорическою картиною въ заглавіи моего же сочиненія, изображающею храмъ натуры и благодати,

съ моимъ же изъясненіемъ, которое на Русскомъ при картинѣ оной въ большомъ видѣ выгравировано въ Москвѣ.* Недавно картина сія съ Французскимъ изъясненіемъ, наилучшимъ образомъ выгравирована въ Лондонѣ.

Оной же катихизисъ точно въ томъ содержаніи, въ какомъ онъ написанъ и здѣсь помѣщенъ, присоединилъ я къ сочиненной мною, охотникамъ извѣстной пьесѣ, подъ именемъ: *Духовный Рыцарь*, или ищущій премудрости; которое сочиненіе диковиннымъ случилось образомъ.

Вдругъ, за обѣдомъ, пришла мнѣ объ немъ мысль. Отобѣдавши, тотчасъ я пошелъ прогуливаться. Въ прогулкѣ составился весь планъ; и я, съ Покровки, дошедши только до Ниренбергскихъ лавокъ, скорыми шагами воротился домой, принялся писать; почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ шесть, и кончилъ сіе сочиненіе, содержащее въ себѣ листа четыре печатныхъ въ 8шку мѣлкими литерами.

Въ этой пьесѣ краткими чертами представлены главные пункты Герметической Науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка, и начала самопознанія и и глубокой морали.

Для того же предмета, для котораго издалъ я свой нравоучительной катихизисъ, заставилъ я написать извѣстную книжку: *Кто можетъ быть Добрымъ Гражданиномъ и Подданнымъ Вѣрнымъ*, которая также переведена на Французской, и пущена была въ продажу. Сочинилъ ее по моему плану самый ближній другъ мой Иванъ Петровичъ Тургеневъ; сей честнѣйшій человѣкъ, коего память всегда любезна будетъ всѣмъ его знавшимъ и любящимъ добродѣтель.

Сочиненіе мое о *Внутренней Церкви*, хотя напечатано уже въ то время, когда печатаніе подобныхъ матерій весьма Правительствомъ терпимо было, однако, познакомивъ со мною многихъ, которыхъ вниманіе должно быть для меня лестно, навлекло мнѣ много и непріятелей. Нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе;

* Самый хорошій переводъ книги сей на Нѣмецкомъ языкѣ здѣланъ нѣкоторымъ г. Эвалдомъ, и помѣщенъ въ его Христіанскомъ мѣсячномъ изданіи.

ию время имъ въ томъ не благопріятствовало. Для меня же сочиненіе сей книги будетъ всегдашнимъ утѣшеніемъ, потому что ощутительная мнѣ помощь Божія въ сочиненіи семъ, удостовѣряетъ меня въ его пользѣ. При всемъ томъ однакожъ, очень умножилось удовольствіе мое отъ сдѣланнаго одобрѣнія Г-мъ Эккартсгаузеномъ, который называлъ книгу сію драгоцѣнною и истинною мудростью исполненною. Признаюсь также откровенно, что удовольствію оному причиною, сколько мое самолюбіе, которое весьма еще далеко отъ своей смерти— сей единственной совершительницы чистой добродѣтели; столько же и подкрѣпленіе въ ономъ увѣреніи о пользѣ книги, какое естественно быть должно отъ такаго мужа, коего по справедливости можно считать изъ величайшихъ свѣтилъ Божественнаго просвѣщенія, извѣстныхъ въ нашемъ времени.

Вниманіе его ко мнѣ всегда будетъ очень лестно для меня. И смиренію—у него бы мнѣ учиться надобно. Онъ писалъ ко мнѣ послѣднее можетъ быть въ жизни своей письмо; писалъ дней за десять до своей смерти, и прислалъ ко мнѣ въ манускриптѣ послѣднее же думаю, сочиненіе свое о согласіи внѣшнихъ законовъ натуры съ внутренними законами духа, подъ названіемъ: *Наставленіе Клоаса, жреца натуры, Софрониму.* Въ письмѣ томъ пишетъ, что ежели сіе его сочиненіе заслужитъ мое одобрѣніе, то онъ будетъ продолжать его. Читая сіе, я закраснѣлся при всемъ столь живомъ, какъ сказалъ я выше, самолюбіи моемъ.

Оное сочиненіе Г. Эккартсгаузена, нѣчто совершенное въ своемъ родѣ и впрочемъ превосходящее всякую похвалу мою, переведенное на русской языкъ, помѣщено въ отрывкахъ изъ его сочиненій, изданныхъ другомъ моимъ Александромъ Ѳедоровичемъ Лабзинымъ, которой перевелъ и напечаталъ многія сочиненія сего великаго мужа, какъ и другихъ подобныхъ; и коего труды въ изданіи книгъ споспѣшествующихъ распространенію свѣта Божественной мудрости и назиданію глубокаго христіанства, при дѣятельности, великодушною твердостью примѣрной, по всей справедливости обязываютъ къ нему почтеніемъ и признательностью всѣхъ

любителей истины и просвѣщенія сердечнаго. Одно изданіе извѣстнаго *Сіонскаго Вѣстника* должно дѣлать имя его любезнымъ и безсмертнымъ.

Книгу о внутренней церкви сочинялъ я въ 1789 году *, оправляясь послѣ жестокой болѣзни ; и многое изъ нея написано мною карандашемъ въ старомъ саду Графа Разумовскаго, что на Гороховомъ Полѣ, которой тогда открытъ былъ для народнаго гулянья, и въ которомъ я часто прохаживался.

Неожиданный переломъ болѣзни оной къ совершенному выздоровленію, стоитъ того, чтобъ описать его. Всѣ, знающіе какъ дѣйство силы милосердія Божія, чрезъ вѣру и раствореніе сердца любовью — разливается и на физическую натуру, съ удовольствіемъ конечно прочтутъ сіе описаніе.

Отъ простуды здѣлалась у меня, при безпрестанномъ почти кашлѣ, боль въ груди и въ боку, и нѣсколько недѣль продолжалась уже изнурительная лихорадка (fièvre lente) вѣрная предвѣстница чахотки, которую медики, и въ числѣ ихъ одинъ искренній мой пріятель, мнѣ и объявили рѣшительно ; успокоивая только меня тѣмъ, что въ разсужденіи лѣтъ моихъ, уже не самыхъ молодыхъ, могу еще я нѣсколько ихъ прокашлять.

Занемогъ я въ великой постъ. На страстной недѣли семейство наше всегда имѣло обычай говѣть. Отецъ мой въ разслабленномъ его состояніи не могъ ѣздить въ церковь и причащался дома. Но болѣзни своей, и я также дома долженъ былъ тогда причаститься послѣ обѣдни.

Въ день причастья, долго утромъ пролѣжалъ я отъ болѣзни въ постели. На силу всталъ. Между тѣмъ торопили меня итти къ отцу моему, въ спальню слушать правило. Все это тревожило нетерпѣніе, больному еще больше свойственное. Отслушавъ правило, пришелъ я въ свои комнаты одѣваться. Я спѣшу, а камердинеръ мой еще и умываться мнѣ не при-

* Я писалъ ее для употребленія въ бывшемъ обществѣ нашемъ, и она была въ иной формѣ ; особливо первая ея глава. При изданіи же въ печать, перемѣнилъ я ее въ внѣшнюю форму.

готовилъ. Разсердился я до изступленія; ругалъ его, не билъ только отъ говорившаго еще нѣсколько во мнѣ чувства долговременной любви къ нему и вниманія, по отлично хорошему его поведенію. Но брань моя была такими язвительными словами, что побои легче бы ему конечно были. Онъ дрожалъ, блѣднѣлъ—синія пятна показывались на лицѣ его. Увидѣвъ это, почувствовалъ я вдругъ всю мерзость моего поступка: и залившись слезами, бросился въ ноги къ моему камердинеру. Можно себѣ представить, какая это была сцена.

Тутъ мнѣ сказали, что священникъ пришелъ съ дарами. Я пошелъ въ слезахъ же и рыдая причащаться,—и—причастился подлинно.

Проводя священника легъ я отдохнуть. Уснулъ съ часъ, и проснувшись почувствовалъ въ тѣлѣ моемъ такую теплоту здоровья, какой медики уже для меня въ натурѣ не предполагали. Словомъ: я проснулся здоровъ.

Скоро послѣ того пріѣхалъ Ординарной дома нашего Докторъ. Посмотрѣвъ у меня пульсъ, удивился: "вы совсѣмъ здоровы, говорилъ онъ мнѣ; въ пульсѣ вашемъ не только уже нѣтъ нисколько лихорадки, да онъ такой чистой и свѣжій, какъ бы у самаго здороваго человѣка. Ну радъ я, прибавилъ онъ, что порошки мои такъ вамъ помогли—однако скорость перемѣны не обыкновенная."

Надобно примѣтить, что онъ мнѣ лѣкарства выписывалъ; а я ихъ не принималъ—и всѣ уже тогда давно оставилъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ принялъ-было я одинъ, именно изъ тѣхъ, по его мнѣнію, цѣлительнѣйшихъ порошковъ его; но у меня пошла кровь горломъ, и одинъ медикъ, которой по пріязни меня всякій день посѣщалъ, совѣтовалъ ихъ не принимать, какъ могущихъ ускорить разрушительныя слѣдствія моей болѣзни.

Такимъ образомъ я совершенно выздоровѣлъ отъ болѣзни смертельной; только слабость нѣкоторая продолжалась почти все лѣто.

Поютъ: *дивенъ Богъ во святыхъ своихъ*—но ежели можно осмѣлиться сказать, то онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Обратимся къ такъ называемой исторіи мартинистовъ въ Москвѣ.

Подозрѣнія, шпіонства и всѣ виды притѣсненія обществу нашему до крайней степени возросли при вступленіи въ управленіе оною столицею князя Прозоровскаго, смѣнившаго Петра Дмитріевича Еропкина, которой былъ человѣкъ разумной, богобоязливой и самыхъ честныхъ правилъ; а потому и дѣлалъ онъ развѣ только то, что необходимо принужденъ былъ дѣлать, исполняя порученія.

Портрета князя Прозоровскаго писать я небуду, для того, чтобъ недать какъ нибудь пищи своему пристрастію, ибо онъ такъ много былъ лично противъ меня, какъ только бы можно быть противъ своего злодѣя человѣку, не имѣющему даже понятія о томъ, что можно прощать врага своего; а я не только никогда ему зла не желалъ, не дѣлалъ и не могъ дѣлать; да и сердитъ на него не бывалъ. Его же такаго непріязненнаго ко мнѣ расположенія, кромѣ многихъ доказательствъ, видѣлъ я одно самое сильное въ своеручныхъ его письмахъ, кои онъ писалъ тогда въ глубочайшемъ секретѣ, и конечно не воображалъ чтобъ я могъ когда нибудь ихъ читать.

Напрасно однакожъ думаютъ чтобъ князь сей былъ причиною всего того, что мы наконецъ потерпѣли. Нѣтъ — при описанномъ уже мною расположеніи Государыни, это

было дѣйствіе замысловатѣйшихъ и сильнѣйшихъ при Дворѣ, нежели онъ; которые дѣйствіе сіе вмѣщали въ планъ упрочиванія и большаго современемъ возвышенія своей фортуны; а князя Прозоровскаго только выставляли, и употребляли какъ самое надежное по характеру его орудіе.

И подлинно, онъ вездѣ видѣлъ зло и опасность, особливо подозрѣвалъ онъ раздачу милостыни. Обо мнѣ отзывался между прочимъ, что я такъ много ее раздаю, что едвали не дѣлаю фальшивыхъ ассигнацій; и даже, какъ я слышалъ отъ людей весьма вѣроятія достойныхъ, навлекалъ въ томъ на меня сомнѣніе, приплетая тутъ и типографію, которая нѣкогда была подъ моимъ именемъ, и тогда давно уже не существовала. А что представлялъ онъ меня человѣкомъ не безопаснымъ для общественнаго покоя, то видѣлъ я въ оныхъ его своеручныхъ письмахъ.

Кстати о милостинѣ. Странно, какъ очень многіе противъ ея умствуютъ. Главная тому причина, кажется, желаніе оправдывать свое нехотѣніе подавать ее.

Правительству конечно нужно и должно стараться чтобъ нищіе не шатались по улицамъ и по дорогамъ, однако такими средствами устройства, чтобъ, во первыхъ, не было ихъ, если то можно, и наконецъ, чтобъ ихъ переводя, не здѣлать въ двое нещастныхъ; т. е., чтобъ лишать людей сихъ единственнаго способа къ пропитанію, и при томъ еще съ притѣсненіемъ.

Но частному человѣку, имѣющему въ сердцѣ хотя искру любви къ ближнему, какъ отказать ему въ помощи, какая можетъ быть въ томъ ошибка? Что поданныхъ нѣсколько копѣекъ иной пропьетъ? А ежели отъ сдѣланнаго по сему отказа, иногда человѣкъ долженъ будетъ сутки, или больше терпѣть голодъ, или покусится на преступленіе, или замараетъ душу свою ропотомъ на судьбу; то каково должно это быть душѣ того, кто откажетъ, ежели въ ней есть чувствительность истиннаго человѣколюбія.

И мнѣ случалось иногда отказывать и съ нѣкоторою досадою

потому, что просящій милостыни покажется мнѣ пьянымъ; однако признаюсь, я всегда очень радъ бывалъ, когда въ такомъ случаѣ воротивъ того, кому отказалъ, заслуживалъ ему, и себя какъ бы наказывалъ дачею ему въ двое, говоря себѣ въ мысляхъ : Что ! Развѣ ты самъ не проступалъ никогда предѣловъ трезвенности, и развѣ бѣдному, и подлинно крайнюю нужду имѣющему, неможетъ случиться лишнее выпить.

Впрочемъ, я въ себѣ расположеніе къ милостынѣ никакъ не считаю добродѣтелью. Это во мнѣ природная склонность, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ охотамъ. Дѣлать удовольствіе людямъ, всегда была страсть моя. Будучи еще ребенкомъ, я нарочно проигрывалъ мальчику, служившему при мнѣ, деньги, какія у меня случались, и любовался его о томъ радостью.

Но, съ того времени, какъ я по щастью узналъ, въ чемъ состоитъ истинная добродѣтель, уже я старался склонность оную обращать на исполненіе закона сей добродѣтели, чувствами дѣланія для угожденія *Источнику любви*, которой повелѣлъ *просящему давать*. Помощь ближнему, при стараніи дѣлать ее изъ искренняго къ нему сострадания, и для Бога, особливо воспитываетъ духъ въ чистой любви, которая есть магнитъ привлекающій вездѣсущаго Духа Божія готоваго всегда соединиться съ духомъ человѣческимъ ; а въ семъ соединеніи состоитъ все истинное просвѣщеніе и блаженство.

Въ такомъ расположеніи милостина всегда бываетъ полезна дающему, еслибъ она и не нужна была тому кому подается : какъ напротивъ благодѣяніе, здѣланное въ прямую пользу того, кому оно сдѣлано, но изъ тщеславія или самолюбія, нисколько не приноситъ благословенія благодѣтелю, и не только не удобряетъ сердца его, но еще ожесточаетъ его въ самолюбіи, которое есть корень всѣхъ въ человѣкѣ пороковъ ; и коего владычеству должно со всѣмъ истребиться, дабы духъ Божій воцарился въ человѣка.

Но князь Прозоровской отмѣнной былъ неохотникъ до

такой морали и подаватели милостины казались ему бунтовщиками. Представленія его не усиливали, конечно, нѣсколько уже лѣтъ постоянно существовавшаго противъ насъ расположенія; но естественно, что частыми напоминаніями питали его.

Въ началѣ 1791 г. князь Безбородько, бывшій тогда Графомъ, подъ видомъ прогулки пріѣзжалъ въ Москву, съ Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ для того чтобъ произвести надъ нами слѣдствіе, съ указомъ о томъ князю Прозоровскому, какъ Главнокомандующему въ Москвѣ. Врученіе указа сего для исполненія предоставлено было усмотрѣнію на мѣстѣ князю Безбородьку. Однако онъ подлинно, погулявъ нѣсколько недѣль въ Москвѣ, возвратился ничего не предпринимая, и не отдавъ Указа князю Прозоровскому, какъ слышалъ я отъ самаго послѣдняго, при сѣтованіи за то на князя Безбородьку.

Безбородько ни къ чему не приступилъ по своей проницательности, по мягкосердечію своему и, можетъ быть, по нѣкоторымъ личнымъ уваженіямъ дворскимъ. Впрочемъ онъ и по разсужденію своему былъ совершенно противъ всего того, что съ нами дѣлали, и послѣ мнѣ даже говорилъ, почти при первомъ свиданіи знакомства его со мною (въ 1794 году) еще при жизни Государыни, когда я жилъ въ отставкѣ и подъ нѣкоторымъ присмотромъ, что сіе дѣло не соотвѣтственно Ея славѣ.

Но не могъ онъ, или не имѣлъ довольно твердости не исполнить сдѣланнаго ему порученія какъ не нужнаго, а представилъ причину неудобности исполнить его: и такую, которая на нѣсколько мѣсяцевъ удержала слѣдствіе; но подозрѣніе умножила до крайности. Онъ сказалъ, что я сжегъ бумаги, и что чрезъ то скрылися слѣды къ уликѣ и къ основательному изслѣдованію. Съ чего же это онъ взялъ, о томъ я раскажу какъ о весьма достойномъ примѣчанія, съ той стороны, что иногда самые невинные поступки, по связи съ обстоятельствами, могутъ имѣть всѣ виды подозрѣнія и неоправдательнаго. Сіе особливо полезно для судей въ дѣлахъ уголовныхъ.

Имѣвъ большую дирекцію и большую переписку по обществу нашему, имѣлъ я у себя много и бумагъ такого рода. Собираясь переходить въ новыя комнаты, хотѣлъ я очистить свое бюро, и разобравъ бумаги, нѣсколько лѣтъ копившіяся, дралъ и жегъ самыя не важныя и не нужныя, а нужнѣйшія и важнѣйшія оставлялъ, и теперь могу поклясться, что точно такъ было. Сіе дѣлалось мѣсяца за три до пріѣзда князя Безбородько, и когда я неожидалъ никакого слѣдствія, особливо обыска въ домѣ отца моего, съ которымъ я жилъ всегда вмѣстѣ. Шпіонство, окружавшее насъ, о семъ донесло. Князь Прозоровскій принялъ это по своему; а Безбородько, узнавъ, обрадовался этому случаю по своимъ же видамъ и совсѣмъ инымъ.

Я и неподозрѣвалъ того: и вотъ какъ сперва свѣдалъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда князя Безбородько, разговаривая на одинъ съ Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ Чесменскимъ, о происходящемъ противъ нашего общества, говорилъ я ему, что мнѣ удивительно, какъ Государыня при отлично-великомъ умѣ своемъ и чрезвычайной проницательности, не можетъ открыть невинность нашего общества, и успокоиться отъ напрасныхъ на него подозрѣній; что самой обыкновенной, только опытный взоръ полицейскій, увидѣть это можетъ; что дѣйствія наши явныя, и по нимъ судить можно.

Мы воспитывали, говорилъ я, нѣсколько молодыхъ людей —стоитъ только изслѣдовать образъ мыслей, который мы старались имъ вселить. Мы издали много книгъ.—Конечно, на каждой страницѣ почти каждой изъ нихъ, найдете вы поученіе, что надобно истреблять въ себѣ самолюбіе, смиряться, все сносить, принимая все отъ руки Божіей, покоряться властямъ, какъ отъ Него поставленнымъ, и тому подобное. Что можно не понимая, или не любя такихъ правилъ, ихъ осуждать; но не сходно съ разсудкомъ внушающихъ такія правила подозрѣвать въ замыслахъ мятежническихъ. Пусть можно закрываться ими затѣйщикамъ, притворно проповѣдуя ихъ иногда словами, обкладывая себя такими книгами: — но такъ усердно и прилежно разсѣвать ихъ чрезъ такое

множество книгъ въ народѣ, было бы точно притуплять свои орудія и дѣйствовать совершенно противъ себя. Что можно провѣдать о свойствахъ и поведеніи составляющихъ общество — и увидѣли бы, что они не хуже лучшихъ изъ прочихъ, и что тѣ, которые въ службѣ изъ нихъ, отправляютъ ее не хуже, и не съ меньшимъ усердіемъ, нежели другіе. Что можно нечаянно схватить наши бумаги.

При семъ-то Графъ, который меня лично столько же любилъ, сколько былъ противъ общества нашего и правилъ его, а по связямъ большей близости своей тогдашней ко Двору, многое зналъ; и во многомъ скрытно участвовалъ и при семъ дѣлѣ, сказалъ мнѣ: "какія же схватить бумаги, когда ты ихъ сожжешь?" "Почемужъ, говорю, думать что ихъ жгутъ." "Да ты первый, отвѣчалъ онъ мнѣ, сжогъ, передъ пріѣздомъ сюда Безбородьки съ Архаровымъ."

Я истинно, даже и забылъ, что жогъ бумаги, какъ описывалъ выше и долго увѣрялъ его, что этого не бывало: но онъ разсказывалъ мнѣ даже почти часы тѣ и положеніе мѣста. Я вспомнилъ и разсказалъ ему, что такое подлинно было, и что со всѣмъ напротивъ, что я жогъ только самое ненужное и напрасно занимавшее у меня ящики; а самое интересное и нужное у меня цѣло; и я могу то доказать. Однако онъ при всей любви своей ко мнѣ, и отлично хорошемъ обо мнѣ заключеніи, этому не вѣрилъ и умеръ съ тѣмъ.

Вотъ какъ откровенность коварствомъ, и самое обыкновенное, ничего не значущее дѣйствіе, важнымъ и злымъ казаться могутъ!

Наконецъ, въ Апрѣлѣ 1792 года, рѣшилось много разъ и нѣсколько лѣтъ предпринимаемое пораженіе нашего общества.

Всѣ, вдругъ, книжныя лавки въ Москвѣ, запечатали, также типографію и книжные магазины Новикова, и домы его наполнили солдатами, а онъ изъ подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу, съ крайними предосторожностями, и съ такими воинскими снарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы.

Остро и смѣшно при семъ случаѣ сказалъ Графъ Кирила Григорьевичь Разумовскій Князю Прозоровскому, который ему разсказывалъ о важности ареста Новикова и о всѣхъ своихъ къ тому распоряженіяхъ : " Вотъ расхвастался, какъ городъ взялъ, стариченка скорченнаго геморойдами взялъ подъ караулъ, да одного бы десяцкаго или бутошника за нимъ послать, и такъ бы и притащилъ его."

Новиковъ содержался недѣли три въ Москвѣ, и потомъ отвезенъ окольными дорогами въ Шлиссельбургъ. Его везли на Ярославль и на Тихвинъ. Приставу отъ Князя Прозоровскаго предписано было съ особливою опасностію проѣзжать Ярославль, потому-де, что въ немъ была нѣкогда Масонская ложа и подъ покровительствомъ тамъ бывшаго Генералъ - Губернаторомъ Алексѣя Петровича Мельгунова, котораго тогда и съ ложей уже нѣсколько лѣтъ на свѣтѣ не было. Я описываю подробности сіи для того, чтобъ представить, какъ дѣйствовали. Можно прямо сказать, что съ своею тѣнью сражались.

Въ С. Петербургъ Новиковъ ни на часъ привезенъ не былъ ; а извѣстный Шешковскій ѣздилъ допрашивать его въ Шлиссельбургъ. Мѣсяца три ничего не открывалось о томъ, что тамъ происходило ; и вдругъ Князь Прозоровскій получилъ секретный именной Указъ, чтобъ Князя Николая Никитича Трубецкаго, Ивана Петровича Тургенева и меня, какъ главныхъ сообщниковъ, допросить по приложеннымъ отъ Государыни пункгамъ, и потомъ объявить намъ ссылку на житье въ дальнихъ отъ Москвы деревняхъ, подъ присмотромъ и безъ выѣзду изъ тѣхъ губерній, въ которыя мы отправимся.

Тургенева не было тогда въ Москвѣ. Послѣ очень скораго окончанія въ одно утро допроса Трубецкому, призвалъ для онаго же Прозоровскій меня къ себѣ. Я очень спокойно принялъ этотъ призывъ и поѣхалъ съ присланнымъ за мною съ его Генералъ - Адъютантомъ, который, крайне удивляясь моему спокойству, простодушно говорилъ мнѣ, что онъ видя

меня, совершенно увѣренъ въ моей невинности. Спокойство мое не заслуживало удивленія, ибо оно подлинно при неневинности естественно было: и напрасно многіе думаютъ, что безъ вины страдать тяжелѣе. При чувствахъ совѣсти вина конечно тяжелѣ казни: а невинность въ человѣкѣ не малодушномъ, или торжествуетъ или спокойна.

Безпокоила меня только мысль о томъ, что происходящее со мною можетъ поразить отца моего, который тогда имѣлъ уже около девяноста лѣтъ, и лишенный зрѣнія былъ въ крайней слабости тѣла; кромѣ головы, коей здравость сохранилась въ немъ почти до послѣдняго часа его жизни; а для того и старался я все отъ него скрывать.

Князь Прозоровскій приступилъ къ допросу моему съ весьма строгими изъясненіями о важности дѣла. Я имѣлъ честь быть главною цѣлью Его Сіятельства. Онъ ожидалъ раскрыть во мнѣ превеликаго злодѣя Государственнаго: и надѣялся, что доведется меня арестовать, что ему позволено было, еслибъ открылось что нибудь важнѣйшее изъ нашихъ допросовъ и изъ бумагъ, кои велѣно было отъ насъ отобрать. Но какъ уже было предубѣжденіе, что бумаги сожжены, то въ допросныхъ пунктахъ сказано было только, чтобъ мы при семъ представили наши бумаги, подъ страхомъ смертной казни за малѣйшую утайку.

И такъ, ласкаясь, что доведется оказать со мною всѣ возможныя строгости, Князь Прозоровскій призвалъ къ себѣ въ Петербургскій подъѣздной дворецъ, гдѣ онъ тогда жилъ и гдѣ все сіе происходило, Оберъ-Полиціймейстера, очень скрытно, и посадилъ его одного въ особую комнату, часу въ пятомъ послѣ обѣда, въ которомъ и я къ нему пріѣхалъ. Занимаясь со мною, забылъ Князь объ Оберъ-Полиціймейстерѣ, который въ ожиданіи приказа просидѣлъ одинъ до полуночи безъ свѣчъ. Забыли, или не смѣли ихъ къ нему внести, а это дѣлалось уже въ Августѣ. Князь, противъ чаянія своего, не нашедъ ему упражненія со мною, отпустилъ его домой съ извиненіемъ, что такъ продержалъ его. Это мнѣ сказы-

валъ самъ тогдашній Оберъ-Полиціймейстеръ, признаваясь, что не одну сотню бранныхъ словъ, которыхъ непристойно пересказывать, отпустилъ онъ въ потемкахъ намъ съ Княземъ Прозоровскимъ.

Предисловіе Князя сего къ допросу было предлинное, гораздо съ высока и жестко. Наскучивъ, сказалъ я ему, что когда онъ имѣетъ отъ Государыни Указъ и вопросные мнѣ пункты, то я думаю ему слѣдуетъ только по нихъ исполнять, а отъ себя прибавлять, кажется излишній только трудъ для него будетъ : прошу мнѣ дать пункты, такъ я буду отвѣчать. Очень хорошо, говорилъ онъ, спрашивая меня, самъ-ли я буду писать отвѣты, или позвать Секретаря, и весьма уже смягчился. "Я бы желалъ самъ, если можно, сказалъ я, но только не знаю не много-ли будетъ помарокъ." —"Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ мнѣ; ибо мнѣ приказано прислать отвѣты ваши въ чернѣ, и точно въ такомъ видѣ, какъ они напишутся," и подлинно ему такъ предписано было.

Все сіе происходило у насъ съ нимъ на единѣ въ его кабинетѣ. Я сѣлъ за его бюро и началъ писать на лучшей съ золотымъ обрѣзомъ приготовленной для того бумагѣ, очень по рукѣ очиненными перьями. Онъ давалъ мнѣ, на особливыхъ листахъ списанные, пунктъ за пунктомъ; такъ, чтобы отвѣчая на одинъ, не зналъ я содержанія слѣдующаго. Всѣхъ пунктовъ было помнится восемнадцать; а въ отвѣты на нихъ исписалъ я кругомъ двадцать листовъ и безъ одной помарки, въ двухъ мѣстахъ поправилъ только по одному слову, поставя тѣ, которыя мнѣ казались складнѣе. Сего конечно при всемъ самолюбіи, нельзя мнѣ приписать моему искуству или уму.

Вопросы сочинены были очень тщательно. Сама Государыня изволила поправлять ихъ и свои вмѣщать слова. Все мѣтилось на подозрѣніе связей съ тою ближайшею къ престолу особою, какъ я упоминалъ выше; прочее же было такъ сказать подобрано только для расширенія завѣсы.

Въ четвертомъ или пятомъ пунктѣ началась эта матерія, и Князь Прозоровскій, отдавая мнѣ его, дрожащею правда немножко рукою, такимъ же голосомъ говорилъ: "Посмотрю, что вы на это скажете?"—"О! на это отвѣчать всего легче, сказалъ я; и написалъ отвѣтъ мой, такъ справедливо и оправдательно, послѣ много сіе конечно, участовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы. Князь Прозоровскій прочитавъ отвѣтъ сей съ чрезвычайною досадою, бросилъ листъ на бюро, и подошедъ ко мнѣ, сказалъ: "Что-жъ, развѣ злыхъ-то умысловъ не было у васъ?"—"Да какъ же быть-то, не было," холодно, отвѣчалъ я ему, сидя за бюро.

Онъ далъ мнѣ для отвѣта слѣдовавшій за тѣмъ пунктъ и пошелъ ходить по комнатѣ, которая была пребольшая. Отошедъ отъ меня такъ далеко, что думалъ я не могу слышать, говоритъ про себя: "Не такъ бы съ ними надобно." Подходя ближе ко мнѣ говоритъ будто про себя, однако такъ, чтобъ я слышалъ: "Теперь Новиковъ то здѣсь, такъ съ нимъ можно тотчасъ и свести."

Признаюсь, что симъ удалось ему на нѣсколько минутъ смутить меня. Не для того, чтобъ я боялся очной ставки съ Новиковымъ, который конечной также невиненъ былъ какъ и я. Но, представивъ себѣ, что его привезли въ Москву послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія въ тайной экспедиціи, изнуреннаго, обросшаго бородою, можетъ быть окованнаго; прискорбно было ожидать такого тутъ свиданія, съ человѣкомъ, котораго я всегда очень любилъ, и съ коимъ такъ долго былъ въ самомъ короткомъ знакомствѣ.

Послѣ сихъ розыскныхъ стратагемъ Князь Прозоровскій подошедъ къ бюро, за которымъ я писалъ свой отвѣтъ, говоритъ мнѣ: "Новиковъ-то вѣдь во всемъ признался."—Не сомнѣваюсь отвѣчалъ я ему: "Я думаю, что Новиковъ также не виноватъ; а если въ чемъ виноватъ, то конечно признался: онъ не дуракъ и боится Бога."

"Однако, говорилъ мнѣ Князь Прозоровскій, съ Французами-то вы имѣли переписку?"—"Кто?" спросилъ я—"Вы

и имянно вы, сиречь ты." — "Имѣлъ," отвѣчалъ я. Обрадовался мой Князь; и съ веселымъ вдругъ лицемъ, самымъ ласковымъ тономъ продолжалъ: "это хорошо, что вы чистосердечны; да и дѣло уже извѣстное; скажи пожалуй, о чемъ же и когда вы къ нимъ писывали." "Не упомнишь, отвѣчалъ я всего, о чемъ и когда." — "Однако, сколько можешь вспомнить?" — "Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобъ прислать табаку, вина, конфектъ, сукна какаго нибудь, игрушекъ въ подарки дѣтямъ." — "Вы шутите, осердясь говорилъ мнѣ Князь: къ какимъ же — Французамъ вы писали это?" — "Къ лавочникамъ здѣшнимъ: а то къ какимъ же?"— "Нѣтъ, вы были въ перепискѣ съ якобинцами." — "А Ваше Сіятельство бывали съ ними въ перепискѣ?" — "Можетъ-ли это быть, чтобъ я съ ними переписывался," говорилъ онъ. "Такъ знайтежъ, сказалъ я ему, сидя и гораздо не учтивясь, что въ чести, въ вѣрности къ Государю и Отечеству я никакъ вамъ не уступлю; и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ."

Князь, очень сбавивши своего жару, говорилъ мнѣ: "Чтожъ ты эдакъ на меня нападаешь; вить не я, Государыня объ этомъ тебя спрашиваетъ?" — "Гдѣжъ этотъ вопросъ?" "Вотъ будетъ." — "А я буду отвѣчать." — "Чтожъ отвѣчать будешь, скажи пожалуй?" — "Тогда увидите." — "Лучше скажи пожалуй прежде, такъ можетъ быть мы и посовѣтуемся" и очень прилѣжно уговаривалъ меня разсказать ему напередъ этотъ отвѣтъ. — "Скажу вамъ только, отвѣчалъ я, что ежели Государыня изволитъ меня объ этомъ спрашивать, то я конечно въ отвѣтѣ своемъ Ей шутить не буду; и чѣмъ онъ будетъ серіознѣе, тѣмъ основательнѣе отразится клевѣта."

Я продолжалъ писать отвѣты; и ни въ одномъ пунктѣ не нашедъ такаго вопроса сказалъ Князю Прозоровскому, что такой поступокъ съ его стороны слишкомъ явно доказываетъ неблагорасположеніе его ко мнѣ, и не принесетъ ему конечно никогда славы." "Да, говорилъ онъ, въ присланныхъ отъ Государыни пунктахъ нѣтъ такаго вопроса; но мнѣ поручено

спрашивать о чемъ я разсужу, если бы того и не было въ тѣхъ пунктахъ." "Такъ Ваше Сіятельство очень не справедливо разсудить изволили, отвѣчалъ я ему; и еще вамъ скажу, что въ обязанностяхъ вѣрнаго подданнаго и сына отечества, не уступлю я ни вамъ, ни кому: а образъ спрашиванья вашего неоспоримо открываетъ личное недоброжелательство." Замолчалъ однако Князь мой.

Описываю только главныя черты обращенія со мною Князя Прозоровскаго, все же описывать было бы слишкомъ пространно и не весьма интересно. Но описываю точно какъ было и какъ самъ онъ конечно признается, еще здравствуя, и въ полезнѣйшихъ вѣроятно стратагемахъ упражняясь теперь на берегахъ Дуная.*

Одно еще обстоятельство, отмѣнно характеристическое съ его стороны, при оныхъ допросахъ разсказать надобно.

Въ тѣхъ же годахъ была въ Германіи секта, подъ именемъ Иллюминатовъ, подлинно вредная и намѣреніями своими противная христіанству и властямъ. Незнающіе смѣшивали съ нею общество наше, которое совершенно противныхъ было правилъ; и у насъ даже сочиненъ былъ планъ, какъ остерегаться отъ всякаго прикосновенія оной секты, и мѣры къ сему прилѣжно внушены были каждому члену. Планъ сей въ главномъ правленіи общества нашего сочинялъ я.

Во время допроса Князь Прозоровскій говорилъ мнѣ, что мы Иллюминаты. Я ему отвѣчалъ, что мы не только не они, да мы ихъ непріятели, и зная всю вредность этой секты, постановили самыя строгія мѣры осторожности отъ нея; чему и планъ, за нѣсколько лѣтъ назадъ мною сочиненный, привезу я къ нему хотя сей-часъ черной, писанный моею рукою. "Очень хорошо, сказалъ онъ, завтра привезите." Привезъ я завтра. Это было въ другой день моей съ нимъ допросной бесѣды. Прочитавъ бумагу мою, Князь мнѣ ее возвращаетъ, говоря, что она ничего не значитъ."—"Она только то значитъ, что мы не Иллюминаты, отвѣчалъ я, такъ

* 1-го Января 1809 года.

прошу принять ее въ оправданіе." — "Пусть вы не они, говорилъ мнѣ Прозоровской, да все тоже." — "Уже какъ скоро это доказываетъ, что мы не Иллюминаты, какими насъ считаютъ, то естественно доказываетъ и ложность заключенія объ насъ; слѣдовательно и оправдываетъ, говорилъ я: но еслибъ это мнѣ и казалось только оправданіемъ, то я думаю Ваше Сіятельство должны отъ меня принять эту бумагу; ибо я не думаю, чтобъ было намѣреніе только винить насъ." — "Не приму," отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно.

Между тѣмъ, продолжая писать отвѣты, увидѣлъ я, что въ одномъ вопросѣ сказано, чтобъ я при семъ представилъ всѣ мои бумаги подъ опасеніемъ наистрожайшей казни за сокрытіе хотя одной. Тутъ я обрадовался, что Прозоровской не принялъ отъ меня той бумаги, потому что онъ, съ расположеніемъ своимъ, могъ бы ее, принявъ особо, и утаить: а то я подумалъ про себя, принужу тебя Князь принять эту бумагу, и такимъ образомъ, что уже нельзя будетъ тебѣ скрыть ея. Замолчавъ объ ней, спрашивалъ я его, какъ же могу я при семъ представить всѣ мои бумаги, ихъ со мною нѣтъ, и такъ ихъ много, что я всѣмъ имъ и реэстра въ скоромъ времени сдѣлать не могу." "Да это не нужно, говорилъ онъ мнѣ, а вы ихъ привезете послѣ, только всѣ и за вашею печатью." На другой день по утру привезъ я ихъ къ нему безъ разбора запечатанныя въ нѣсколькихъ большихъ пакетахъ. Когда онъ ихъ принялъ, то я вынувъ изъ кармана ту не угодную ему бумагу, просилъ особо ее принять. "Я уже вамъ сказалъ, что не приму ее, отвѣчалъ онъ мнѣ — и никакъ отнюдь не приму," и оборотясь къ случившемуся тутъ по тому же дѣлу Князю Н. Н. Трубецкому, говоритъ ему: "помилуй, уговори его; навязываетъ на меня эту бумагу, къ чему она?" Трубецкой не поддержалъ меня. Однако я продолжалъ мнимое свое для нихъ упрямство, говорилъ Князю Прозоровскому: "за что такъ особливо не нравится эта бумага Вашему Сіятельству?" — "Она ничего не значитъ, и я уже сказалъ, что не приму ее," отвѣчалъ онъ мнѣ. "Такъ позвольтежъ сказать, продолжалъ я, вы должны ее принять,

какая бъ она не была. Когда Государыня приказываетъ представить мнѣ всѣ мои бумаги, то я обязанъ всѣ ихъ отдать, а вы обязаны принять."

Одумался Князь: и съ нѣкоторою торопостью, принимая ту бумагу отъ меня, говорилъ: "извольте, я ее приму, если то вамъ непремѣнно надобно." Когда онъ принялъ, то я просилъ его дозволить мнѣ въ отвѣтахъ моихъ прибавить, что я въ исполненіе требованія отдалъ ему всѣ бумаги. "Зачѣмъ же, говорилъ онъ: Государыня мнѣ и безъ того вѣритъ?"— "Не сомнѣваюсь, отвѣчалъ я; но признаюсь, что я немножко педантъ и въ приказной службѣ къ формамъ сдѣлалъ привычку, пожалуйте позвольте." Онъ вынулъ изъ бюро своего тетрадь моихъ отвѣтовъ; и я въ ней приписалъ что отдалъ ему всѣ мои бумаги и въ какой формѣ. О врученіи же ему спорной оной описалъ особо, представя обстоятельно ея содержаніе, и причину для чего я вручилъ ему ее особливо.

Отвѣты писалъ я два дни, въ которые отдыху мнѣ было только что въ первой, ѣздилъ ночевать домой, а на другой обѣдалъ у Князя Прозоровскаго; и обѣдъ нашъ точно представлялъ трапезу тайной экспедиціи. Кромѣ Княгини хозяйки, сидѣли за нимъ только служители сей экспедиціи и хозяйскіе Адъютанты; которые во все это время одни и въ домѣ его находились: ибо онъ тогда не принималъ никого, даже Губернатора: однако въ кабинетъ никто и изъ нихъ не входилъ; и мы со лбу на лобъ съ Княземъ Прозоровскимъ бесѣдовали въ немъ, покрайней мѣрѣ часовъ двадцать.

Во всѣхъ вопросахъ важнѣйшее было, какъ я описывалъ, о связяхъ съ оною ближайшею къ Престолу особою; и еще поважнѣе два пункта. 1) Для чего общество наше было въ связи съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ, и въ чемъ состояла наша съ нимъ переписка? 2) Для чего имѣли мы сношеніе съ Берлинскими членами подобнаго общества въ то время, когда мы знали что между Россійскимъ и Прусскими дворами была холодность.

На первое отвѣчалъ я, что хотя по вступленіи моемъ въ наше общество, не было уже ни какихъ отношеній къ Герцогу Брауншвейгскому; но извѣстно мнѣ что оныя ни въ чемъ иномъ состояли, какъ въ церемоніальныхъ къ нему отзывахъ по обрядамъ извѣстнаго масонства, въ коемъ былъ онъ тогда Титулярнымъ Начальникомъ нѣкоторыхъ ложъ въ Европѣ, а что касается до содержанія переписки съ нимъ, то я объ ней только то помню, что нечего помнить.

На второе : что хотя съ Берлинскими сообщниками никогда въ перепискѣ не было ни одного слова, касающагося до политики, но когда узнали мы о холодности между дворами, то всякая съ ними переписка пресѣклась, что можетъ быть доказано всякимъ изслѣдованіемъ и подлинными бумагами.

Прочіе вопросы сочинены были, какъ я уже сказалъ только для расширенія той завѣсы, которая закрывала Главной предметъ подозрѣнія; а предметъ сей столькоже казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ.

Спрашивали напримѣръ: гдѣ собирались, для чего скрытно отъ полиціи, объ обрядахъ, о числѣ ложъ, о составлявшихъ оныя и тому подобное.

На все отвѣчалъ я со всею искренностью и очень подробно. Нигдѣ по совѣсти не обвинялъ я ни себя ни общество. Вездѣ изъяснялъ пользу цѣли его и упражненій. Что же касается до скрытности отъ полиціи, то писалъ я, что не можно правосудно почитать бывшія наши собранія отъ нея тайными, когда не только она про нихъ знала, но въ праздничныя собранія и команду давали для порядка въ разъѣздѣ и проч.

Заключилъ я отвѣты свои обращеніемъ прямо къ лицу Государыни въ слѣдующихъ словахъ :

" Всѣ бумаги отдалъ, ничего важнѣйшаго даже забвеніемъ не скрылъ и проч.

" Государыня! я не злодѣй. Мать отечества! я одинъ изъ вѣрнѣйшихъ твоихъ подданныхъ и сыновъ его. Мать моя! Я исполненъ нѣжнѣйшею къ тебѣ любовію. Никогда мысль одна противъ тебя необращалася въ душѣ моей. Никогда не упражнялся я въ томъ, гдѣ бы не только находилъ,

не даже подозрѣвалъ хотя одну тѣнь криминальнаго. Свидѣтель сему Царь Царей, Господь Богъ мой, Спаситель, Надежда и утѣшеніе."

" Сіе чистосердечное исповѣданіе мое печатлѣю я слезами, не слезами страха и ропота, Государыня, ибо я не дерзаю и усумниться въ правосудіи и милосердіи Твоемъ: и ежели дѣло сіе не во всѣхъ еще отношеніяхъ изслѣдовано, или буде существуетъ какая на меня клевѣта, то я твердо увѣренъ, что все изчезнетъ отъ единаго воззрѣнія твоей прозорливости на сіе чисто сердечное мое исповѣданіе. И такъ, не слезами страха и ропота печатлѣю его; но слезами чувствительности сердца, во всей полнотѣ ощущающаго невинность свою — и любящаго — смѣю сказать — добродѣтель."

" Твой

вѣрный по гробъ подданный

Н. Лопухинъ."

Долго помнилъ я всѣ мои отвѣты, такъ, что могъ бы записать ихъ почти отъ слова до слова; но я столько усталъ, отъ Упражненія въ оригинальномъ ихъ сочиненіи, что очень много дней послѣ того приняться за перо, была самая тяжкая для меня работа.

Заключеніе же оное вытекло изъ такаго сильнаго во мнѣ впечатлѣнія, что я никогда не могъ его забыть, писавъ его я подлинно плакалъ—обливался, можно сказать, слезами—и точно отъ причинъ въ немъ изображенныхъ. Князь Прозоровской, любитель и любимецъ жестокосердой Беллоны, не короткое кажется имѣя знакомство съ такими слезами, не видавъ, что я пишу, а видя только, что плачу, обрадовался, подумавъ, что я наконецъ струсилъ; и началъ меня успокаивать: " Укрѣпитесь—чего вы робѣете?"—" Нѣтъ, отвѣчалъ я—робость очень далеко отъ меня; и я плачу не отъ нее." " Отъ чего-же?"—" Увидите, изъ того что я пишу."

Окончивъ, подалъ я ему; и когда онъ дочиталъ до словъ: *буде существуетъ какая на меня клевѣта,* то измѣнясь въ

лицѣ, говорилъ мнѣ : " Ежели вы тутъ обо мнѣ разумѣли, то напрасно."—" Нѣтъ, Ваше Сіятельство, отвѣчалъ я ; писавши это, я истинно на Васъ не мѣтилъ, какъ и то правда, что ожидалъ, что возмете вы это на свой счетъ." Сіе точно я я думалъ писавши, и останавливался, опасаясь, въ размягченныхъ тогда сильно чувствахъ моихъ, оскорбить его.

" Почемужъ ожидали Вы того, спрашивалъ онъ меня ? "— " Какъ чистосердечно увѣряю, отвѣчалъ я, что не цѣлилъ я на Васъ писавши о клевѣтѣ, также признаюсь, что считаю Васъ большимъ мнѣ непріятелемъ, и справедливость моего заключенія могу доказать очень основательно." Тутъ я говорилъ ему о томъ, какіе онъ отъ себя выдумывалъ вопросы, какъ старался меня запутывать, и проч.

Сія сцена была послѣдняя нашихъ допросовъ. Былъ при ней и Князь Николай Никитичъ Трубецкой, котораго онъ призвалъ тогда, для объявленія намъ вмѣстѣ Указа о ссылкѣ. Послѣ онаго изъясненія со мною Князь Прозоровской объявилъ намъ Указъ сей, коимъ рѣшалось все вообще дѣло, прочитавъ изъ него только то, что касалось до нашего осужденія, и показавъ намъ подпись на немъ Государыни. Всего же содержанія не читалъ. Мнѣ оное случилось уже прочесть лѣтъ черезъ десять послѣ ; и признаюсь, что читалъ съ превеликимъ негодованіемъ, коего во все производство надъ нами суда и по выслушаніи самаго незаслуженнаго мною приговора и тѣни во мнѣ не было. Можно по истинѣ сказать, что весь Указъ составленъ былъ только изъ словъ подобранныхъ для распещренія покрова обвиненія невинности.

Князь Прозоровскій по снисхожденію товарищу моему Князю Трубецкому, и потому что онъ находился тогда при должности въ казначействѣ, о сдачѣ коей ничего предписано не было при Указѣ о ссылкѣ, которой шелъ по тайной экспедиціи, далъ ему десять дней времени прожить здѣсь, для распоряженія своихъ дѣлъ, въ ожиданіи возвращенія

курьера, котораго онъ отправитъ съ нашими отвѣтами и притомъ спросится о смѣнѣ князя Трубецкаго. А мнѣ сказалъ: " Вы вить не въ службѣ, такъ можете скоро отсюда выѣхать." —" Очень бы скоро могъ и выѣхалъ, отвѣчалъ я, еслибъ не нужно мнѣ было подумать, какъ объявить отцу лежащему почти на смертномъ одрѣ; а притомъ мнѣ около сорока лѣтъ, одинадцать жилъ съ ряду въ Москвѣ, такъ и у меня натурально также должны быть дѣла, которыя бы распорядить надобно." Князь Прозоровской позволилъ и мнѣ пробыть въ Москвѣ десять же дней.

Я бы скорѣе выѣхалъ. Но писавъ мои отвѣты и особливо ихъ заключеніе, я точно ожидалъ по какому-то неизъяснимому предчувствію, что Государыня прочитавъ ихъ перемѣнитъ свои мысли; хотя Она уже рѣшила дѣло, не ожидая отвѣтовъ, которые, трудно придумать, для чего и требовались, ибо осужденіе уже было сдѣлано. Надеждою перемѣны сей ласкался я совсѣмъ не для того, чтобъ не ѣхать въ ссылку, которую принялъ я очень равнодушно; не ставилъ ее себѣ въ безчестье, почитая всегда стыдъ въ винѣ, а не въ наказаніи: и въ иныя минуты даже радовался ею, какъ отдыхомъ и удаленіемъ отъ всѣхъ тѣхъ подысковъ, которые мнѣ въ столько лѣтъ уже наскучили. Но прискорбно мнѣ было разставаться съ отцомъ, привыкшимъ въ глубокой его старости и болѣзняхъ къ моей помощи. Я думалъ, что все произшедшее и скрыть можно будетъ отъ него навсегда, ежели ссылка моя отмѣниться.

Для сего то съ удовольствіемъ питался я мечтаніемъ этой отмѣны и не равнодушно ожидалъ возвращенія курьера, отправленнаго съ нашими отвѣтами; располагая, что ежели быть перемѣнѣ рѣшенія, то она послѣдуетъ тотчасъ по прочтеніи отвѣтовъ—или никогда. Князь Прозоровской, посылая отвѣты мои и Князя Трубецкаго, писалъ, что онъ посылаетъ два отвѣта, совсѣмъ въ разномъ вкусѣ (это были точныя его слова, какъ я видѣлъ послѣ въ своеручномъ его письмѣ), что Князь Трубецкой сильно разкаивается и заслуживаетъ поми-

лованіе; а я все скрываю, упорно стою въ своихъ мнѣніяхъ, и проч. Однимъ словомъ, такъ меня описалъ, что ссылка была бы для меня подлинно еще большая милость.

Между тѣмь, нужно было приготовиться къ объявленію отцу моему. Оное приняли на себя по пріязни Графы Орловы (Алексѣй и Ѳедоръ.) Я хотѣлъ, чтобъ объявленіе то сдѣлано было сколько можно позже, ожидая перемѣны. Графъ Алексѣй Григорьевичь говорилъ мнѣ съ сожалѣніемъ, что я помѣшался, думаетъ онъ, на этомъ пунктѣ. "Можноли, чтобъ Государыня отмѣнила Указъ ею подписанной и объявленной: этаго не дѣлала Она ни одного разу во все Ея царство, и не сдѣлаетъ конечно никогда. Я коротко Ее знаю," говорилъ онъ мнѣ; однако я просилъ его подождать до самаго послѣдняго дни, которой уже былъ одинадцатой по объявленію Указа, и отсылки нашихъ отвѣтовъ.

Курьеръ не возвращается. Князь Прозоровской торопитъ меня выѣхать, измуча между тѣмъ агентовъ своего шпіонстволюбія подзорами за мною. По расчету времени, потерявъ уже надежду получить ожидаемое, просилъ я графовъ Орловыхъ объявить отцу моему. Они пріѣхали и объявили ему безъ меня предъ обѣдомъ. Минуты объявленія сего были для меня таковы, что я думаю не мучительнѣе были бы они для меня на эшафотѣ. При всей безпредѣльной любви ко мнѣ и привязанности отца моего, Богъ помогъ ему точно чудеснымъ образомъ терпѣливо принять сей ударъ.

Все къ отъѣзду у меня уже было готово, подорожная взята. Въ вечеру привели почтовыхъ, съ тѣмъ, чтобъ на завтра до свѣту мнѣ выѣхать. Но часу въ двѣнадцатомъ по полудни прислалъ за мною Князь Прозоровской и объявилъ полученный имъ имянной Указъ, въ коемъ было написано, что Государыня изволила читать наши отвѣты, и въ слѣдствіе того повелѣваетъ: О Князѣ Трубецкомъ исполнить точно поданному прежде объ насъ Указу, должность же его поручить старшему подъ нимъ; а меня оставить въ Москвѣ.

Государыню тронули отвѣты мои до слезъ, какъ я слышалъ отъ Василья Степановича Попова, которой читалъ ихъ передъ

Нею также въ слезахъ. Тогда не зналъ онъ меня еще и въ лице, а гораздо послѣ познакомясь, разсказывалъ мнѣ это, сказывая притомъ и о многихъ противъ меня отъ нѣкоторыхъ ополченіяхъ, и злыхъ и смѣшныхъ, коихъ я не хочу описывать, чтобъ не черниться ѣдкостью. И недавно при одномъ случаѣ писалъ онъ ко мнѣ: " Помню, какъ я плакалъ читавши ваши отвѣты предъ разтроганною Императрицею."

Государыня съ такими чувствами принявъ мои отвѣты, точно перемѣнила обо мнѣ свое заключеніе, и рѣшилась освободить меня отъ ссылки. Но имѣвъ, какъ извѣстно, особливую твердость поддерживать основательность своихъ повелѣній, и строго сохранять весь видъ порядка, при такой, и подлинно можетъ быть во все Ее царство однажды случившейся, отмѣнѣ Ея Указа, предлогомъ поставила опасность сразить престарѣлаго отца моего; хотя она знала о Его состояніи и подписывая Указъ о моей ссылкѣ; и гораздо прежде въ нѣсколько лѣтъ Ея противъ меня предубѣжденія, я очень ей извѣстенъ былъ, какъ знала она и то, чей я сынъ.

Легко можно представить себѣ, сколько оставленіе меня въ Москвѣ утѣшило отца моего, и меня—для него. Онъ конечно бы и не свѣдалъ ничего о томъ, что со мною происходило; еслибъ курьеръ, который отвозилъ наши отвѣты, сутки двое лишнихъ не былъ удержанъ, по причинѣ пребыванія въ то время Государыни въ Царскомъ Селѣ.

Всѣ удивлялись случившейся со мною перемѣнѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичь Орловъ, можно сказать, пораженъ былъ удивленіемъ—и тѣмъ больше, говорилъ онъ, что правила Государыни очень ему извѣстны. Не хотѣлъ онъ вѣрить, чтобъ я не имѣлъ при Дворѣ сильной партіи. И подлинно, у меня была самая сильная. Невинность, и Одинъ сильный ея покровитель.

И такъ я остался въ Москвѣ. Князь Н. Н. Трубецкой и И. П. Тургеневъ отправились на житье въ деревни. Новиковъ заключенъ былъ на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Студенты Колокольниковъ и Невзоровъ* оставлены

* Они ѣздили на моемъ иждивеніи въ чужіе края обучатся медицинѣ; и

также подъ тайною стражею. Домы Новикова остались подъ арестомъ, также и магазины съ книгами. Разборъ имъ продолжался нѣсколько лѣтъ. Множество сожжено, и все почти исчезло; многимъ участвовавшимъ въ прежде бывшей между ними типографической компаніи нанесло оное крайніе убытки—и мнѣ особливо. Это главная причина долговъ моихъ—но я не жалѣю, потому что намѣреніе къ издержкамъ было самое доброе.

А какъ при арестѣ Новикова, запечатаны были въ Москвѣ всѣ Русскія книжныя лавки, при разборѣ коихъ нашлись въ продажѣ у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ запрещенныя

когда, кончивъ ученье и получа докторскій градусъ, возвращались въ Россію, то по подозрѣнію на общество наше взяты были въ Ригѣ и по тайной экспедиціи привезены въ Невскій Монастырь; оттуда переведены въ Петропавловскую крѣпость; и наконецъ въ секретную больницу, гдѣ Колокольниковъ умеръ, а Невзоровъ, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ, освобожденъ Императоромъ Павломъ I, съ милостью. Нынѣ служитъ онъ въ Московскомъ Университетѣ Надворнымъ Совѣтникомъ, и особливо извѣстенъ по изданію преполезнаго журнала подъ именемъ : Друга Юношества, который издаетъ онъ единственно отъ ревностнаго усердія къ общему благу, для распространенія доброй нравственности.

Поступокъ сего Максима Ивановича Невзорова съ извѣстнымъ покойникомъ Степаномъ Ивановичемъ Шешковскимъ въ крѣпости, заслуживаетъ того, чтобъ его разсказать. Невзоровъ былъ болѣнъ—и не могъ отвѣчать; да и нечего отвѣчать было, а Шешковскій думалъ, что онъ упрямится и таитъ нѣчто важное : "Знаешь-ли гдѣ ты?" говоритъ ему Шешковскій. Невзоровъ : "Не знаю." Ш. "Какъ не знаешь, ты въ Тайной?" Н. "Я не знаю, что такое Тайная, пожалуй, схватя и въ лѣсъ завезутъ въ какой нибудь станъ..... да скажутъ, что это Тайная—и допрашивать станутъ." Ш. "Государыня приказала тебя бить четвернымъ полѣномъ, коли не будешь отвѣчать." Н. "Не вѣрю, чтобъ это приказала Государыня, которая написала наказъ коммиссіи о Сочиненіи Уложенія." Шешковскій вышелъ съ досадою, и послѣ принесъ Записку руки Государыни, коею повелѣвала она Невзорову отвѣчать. "Я не знаю," говорилъ Невзоровъ, "руки Ея Величества; можетъ быть вы заставили написать жену свою, да кажете мнѣ ея руку вмѣсто Государыниной" Ш. "Да знаешь-ли кто я?" Н. "И того не знаю." Ш. "Я Шешковскій." Н. "Слыхалъ я про Шешковскаго, а вы ли онъ не знаю; да впрочемъ мнѣ съ Шешковскимъ никакого и дѣла быть не можетъ. Я принадлежу Университету, и по его Уставу долженъ отвѣчать не иначе, какъ при Депутатѣ Университетскомъ," и проч. Наконецъ принуждены были отвести Невзорова, для допроса къ самому первому Куратору Ивану Ивановичу Шувалову. Допросъ былъ неважный—потому, что нечего было отвѣчать, какъ не о чемъ было бы спрашивать.

книги, то книгопродавцы сіи преданы были публичному суду.

До конца 1796 года жилъ я въ Москвѣ очень спокойно, занимаясь попеченіями о престарѣломъ отцѣ моемъ, любимымъ своимъ чтеніемъ,* знакомствомъ съ малымъ числомъ добрыхъ друзей, и прогулкою пѣшкомъ, которая всегда очень мнѣ полезна была къ сохраненію здоровья; и которая также давно, на смѣхъ сказать, подвержена была толкамъ во вредъ моему поведенію, представленному, какъ уже я выше писалъ, небездостойнымъ уваженія въ разсужденіи общественнаго покоя.

Нѣкоторые, доброжелательствуя мнѣ, и даже изъ тѣхъ, коимъ тайно порученъ былъ за мною присмотръ, убѣдительно мнѣ совѣтовали оставить привычку мою къ ходьбѣ, какъ навлекающую мнѣ опасность, хотя и безвинно. Я имъ, смѣючись, отвѣчалъ, что не оставлю, и по причинѣ самой основательной. "Вѣдь никто изъ смертныхъ, говорилъ я, не можетъ мнѣ больше сдѣлать вреда, какъ лишить меня жизни—чего вѣроятно и не случится, а если я раззнакомлюсь съ ходьбою своею и съ воздухомъ, то вѣрно самъ себя тѣмъ скоро убью."

Пока былъ въ Москвѣ Главнокомандующимъ Князь Прозоровскій, я все окруженъ былъ подсмотрами: только спасибо онъ ихъ такъ учреждалъ, чтобъ я не могъ о нихъ и догадываться; а я не хотѣлъ о нихъ знать, хотя и очень зналъ. До того даже, не безпокоился я симъ, что зная, что въ собственномъ домѣ моемъ есть подкупленные, и виду о томъ не показывалъ. Однажды вздумалось мнѣ изъ любопытства только поручить моему камердинеру, человѣку очень вѣрному,

* Упражнялся я также по охотѣ моей къ литературѣ, въ разныхъ переводахъ и мелкихъ сочиненіяхъ. Нашелъ было на меня духъ поэзіи—и я совсѣмъ не зная ея правилъ, и никогда не писавъ стиховъ, переложилъ шесть псалмовъ, обращая все на внутреннюю жизнь обновленія души, которыя напечатаны подъ именемъ: Подражаніе нѣкоторымъ Пѣснямъ Давидовымъ. Еслибъ нѣчто не отвлекло меня тогда—отъ чего піитическій духъ этотъ во мнѣ скрылся, то бы, думаю, переложилъ я всю псалтирь въ нѣсколько дней, такъ сильно онъ дѣйствовалъ. Послѣ же не могъ я написать ни одного стиха.

обстоятельно о томъ развѣдать. Но въ ту же минуту, жалѣя что и ему сказалъ, строго запретилъ ему исполнять мое порученіе, и совсѣмъ забыть его не только приказывалъ, но просилъ.

И такъ жилъ я довольно спокойно. Кромѣ того, что вскорѣ послѣ самой описанной мною развязки нашего дѣла, ссылкою въ деревни моихъ товарищей князя Трубецкаго и Тургенева и оставленіемъ меня въ Москвѣ, Правительство Московское здѣлало ко мнѣ безстыдную привязку, по приказанію ли князя Прозоровскаго, который тогда однако ѣздилъ по губерніи, и возвратясь увѣрялъ меня, что при немъ бы того не случилось — или въ подлое угожденіе ему, или въ мнимое—далѣе, не знаю.

При разборѣ бумагъ Новикова, нашли одинъ реэстръ, мною подписанный, коимъ требовалъ я по оставшемуся мнѣ кредиту при расчетѣ съ бывшею у насъ Типографическою Компаніею, на нѣсколько сотъ рублей книгъ, и въ томъ числѣ на семь съ копѣйками запрещенныхъ. Сіе случилось слѣдующимъ образомъ :

Былъ въ Орлѣ Священникъ Іоаннъ, который и нынѣ еще живъ, мужъ достойный отличнаго уваженія по его примѣрной благодѣтельности. Стараніями Христіанской любви своей, завелъ онъ больницу, богадѣльню, призрѣніе несчастнорожденныхъ младенцевъ и училище.

Между прочими къ тому средствами, желалъ онъ моей помощи нѣкоторому въ Москвѣ книгопродавцу. Я бралъ для того книги на свой счетъ, которыя отдавалъ купцу оному, съ уступкою полтины и шести гривенъ отъ рубля. Сіе дѣлалось нѣсколько лѣтъ, и обыкновенно такъ, что купецъ принесетъ ко мнѣ реэстръ надобныхъ ему книгъ многихъ десятковъ разныхъ званій : а я, не читая его, подпишу : " Отпустить по сему реэстру, на столько-то рублей книгъ на мой счетъ." Не имѣлъ я и никакой надобности читать, бывши тутъ непродавцомъ а покупщикомъ книгъ, совсѣмъ необязаннымъ знать о запрещенныхъ, о коихъ никогда мнѣ й объявляемо не было.

Изъ такихъ то реэстровъ, одинъ упомянутый мною, присланъ былъ съ прочими бумагами въ наряженное надъ книгопродавцами собраніе Суда, которое составлено было изъ Уѣзднаго, Надворнаго и Магистрата. Вдругъ мнѣ повѣстка, чтобъ я явился въ оное собраніе. Это было въ 1792 году 17 Сентября, день былъ прекрасный и я очень спокойно отправился туда пѣшкомъ ; заботился только, какъ бы успѣть воротиться домой къ батюшкѣ, который въ тотъ день пускалъ кровь, при чемъ я обыкновенно бывалъ.

Вошедъ въ оное нижнихъ судовъ собраніе, я тотчасъ увидѣлъ, что они сами очень не рады своей коммиссіи, и едва могли выговорить причину моего призыва. Я уже старался облегчить ихъ ; и не смотря на то, что у нихъ даже и никакой надлежащей формы постановлено не было, взялъ бумаги и тутъ же написалъ прямо на бѣло отвѣтъ листахъ на двухъ кругомъ. Началъ его тѣмъ, что я очень радъ, что мнѣ представляется случай публично оправдать дѣла наши —и подлинно привязавшись къ этому обстоятельству говорилъ я о невинныхъ, или лучше сказать добрыхъ намѣреніяхъ нашихъ въ продажѣ и печатаніи книгъ и проч. Словомъ, о всѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ нашего общества. На причину же требованія меня къ суду, оправдаться слишкомъ легко было. Отдавъ сей отвѣтъ судьямъ, пошелъ я домой ; и они, какъ слышалъ я, прочитавъ его, говорили : "чтожъ дѣлать? Онъ уже все рѣшилъ самъ."

Однако въ тотъ же день заготовилъ я письмо къ Государынѣ съ тѣмъ, что ежели еще отнесутся ко мнѣ по сему дѣлу, то жаловаться ей буду на такое притѣсненіе, описавъ всю его наглость.

На другой, или на третій день послѣ того, князь Прозоровскій возвратясь въ Москву 22 числа, въ которое праздновали тогда коронацію, зоветъ меня къ обѣденному столу. Послѣ обѣда изъявляетъ свое сожалѣніе о томъ, что меня безъ него обезпокоили—и что не только произошло это не по его приказанію, да онъ уже и пожурилъ гораздо тѣхъ, которые отъ неразумѣнія, такую путаницу, какъ говорилъ онъ, надѣ-

лали. Я отвѣчалъ, что не хочу и знать, отъ кого это шло, и что теперь радъ былъ случаю публично написать то, что я написалъ : но ежели еще, хотя мало коснутся до меня, то я пошлю къ Государынѣ письмо, которое и показалъ ему заготовленное въ чернѣ. Онъ убѣдительно просилъ меня это оставить ; увѣря, что уже больше ни малаго безпокойства я не потерплю.

Между тѣмъ однакожъ дѣло производилось, хотя и безъ всякаго ко мнѣ отношенія ; и когда по обыкновенному порядку пришло на ревизію Уголовной Палаты, то князь Прозоровскій настаивалъ, чтобъ непремѣнно обвинить меня. Озлобился на одного искуснаго и хорошаго судью, который ему доказывалъ, что обвинить меня ни какъ не можно, потому что я точно не продавалъ, а покупалъ запрещенныя книги, въ чемъ по законамъ виноваты тѣ, кои отпускали ихъ, бывъ обязаны ихъ не продавать, а не тотъ, кто требовалъ, и кому никогда оное запрещеніе объявлено не было, и что наконецъ, никто съ разсудкомъ не можетъ предположить во мнѣ злаго намѣренія въ дѣлѣ о семи рубляхъ съ копѣйками. Разсердился князь Прозоровскій, выгналъ судью ; однако послѣ велѣлъ оставить ревизію — чтобъ по крайней мѣрѣ не оправдать меня.

Вотъ какъ мнѣ случилось быть и предсѣдателемъ Уголовной Палаты — и подъ судомъ ея ; быть подъ судомъ Тайной Экспедиціи — и всѣ дѣла ея имѣть въ рукахъ своихъ, при нечаянной въ жизни моей перемѣнѣ, о которой опишу я въ слѣдующей книгѣ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

6го Ноября 1796 года скончалась Екатерина Великая. Кончина Ея поразила меня, какъ и всѣхъ усердныхъ сыновъ Отечества, коего она была истинная благодѣтельница. Любовь къ славѣ была Ея страсть, которой пріятнѣйшая для Нея пища была слава Россіи.

Величіе ума Ея было источникомъ всѣхъ Ея Великихъ и благотворныхъ дѣяній. Изъ него проистекала и та неподражаемая кротость, коею, столь искусно облегчала она бремя полезнаго и необходимаго для пространства Россійскихъ предѣловъ Скипетра Самодержавія: при которой однако, въ превосходной степени умѣла она содержать подданныхъ во страхѣ къ Ней, безъ робости, и въ ободрительной всегда надеждѣ на Нея. Подъ Ея державою, при недреманномъ бдѣніи нужной строгости полицейской, всякій однако мечталъ иногда себя живущимъ въ полной свободѣ и независимости.

Всѣ Ея уставы цѣлію имѣли благоустройство, и на человѣколюбіи основаны были. Одна отмѣна пытокъ, уже дѣлаетъ Имя Ея безсмертнымъ въ бытіяхъ благотворителей человѣчеству. Она первая отринула сію звѣрской паче лютость, тиранствомъ изобрѣтенную, и къ стыду просвѣщенными слывущихъ государствъ, столь многіе вѣки безплодно терзавшую въ нихъ человѣчество.

Ежели въ тайныхъ Ея судахъ, гнѣвъ иногда наклонялъ вѣсы правосудія ;* то сіе дѣйствіе небезгрѣшности, общей и Царямъ со всѣми смертными, въ высочайшей степени покрывается неизмѣннымъ Ея снисхожденіемъ и умѣренностію въ судопроизводствахъ публичныхъ, и всегда пользовалась она прелестнѣйшимъ Государей правомъ, укрощать строгость Законовъ и миловать.

Однимъ словомъ, Екатерина была примѣръ Великихъ Государей, и Царство Ея было самое благотворное для Россіи. кромѣ нѣкоторыхъ жертвъ славолюбію особливо въ войнахъ, коихъ не всегда предметомъ была одна истинная польза и безопасность Имперіи, и еще кромѣ нѣкоего попущенія роскоши, которое почитала она даже долженствующимъ

* Прошу читателя не подумать, чтобы сіе относилось къ описанному въ третьей книгѣ сихъ моихъ записокъ Суду, по Тайной Экспедиціи надо мною и надъ бывшимъ обществомъ нашимъ. Нѣтъ! Свидѣтель тому Сердцевѣдецъ; равно какъ искренности слѣдующаго мнѣнія:

Мы конечно невинны были; но Государыня считала насъ очень виноватыми по вселенному въ Нея предубѣжденію, отъ котораго кто же изъ смертныхъ всегда избѣжать можетъ; и какими непроницаемыми иногда стѣнами закрыта отъ Царскихъ очей истина, Всевидящему Одному всегда извѣстная! И такъ разсуждая, что въ понятіи Государыни самовластной были мы преступники важные; по справедливости должно признаться, что Судъ надъ нами Екатерины былъ весьма милостивый; а продолжавшаяся столько лѣтъ нерѣшимость Ея приступить къ оному означаетъ обладаніе движеніями гнѣва своего и кротость удивленія достойныя.

Я слышалъ отъ самаго князя Прозоровскаго, что Государыня нѣсколько разъ говорила ему: "для чего не арестуетъ онъ Новикова?"—"Тотчасъ—если только приказать изволите," отвѣчалъ всегда князь.—"Нѣтъ—надобно прежде найти причину," всегда же отзывалась Самодержица предубѣжденная гнѣвомъ.

Ктожъ былъ Новиковъ? Содержатель Типографіи, Порутчикъ отставной, котораго она считала совершеннымъ злодѣемъ. Такая деликатность замѣтна была бы и въ Губернаторѣ, досадующемъ въ своей губерніи на человѣка подобнаго состоянія.

NB. Но наприм. въ дѣлѣ по Тайной Экспедиціи о послѣднемъ заточеніи извѣстнаго Ростовскаго Митрополита Арсенія въ 1767 и въ началѣ 1767 г., видно до чего и Великая Екатерина могла быть на гнѣвъ подвигнута. Сіе дѣло возникло за слова, тогда уже, какъ Арсеній нѣсколько лѣтъ находился въ ссылкѣ, въ монастырѣ Архангелогородской Епархіи лишенъ Епископскаго и Священническаго сана за представленія противъ отбора Монастырскихъ вотчинъ.

содѣйствовать къ блеску процвѣтанія Монархическаго, хотя роскошь, кажется, есть самая опасная зараза для тѣла всякаго народа, неизцѣльно разслабляющая его вообще и всѣ части его составляющія, порабощеніемъ неизбѣжному игу суетной зависимости.

Дни чрезъ три послѣ перваго въ Москвѣ извѣстія о кончинѣ Государыни, получилъ я отъ друга своего Сергѣя Ивановича Плещеева письмо, которымъ описывалъ онъ мнѣ всѣ обстоятельства оной и занятія вступившаго на престолъ Императора. Письмо это было длинное. Плещеевъ при недосугахъ диктовалъ его, а въ концѣ своею рукою только приписалъ: "если вы намѣрены принять службу, то сообщите о семъ преданнѣйшему Вашему другу Плещееву."

Предположеніе его несказанно смутило меня, мнѣ тогда и особливо, такъ скоро, очень не хотѣлось въ службу. Успокоивался я нѣсколько тѣмъ, что зная его безпредѣльную ко мнѣ дружескую привязанность, былъ я увѣренъ, что онъ ни къ чему не приступитъ безъ моего согласія; и первая моя забота была, какъ можно чаще подтверждать ему мою просьбу съ дружескимъ заклятіемъ, чтобъ не только ни словомъ не касаться до вступленія моего въ службу; но и всячески стараться отвратить этотъ жребій, еслибъ случилось ему на меня подать и безъ его напоминаній. Такъ писалъ я къ Плещееву, не пропуская ни одного знакомаго мнѣ случая; а курьеровъ тогда по нѣскольку изъ Москвы скакало всякій день. Я просилъ чтобъ матерію о службѣ моей оставить по крайней мѣрѣ до личнаго свиданія въ Москвѣ, во время пріѣзду двора въ нее для коронаціи.

Между тѣмъ сообщилъ я Плещееву, который очень близокъ былъ къ Государю, въ дружеской откровенности мысли мои о разныхъ предметахъ Государственнаго Правленія; о многихъ столь быстро ежедневно дѣланныхъ перемѣнахъ новымъ Императоромъ; писалъ я въ самомъ пламенномъ усердіи къ Нему и отечеству.—много можетъ быть и полезнаго. Плещеевъ находя оное таковымъ же, и до пристрастія имѣя

ко мнѣ вниманіе, намѣренъ былъ Государю показать мои письма; но по счастію время и обстоятельства не позволили ему скоро того сдѣлать; а послѣ опыты очень ясно открыли, что это бы только безъ пользы могло навлечь гнѣвъ Государевъ и на него и на меня.

Откровеннѣе и сильнѣе еще собирался я писать, съ отправлявшимся въ Санкпетербургъ по Государеву повелѣнію, тогдашнимъ Церкви Іоанна Воина въ Москвѣ Священникомъ, Матѳѣемъ Михайловичемъ Десницкимъ, что нынѣ Черниговскій Архіепископъ Михаилъ. Сей по истинѣ великій въ званіи своемъ мужъ, коего сочиненія весьма извѣстныя въ народѣ исполненномъ безмѣрной къ нему любви и уваженія, между твореніями учителей Россійской Церкви, могутъ сравниваться только съ сочиненіями Дмитрія Ростовскаго и Тихона перваго Епископа Воронежскаго, былъ особливо привязанъ ко мнѣ съ самаго студенческаго его состоянія, и дружбу его двадцать пять лѣтъ продолжающуюся, почитаю я лестною для себя честію.

Я назначилъ притти ему ко мнѣ проститься и письма взять 25 Ноября по утру; но наканунѣ поздно въ вечеру, между прочими съ почты письмами, получилъ я въ письмѣ Григорія Григорьевича Кушелева, бывшаго тогда Генералъ адъютантомъ, имянное повелѣніе ѣхать въ С. Петербургъ и явиться прямо у Государя. Письмо Кушелева дня два пролежало въ Москвѣ на почтѣ, потому, что тогда не имѣя съ Петербургомъ обыкновенной переписки изъ дому нашего и не ходили на почту въ тѣ дни когда она изъ столицы сей приходитъ; а ходили за письмами деревенскими изъ Орла и отъ нѣкоторыхъ пріятелей жившихъ въ семъ городѣ, съ которыми и Кушелева письмо принесли.

Императоръ такъ приказалъ написать ко мнѣ, чтобъ никто о томъ не зналъ. Не знали даже самые ближайшіе при немъ друзья мои Сергѣй Ивановичь Плещеевъ и Князь Николай Васильевичь Репнинъ, котораго также въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ его жизни, имѣлъ я счастіе быть первымъ, смѣю сказать, другомъ. Дружбу сихъ двухъ изъ достойнѣйшихъ

между смертными, считаю я истиннымъ и отличнымъ въ жизни моей счастіемъ.

Христіанскія добродѣтели, примѣрное благородство души и рѣдкія дарованія ума Плещеева извѣстны всѣмъ знавшимъ его безпристрастно, что же касается до Князя Репнина, то онъ конечно былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, о которыхъ чувствованія любви къ высочайшей добродѣтели и почтенія къ истинному Геройству съ восторгомъ удивленія читаютъ въ исторіи, и коихъ величію, не понимающіе возможности его и совершенства добродѣтели, не имѣютъ силы вѣрить. Еслибъ мои правила дозволяли мнѣ давать волю самолюбію, то не просилъ бы я другой на гробѣ моемъ надписи, кромѣ слѣдующей: *Онъ другъ былъ Репнина.*

Чрезъ нѣсколько уже дней по отправленіи ко мнѣ Указа, Государь сказалъ Плещееву по французски : " Я тебѣ скажу новость; Лопухинъ нашъ, Иванъ Владиміровичь, скоро сюда будетъ. Я послалъ за нимъ." Дружеская связь моя съ Плещеевымъ и съ Княземъ Репнинымъ давно была извѣстна Государю, у котораго они были въ особливой довѣренности, когда Онъ еще былъ Наслѣдникомъ Престола, и, хотя основаніе связи сей было самое чистое, безкорыстное и весьма удаленное отъ всякихъ политическихъ видовъ—но она-то была наиболѣе причиною отмѣннаго на меня устремленія, при произшествіи съ бывшимъ нашимъ обществомъ въ 1792 году, которое однакожъ тѣмъ чудеснѣе такъ легко въ разсужденіи меня кончилось, какъ описано мною въ повѣсти о судѣ семъ.

Потомъ Государь приказалъ еще Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому, который тогда былъ Статсъ-Секретаремъ, отписать ко мнѣ съ курьеромъ чтобъ я скорѣе пріѣхалъ и прямо бы представился Его Величеству, при чемъ угодно было Государю приказать написать ко мнѣ: что "отъ Него Самаго узнаю я о томъ употребленіи, къ коему Онъ меня назначать изволитъ, по отличному Его ко мнѣ благоволенію и по извѣстнымъ моимъ достоинствамъ."

Чрезъ пять дней послѣ полученія перваго Указа, отправился я въ С. Петербургъ. Прискорбно мнѣ было

разставаться съ отцемъ моимъ, который тогда уже не вставалъ съ постели, и почти ежечасно требовалъ моей помощи, сдѣлавъ къ ней привычку многихъ лѣтъ. Не только не радовался онъ моей такъ называемой фортунѣ; но съ начала досадовалъ на меня, подумавъ, что я самъ ее проискивалъ. Я успокоивалъ его, лаская надеждою скораго возвращенія. Надежда сія подлинно подкрѣплялась во мнѣ чувствомъ, что не рожденъ я ни для какаго двора.

4го Декабря 1796 года предсталъ я предъ Павла Перваго. Онъ такъ милостиво меня принялъ, и такой имѣлъ даръ приласкать, когда хотѣлъ, что ни съ кѣмъ во всю мою жизнь не былъ я такъ свободенъ при первомъ свиданіи, какъ съ симъ грознымъ Императоромъ. Сергѣй Ивановичь Плещеевъ, который ввелъ меня въ Его кабинетъ, и одинъ былъ въ немъ при семъ первомъ моемъ представленіи, удивляясь моей смѣлости, послѣ дружески мнѣ совѣтовалъ обращаться съ Государемъ осторожнѣе. Однако я всегда смѣлъ былъ предъ Нимъ и никогда ни сколько Его не робѣлъ даже во время самой Его холодности ко мнѣ, о которой опишу въ своемъ мѣстѣ.

Въ Государѣ семъ, можно сказать, безпримѣрно соединялись всѣ противные одно другому свойства до возможной крайности: только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная, являлись въ Немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно. Пылкость гнѣва Его никогда однакожъ не имѣла послѣдствій невозвратныхъ. Къ строгости побуждался Онъ точно стремленіемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ Его предубѣжденіемъ. Сильное впечатлѣніе въ нравѣ Его здѣлало конечно то, что отъ самаго дѣтства напоенъ Онъ былъ, такъ сказать, причинами къ страхамъ и подозрѣніямъ; и что безмѣрная дѣятельность Его стѣснялась невольнымъ бездѣйствіемъ до тѣхъ, немолодыхъ уже, лѣтъ, въ которыхъ вступилъ Онъ на престолъ. Я увѣренъ, что при рѣдкомъ Государѣ больше какъ при Павлѣ I, можно было бы сдѣлать добра для

Государства, еслибъ окружавшіе Его руководствовались усердіемъ къ отечеству; а не выгодами собственной корысти.

Первой разговоръ Его со мною былъ о Московскомъ Митрополитѣ Платонѣ, на котораго Онъ тогда гнѣвался за то, что Платонъ по Его призыву, не только отмѣнно милостивому, но можно сказать, дружескому, не поспѣшилъ къ Нему пріѣхать; и представлялъ противъ начатаго Императоромъ жалованья духовнымъ особамъ знаковъ орденовъ кавалерскихъ. При чемъ Государь спрашивалъ меня: какъ я думаю объ этомъ жалованьѣ? Я Ему отвѣчалъ, что истинной Церкви Христіанской такія почести, самолюбіе питающія, конечно неприличны. Но, пріемля правленіе Церкви нынѣ больше учрежденіемъ политическимъ, не безполезно по мнѣнію моему употребляться могутъ такія отличія для награды и поощренія онаго членовъ, коихъ весьма не можно въ прямомъ смыслѣ почитать истинно духовными; l' habit ne fait pas le moine (платье монахомъ не дѣлаетъ) прибавилъ я. "Правда твоя", сказалъ Государь.

Я старался оправдывать Платона, сколько могъ; а Государь сильно обвинялъ его, и съ нѣкоторымъ огнемъ неудовольствія даже противъ меня, при всемъ несказанно милостивомъ со мною обращеніи. Однако я смѣло продолжалъ, и имѣлъ счастіе много помочь къ умилостивленію Государя. Кончилось тѣмъ что онъ изволилъ мнѣ сказать: "Ну, видно ты прямо любишь Платона; и если такъ какъ ты говоришь, то Мы съ нимъ помиримся. Пусть онъ сюда пріѣдеть."

Тотъ же день писалъ я все это къ Митрополиту, совѣтуя поспѣшить пріѣздомъ. Но онъ прежде еще воротился съ дороги, получа весьма гнѣвное отъ Императора письмо, отправленное къ нему еще до моего пріѣзда, и по Государеву еще повелѣнію съ жестокимъ выговоромъ изъ Синода Указъ, о коемъ опредѣленіе, члены подписывали въ день праздничный въ Олтарѣ Придворной Церкви, въ самое время совершенія литургіи. Отъ сего онъ занемогъ и не смѣлъ уже ѣхать. Увѣдомляя меня о томъ, благодарилъ онъ меня точно такими словами, что и батюшка его родной не могъ бы

больше для него сдѣлать. Съ моей стороны и по сей часъ не было иныхъ чувствъ, кромѣ искренней дружбы и почтенія къ сему знаменитому дарованіями своими мужу и Пастырю рѣдкимъ благоразуміемъ украшенному.

Послѣ разговора со мною, Императоръ, при первомъ свиданіи съ Новгородскимъ Митрополитомъ Гавріиломъ, сказалъ ему: " Пожалуйте, оставьте Платона въ покоѣ, и безъ меня не касайтесь до него, мы и такъ пересолили."

5го Декабря выносили въ Петропавловскій Соборъ тѣла Императора Петра III и преставльшейся Императрицы. Въ сей церемоніи шелъ я за Государемъ, которой тотъ день пожаловалъ меня въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, съ повелѣніемъ находиться при Немъ. Такимъ образомъ тогда, какъ и при покойной Императрицѣ, и прежде, опредѣлялись Статсъ-Секретари.

Въ вечеру того же дня Государь призвалъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить въ Сенатѣ Генералъ-Прокурору волю Его объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по Тайной Экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ. О сихъ послѣднихъ приказалъ Государь усугубить попеченіе къ возможному излеченію, для освобожденія также ихъ по выздоровленіи; а между тѣмъ, сколько можно ихъ покоить. И вообще приказалъ Онъ по сей Экспедиціи принять мѣры къ лучшему и сколько можно спокойнѣйшему содержанію арестантовъ.

Я обнималъ колѣна Государя, дававшаго сіе повелѣніе— точно кажется по одному чувствованію любви къ человѣчеству.

Конечно всякое возможное облегченіе судьбы подвергнувшихся заключенію подъ стражу тайную, требуется сколько человѣколюбіемъ, столькожъ и самою справедливостію; ибо тѣсны и строги могутъ быть нѣкоторыя тюрьмы публичныя для исправленія кратковременнымъ въ нихъ содержаніемъ нѣкотораго рода преступниковъ, и для удержанія примѣромъ симъ другихъ, отъ преступленій подобнаго рода; но тѣснымъ

и тягостнымъ въ темницахъ содержаніемъ угнѣтать такихъ людей, которые иногда и по основательнымъ причинамъ осуждаются на заключеніе подъ стражу тайную, было бы единственно презрѣніе человѣчества, или месть, не терпимая не только правилами Христіанства, но и самаго великодушія.

Милость и довѣренность Государевы ко мнѣ были неописанныя. Его снисхожденіе, даже до того простиралось, что Онъ позволилъ мнѣ быть при немъ по моей должности только въ послѣ обѣдніе часы; для того, что по тогдашней моей привычкѣ, очень мнѣ тяжело было рано по утру вставать, и я просилъ отъ утреннихъ пріѣздовъ меня уволить. Часто были такія минуты, въ которыя тысячи душъ для себя выпросить стоило бы мнѣ одного слова.

Милость такая родила противъ меня зависть, какъ обыкновенно при дворахъ бываетъ. Всего больше непріятнымъ для нѣкоторыхъ меня сдѣлало опредѣленіе Государемъ должности моей въ томъ, чтобъ извѣстны мнѣ были всѣ дѣла по Тайной Экспедиціи, чтобъ всегда открытъ былъ мнѣ входъ ко всѣмъ заключеннымъ по ней во всей Имперіи, и чтобъ я могъ, когда заблагоразсужу, присутствовать при слѣдствіяхъ въ ней производившихся.

Тогдашній Генералъ - Прокуроръ, пользуясь родствомъ своимъ и моею дружбою—съ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ, два раза самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ его уговорить меня отказаться отъ оной должности. Князь вмѣстѣ со мною удивлялся такой просьбѣ. Мы думали, что въ подобныхъ дѣлахъ надобно бы еще радоваться товарищамъ. Неужели, говорили мы, свидѣтели при нихъ въ тягость.

Скоро открывшаяся неспособность моего характера держаться при Дворѣ, успокоила моихъ завистниковъ. Особливо примѣтили они это изъ слѣдующаго случая:

Государь приказываетъ мнѣ съѣздить къ Трощинскому разсмотрѣть конфирмованный уже Имъ докладъ Сената, о нѣкоторыхъ осужденныхъ по дѣлу объ утратѣ въ Государ-

ственномъ Банкѣ, начавшемуся еще при жизни Императрицы —остановить исполненіе и найти способъ оправдать, или гораздо облегчить участь одного изъ осужденныхъ иностранца, котораго имя я забылъ.

Меня объ немъ просилъ сынъ Александръ Павловичъ, сказалъ мнѣ Государь; а Его разжалобила жена этаго арестанта, которую онъ видѣлъ у мужа ея, посѣщая арестантовъ по должности Военнаго Губернатора Петербургскаго.

Я поѣхалъ къ Трощинскому, у котораго изъ короткой записки о семъ дѣлѣ увидѣлъ, что осужденной оной признанъ равно виноватымъ съ нѣсколькими другими, и къ одинакому приговоренъ публичному наказанію. Конфирмованный Государемъ докладъ возвращенъ уже былъ въ Сенатъ; а изъ Сената, какъ я и тамъ справился, посланъ уже былъ Указъ къ второму Военному Губернатору о исполненіи.

Сообразивъ обстоятельства дѣла,—я думалъ, что простить или облегчить казнь всегда прилично милосердію самовластнаго Государя; но изъ осужденныхъ къ равному наказанію, равныхъ преступниковъ, одного исключить, или очень меньше наказать передъ другими, было бы нарушить правосудіе съ наглымъ презрѣніемъ къ человѣчеству.

Всего лучше, казалось мнѣ, если нельзя всѣхъ простить, то перемѣнить наказаніе всѣхъ равно съ опымъ иностранцомъ приговоренныхъ, на содержаніе въ смирительномъ домѣ, или въ какихъ другихъ тюрьмахъ; и его освободить прежде,—и сіе здѣлать, если угодно Государю, скрытнѣе, чтобъ по крайней мѣрѣ сколько нибудь при томъ въ наружности сохранить порядокъ правосудія.

Съ такими мыслями я возвратился къ Государю. Онъ былъ тогда въ кабинетѣ съ наслѣдникомъ Александромъ Павловичемъ и княземъ Безбородькомъ. Скоро вышелъ въ Секретарскую нашу комнату, которая была передъ самымъ кабинетомъ, и, подошедъ ко мнѣ, спрашиваетъ тихонько, что я здѣлалъ. Я доложилъ Ему о моей справкѣ и мысли свои представилъ. "Какъ - же, сказалъ Государь, всѣхъ! Они виноваты!"—"Да-и онъ виноватъ," отвѣчалъ я. Государь

подошелъ къ Безбородьку и также говорилъ съ нимъ тихо. Я остался у своего Секретарьскаго стола. Поговоривъ нѣсколько съ Безбородькою, Государь оборатясь ко мнѣ, изволилъ сказать : "Чтожъ не подойдешь ты къ намъ, Иванъ Володимировичъ? мы говоримъ о твоемъ дѣлѣ." Я подошелъ,— Государь продолжалъ : "вотъ и Александръ Андреевичъ говоритъ, что можно его освободить, и послать только какъ хорошаго художника (непомню какого мастерства) на житье въ бывшій городъ Воскресенскъ Московской губерніи, гдѣ онъ и полезенъ будетъ для отдѣлки монастыря,"—"А прочихъ-то, докладывалъ я, съ коими онъ равно виноватъ, куда же?" "Въ ссылку по приговору," отвѣчалъ Государь.— "Воля ваша, сказалъ я, только это будетъ не сходно съ правдою и порядкомъ." "Да онъ же почти и не виноватъ," выговорилъ при томъ князь Безбородько.—"Какъ - же, говорилъ я, невиноватаго Сенатъ осудилъ и Государю казнь его подписать дали?" На сіе Государь мнѣ со гнѣвомъ : "Полно, братецъ, перестань."

Замолчавъ отошелъ я къ своему столу; Государь, поговоря опять тихонько же съ Безбородькою, подошелъ ко мнѣ, и уже милостиво спрашивалъ : "Ну что - жъ ты думаешь здѣлать?"—"Я здѣлаю то, что Ваше Величество приказать изволите; а думаю, что не сравнять наказаніе будетъ не справедливо и не сходно съ Вашимъ Великодушіемъ." "Нѣтъ, сказалъ Государь : эдакъ нельзя—я прикажу Архарову."

Послѣ сей-то сцены товарищи мои, какъ мнѣ одинъ изъ нихъ послѣ самому сказывалъ, надежно заключили, что не удержусь я при Дворѣ. Однако послѣ ея Государь нисколько еще не отмѣнилъ Своего милостиваго со мною обращенія.

Но вотъ что не мало замѣчательнаго при семъ надобно сказать. Въ комнатѣ гдѣ оное происходило, были только Императоръ, Наслѣдникъ, князь Безбородько, человѣка два изъ самыхъ ближнихъ при Государѣ—и я, да первый Государевъ камердинеръ стоялъ у дверей. Не больше конечно, какъ черезъ полчаса послѣ той сцены, я поѣхалъ домой; а

на завтра, какъ я проснулся, камердинеръ мой говоритъ мнѣ : " Что это Вы такъ спорите съ Государемъ, какъ вчера сказываютъ. Вѣдь бѣда будетъ!" "Отъ кого онъ это слышалъ?" спрашивалъ я.—" Отъ бывшаго за мной лакея." " А онъ отъ кого?"—" Отъ придворнаго."

Окружавшимъ Государя не нравилась также связь моя съ княземъ Репнинымъ и Плещеевымъ; и тѣмъ больше, что основанію ея предполагали они правила столько же твердыя, сколько съ образомъ ихъ мыслей не сходныя. Ожидали, что связь сія можетъ очень усилиться и распространиться.

Когда Государь по моему представленію приказалъ послать за стариннымъ же другомъ моимъ Захаромъ Яковлевичемъ Корнѣевымъ, человѣкомъ исполненнымъ честности и рѣдкихъ къ службѣ способностей, бывшимъ тогда въ Орлѣ Вице-Губернаторомъ—то заключеніе оное подкрѣпилось; и на языкѣ, часто при дворахъ употребительномъ, говорили, что я подбираю себѣ партію. Но у меня истинно того никогда и въ мысляхъ не было. Во всю бытность мою при дворѣ, одинъ предметъ мой былъ служить Государю вѣрно, вездѣ, гдѣ только мнѣ представится случай, соблюдать пользу Государства и человѣчества вообще; и милость Государеву сохранять доколѣ то будетъ угодно Единому Источнику милости непреложной.

Вотъ что при посылкѣ за Карнѣевымъ случилось примѣчательнаго со стороны мечтательности интрижныхъ заботъ придворныхъ. Въ то время, какъ я еще и не думалъ представлять о немъ, уже говорили, что я стараюсь опредѣлить его въ Секретари по военной части при Государѣ; и одинъ изъ любимцевъ Его всякій день спрашивалъ меня : послалиль за Карнѣевымъ? не хотя мнѣ вѣрить что не послали. Чрезъ нѣсколько дней послѣ такихъ вопросовъ, самый этотъ любимецъ, сидя со мною на канапе предъ Государевымъ кабинетомъ, фамиліарнымъ и очень будьто дружескимъ тономъ, какой онъ уже тогда употреблялъ со мною, проситъ меня еще въ откровенности ему сказать, послалиль за Карнѣевымъ? Я увѣряю его, что нѣтъ, развѣ безъ меня; что нельзя и глупо

было бы мнѣ таить это, и что ежели чрезъ меня призываться будетъ Карнѣевъ, то я тотъ часъ ему скажу. Только что кончили мы этотъ разговоръ, Государь не помню за чѣмъ изволилъ позвать меня къ себѣ—въ кабинетъ, и я тутъ имѣлъ случай доложить о Карнѣевѣ, какъ о человѣкѣ, коего служба при Немъ весьма полезна быть можетъ. "Пошли же за нимъ," сказалъ мнѣ Государь. Вышедъ изъ кабинета, написалъ я къ Генералу-Прокурору письмо, съ объявленіемъ воли Государевой о пріѣздѣ Карнѣева въ С. Петербургъ, и показалъ оное любопытному пріятелю моему придворному.

Никогда, однако, не считалъ я за полезное быть Карнѣеву по военной части, отъ которой онъ тогда уже лѣтъ двадцать отсталъ. Но я думалъ всегда, что по всѣмъ частямъ правленія, нужно быть при Государѣ особливымъ Секретарямъ или докладчикамъ, кромѣ управляющихъ частями или министровъ, коихъ доклады о своихъ же производствахъ по большей части должны быть естественно не иное, какъ ходатайство за то, что только имъ пріятно и надобно. Такой перевѣсъ весьма бы конечно былъ полезенъ, особливо по дѣламъ Сената, коего большинство голосовъ, давно уже здѣлалось однимъ только отголоскомъ Генералъ-Прокурора. "Согласенъ съ предложеніемъ Его Превосходительства, или Сіятельства, или Свѣтлости," только почти слышится и пишется въ общихъ собраніяхъ онаго.

Карнѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, все уже противъ него настроено было. Одинъ самый ближвій при Государѣ комнатный человѣкъ мнѣ рѣшительно сказалъ, что никакъ его не допустятъ остаться при дворѣ. Государь откладывалъ его представленіе день за день; и Карнѣевъ въ первый разъ представленъ былъ Государю вмѣстѣ съ прочими уже благодарить за опредѣленіе его Губернаторомъ въ Минскъ, съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника; которое опредѣленіе послѣдовало по многому старанію, чтобъ по крайней мѣрѣ не напрасно онъ мною вызванъ былъ. Продолженіе службы сего достойнаго человѣка, доказываетъ сколько онъ полезенъ для нея.

Съ того времени Государь сдѣлался холоденъ ко мнѣ; только прямой къ тому причины я и теперь не знаю. Признаюсь, что и не любопытствовалъ много знать ее, зная, что я съ своей стороны не подалъ никакой. Вообще кажется можно вѣрно заключить, что главною причиною было затрудненіе, въ которое поставили Государя противъ меня тѣ, коимъ я былъ не надобенъ, и которые ему были больше надобны, нежели я. Особое свойство великодушія потребно Государямъ, чтобъ одолѣвать сіе затрудненіе.

Не только уже Императоръ не дѣлалъ мнѣ никакихъ препорученій и не призывалъ меня въ Свой кабинетъ, но пересталъ и говорить со мною. Чувствуя, что ничѣмъ не заслужилъ я гнѣва Его—былъ я очень спокоенъ. Знатоки придворнаго дѣла осуждали мое равнодушіе, и совѣтовали мнѣ хотя притворяться огорченнымъ. Почитая всегда притворство искуствомъ самымъ презрительнымъ, продолжалъ я свою откровенность, и даже чаще тогда веселъ былъ, какъ бы отъ предчувствія того, что скоро освобожусь я отъ бремени придворной жизни.

Нѣсколько разъ намѣренъ я былъ объясниться съ Государемъ въ кабинетѣ. Но тотъ, кто обыкновенно докладывалъ о входѣ въ него, не смѣлъ доложить обо мнѣ; а пріятели, искренно мнѣ добра желавшіе и которые больше знали нравъ Государевъ, не совѣтовали мнѣ того дѣлать. Наконецъ уже очень явно стало, что никакъ не можно мнѣ остаться при Государѣ; и я открыто говорилъ: что сколько бы желалъ я сохранить милость къ себѣ Государеву, столько же порадовался бы увольненію моему отъ двора.

Тотъ же самый ближній комнатный человѣкъ, о которомъ сказалъ я выше, предлагалъ мнѣ подать отъ меня Государю письмо о моемъ отъ него увольненіи, въ которомъ я могу просить себѣ многаго; что онъ увѣренъ, что Государь при отпускѣ моемъ все здѣлаетъ въ мое удовольствіе—и за это отвѣчаетъ. Я не соглашался. "Вы философъ, говорилъ онъ мнѣ, а двора позвольте сказать, не знаете. Теперь вамъ случай—я вѣрно знаю, такъ много получить, какъ уже

никогда не удастся, ежели упустите его. Лента ли вамъ надобна—Государь тотъ часъ ее надѣнетъ на васъ; чинъ также получите. Еслижъ вамъ надобна тысяча душъ, или больше, гдѣ вамъ угодно, то я берусь по подачѣ вашего письма, вынести вамъ на то Указъ; и позволяю вамъ здѣлать со мною, что хотите, ежели того не исполню."

"Нѣтъ, отвѣчалъ я ему, я не соглашусь на ваше предложенiе, хотя и увѣренъ я въ успѣхѣ (и подлинно я былъ увѣренъ). Я не философъ, но правда, что люблю держаться правилъ философическихъ. Двора подлинно я не знаю, и никогда, думаю, очень знакомъ съ нимъ быть не могу: только въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, и придворныя обстоятельства вижу я тонѣе вашего. Я не искалъ быть при Государѣ. Онъ самъ изволилъ призвать меня и принялъ съ отличною милостiю. Гнѣва Его я не заслужилъ. Возвратится милость Его ко мнѣ, я буду очень радъ—продолжится гнѣвъ Его—все я не виноватъ буду. Уволитъ онъ отъ себя меня съ милостiю—я буду счастливъ:—съ немилостiю,—несправедливость не на моей сторонѣ будетъ. Но когда я самъ буду просить увольненiя и наградъ отъ Него, не заслужа ихъ, то я оправдаю гнѣвъ Его и тогда то, есть-ли не удастся мнѣ, потеряю я то, чего уже конечно никогда возвратить не можно во всякомъ смыслѣ."

Въ такомъ расположенiи продолжалъ я всякiй день спокойно быть свои часы передъ кабинетомъ Государевымъ и нѣсколько въ нихъ разъ видѣть Его въ гнѣвѣ или очень холоднаго ко мнѣ. Между тѣмъ я старался съискивать хорошiй способъ удалиться отъ Двора. Вѣрный другъ мой Сергѣй Ивановичь Плещеевъ помогалъ мнѣ въ томъ, хотя и онъ тогда былъ уже не въ прежней милости и довѣренности у Государя. Однажды, воспользуясь очень благосклоннымъ разговоромъ Государя въ Эрмитажѣ,—Плещеевъ говоритъ Ему обо мнѣ, и проситъ уволить меня, если я Ему неугоденъ, съ милостiю. Государь отказалъ, сказавъ: "полно—дайте время, Мы съ нимъ уживемся." Но вотъ что надобно при семъ разсказать, какъ весьма характеризующее покойнаго Государя.

По званiю моему Статсъ-Секретаря, былъ при мнѣ Коллеж-

скій Совѣтникъ Александръ Алексѣевичь Лѣнивцевъ, человѣкъ съ рѣдкими дарованіями ума и сердца. Онъ былъ давно другъ Плещееву и мнѣ; и Государю извѣстенъ былъ. Плещеевъ, настаивая о увольненіи меня, говорилъ Государю: "а когда Лопухина изволите отъ себя уволить, то Лѣнивцева прошу пожаловать опредѣлить ко мнѣ." "Такъ-то, отвѣчалъ Государь съ жаромъ; хорошъ же ты другъ Ивану-то Володиміровичу! Его прочь для того, чтобъ Лѣнивцева къ себѣ. Такъ знай же, что Мы не разстанемся съ нимъ никогда;" и съ тѣмъ отошелъ отъ Плещеева.

Послѣ этаго можно было подумать, что Государь перемѣнитъ обращеніе Свое со мною на прежнее; однако оно нисколько не перемѣнилось. Странный и любопытства достойный случай рѣшилъ наконецъ увольненіе мое отъ Государя.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ кончиною Императрицы Екатерины II, заключенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость нѣкто изъ монаховъ, или послушниковъ монастырскихъ, который предсказывалъ о Ея кончинѣ, и точно въ то время какъ она случилась. При освобожденіи всѣхъ по Тайной Экспедиціи, привезенъ былъ и онъ въ Петербургъ.

Бумаги его хранились у Новгородскаго Митрополита Гавріила. Въ одинъ вечеръ, Государь, переговоря въ Своемъ кабинетѣ съ Митрополитомъ, принесшимъ къ Нему оныя бумаги, призвалъ къ Себѣ Сергѣя Ивановича Плещеева, и отдавъ ему ихъ, приказалъ показать мнѣ, и истребуя мнѣніе мое, какъ о сихъ предсказательныхъ бумагахъ, такъ и о томъ, что дѣлать съ ихъ сочинителемъ, донести оное Ему, только съ тѣмъ, чтобъ Сергѣй Ивановичъ все это производилъ со мною отъ себя, отнюдь не открывая мнѣ волю о томъ, въ разсужденіи меня, Государеву.

Разсмотрѣвъ оныя бумаги, нашелъ я въ нихъ смѣсь мрака съ нѣкоторыми отсвѣчиваніями просвѣщенія. Соединеніе такое весьма возможно, отъ сліянія безпрестанныхъ дѣйствій безчисленныхъ посредствъ на неизмѣримой лѣстницѣ свѣта,

и глубокихъ впечатлѣній тьмы. А потому не всякій—предсказатель и правды, самымъ лучемъ свѣта открываемой, есть всегда святой—просвѣщенный : и сколько ни справедливо отвергать возможность истинныхъ предсказаній, столько жъ не благоразумно и вредно уважать всякое предсказаніе и на немъ основываться. О сочинителѣ бумагъ оныхъ, полагалъ я, что какъ онъ уже посвятилъ себя трудничеству и уединенію монашескому, то всего лучше опредѣлить его въ какой нибудь выгодный монастырь и къ такому настоятелю, который бы могъ его руководствовать и къ очищенію его понятій, въ коихъ подлинно много было смутнаго.

Мнѣніе мое очень понравилось Государю. При донесеніи Плещеева, Онъ много съ нимъ обо мнѣ разговаривалъ : сказывалъ хорошее Свое обо мнѣ заключеніе; хвалилъ мои способности, только не имѣю я, говорилъ Онъ, довольно тѣхъ, какія Ему надобны въ находящихся при Особѣ Его. Плещеевъ убѣдительно просилъ моего увольненія, какъ того, чего единственно я желаю. Государь согласился меня уволить отъ Себя но не иначе какъ съ награжденіемъ ; и для того приказывалъ Плещееву сказать мнѣ, чтобъ я подалъ записку о томъ, чего хочу. Плещеевъ, зная меня, увѣрялъ, что я никакъ того не здѣлаю, а совершенно предаюсь милостивой Его волѣ. Долго Государь настаивалъ о запискѣ : но наконецъ, повѣря Плещееву, что я доволенъ буду Сенаторствомъ въ Москвѣ, пожаловалъ меня Тайнымъ-Совѣтникомъ и Сенаторомъ въ Московскіе Департаменты.

Сіе происходило по утру 20 Генваря 1797 года. Только что я проснулся, явились ко мнѣ фельдъегери съ поздравленіемъ, и съ копіею подписаннаго уже обо мнѣ Указа, присланнаго отъ моихъ товарищей, которые очень не жалѣли о разлукѣ со мною; однако также непріятно имъ было и такое скорое мое повышеніе. Это точно такъ было, хотя нѣкоторые изъ нихъ здѣлались, послѣ уже хорошими мнѣ пріятелями.

Я поѣхалъ во Дворецъ благодарить Государя. Онъ тогда

былъ въ кабинетѣ. Докладчикъ и отверзатель дверей кабинетныхъ, тотъ же ближній комнатный, о которомъ я уже два раза говорилъ, хотя по пословицѣ: *хоть съ ангелами ликуй...* однако, желая мнѣ добра, говорилъ мнѣ, что лучше поблагодарить послѣ обѣда, что Государь теперь возвратился съ вахтъ-парада очень не веселъ: а ему хотѣлось бы, чтобъ Государь принялъ меня въ кабинетѣ; и увѣренъ, что непремѣнно изволитъ то сдѣлать, и съ милостью; — только въ лучшій часъ. Я опять спорилъ съ нимъ, увѣряя напротивъ, что этаго не будетъ; и, смѣючись, говорилъ ему, что никакъ я о себѣ во всемъ лучше знаю придворную карту, нежели онъ; хотя впрочемъ онъ ее гораздо тверже моего знаетъ. "Нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—повѣрьте, что будетъ такъ, какъ я говорю; я съ вами о какомъ угодно закладѣ ударюсь: только пріѣзжайте послѣ обѣда."—"Пробьешь," сказалъ я ему.

Пріѣхалъ я послѣ обѣда. Онъ пошелъ въ кабинетъ докладывать Государю. Былъ тамъ необыкновенно долго; ибо обыкновенно онъ, только отворяя двери, называлъ Государю того, кому есть надобность войти въ кабинетъ, или вошедши въ него, тужъ минуту отворялъ двери для входу кому надобно, или отказывалъ по волѣ Государевой. Тогда-же, побывъ у Государя около четверти часа, вышелъ ко мнѣ дожидавшемуся у дверей кабинета, и съ улыбкою, сперва тихонько мнѣ сказалъ: "Вы правы;" а потомъ въ слухъ при нѣсколькихъ тутъ бывшихъ: "Государь извиняется, что не можетъ васъ принять въ кабинетѣ: Онъ теперь занятъ письмомъ; а тотчасъ сюда выйдетъ."

Черезъ нѣсколько минутъ Государь вышелъ. Въ дверяхъ Онъ громко кашлянулъ—и когда я ставъ на колѣно поцѣловалъ у Него руку; то Онъ поцѣловавъ меня два раза въ щеку, сказалъ: "vous m'avez fait tousser." (Я отъ тебя закашлялся). Что значили сіи слова, не знаю и по сіе время; и никто изъ очень знавшихъ покойнаго Государя, не могъ никогда мнѣ ихъ растолковать.

Такимъ образомъ кончилось придворное бытіе мое: и въ самое короткое время—въ часы почти—испыталъ я всѣ

соблазны придворной жизни, и такъ называемаго счастья временщиковъ.

Что же сказать о жизни придворной?—Картина ея весьма извѣстна—и всегда таже, только съ нѣкоторою перемѣною въ тѣняхъ. Корысть идолъ и душа всѣхъ ея дѣйствій. Угодничество и притворство, составляютъ въ ней весь разумъ: — а острое словцо—въ толчекъ ближнему—*верхъ* его.

КНИГА ПЯТАЯ.

Возвращеніе мое въ Москву неописанно обрадовало отца моего. Но не долго утѣшался онъ житьемъ моимъ съ нимъ, и покоился продолженіемъ попеченій моихъ о немъ, лежавшемъ уже на одрѣ смерти. Въ томъ же году лѣтомъ скончался онъ на рукахъ моихъ: и хотя онъ былъ девяноста двухъ лѣтъ, и въ крайнемъ разслабленіи; однако смерть его огорчила меня столько, какъ бы и за много лѣтъ передъ тѣмъ случилась.

Въ Москвѣ началъ я присутствовать въ Сенатѣ. Сходно съ желаніемъ моимъ былъ я опредѣленъ въ 5 Департаментъ, что нынѣ 6 Уголовный; въ которомъ и тогда производились по большей части также уголовныя и слѣдственныя дѣла, переданныя изъ Петербургскихъ Департаментовъ. При семъ еще, какъ о знакѣ благоволенія ко мнѣ Императора надобно сказать, что Онъ, какъ при пожалованіи меня въ Сенаторы, узнавалъ отъ Плещеева, гдѣ пріятнѣе для меня будетъ служить Сенаторомъ, въ Москвѣ или въ Петербургѣ; такъ и послѣ пожалованія, приказалъ Генералъ-Прокурору спросить меня, въ которомъ изъ Московскихъ Департаментовъ хочу я присутствовать?

Я началъ присутствовать въ Сенатѣ по тѣмъ же правиламъ, по которымъ служилъ я и въ Уголовной Палатѣ. Большаго

труда стоило мнѣ успѣвать въ пощадѣ человѣчества, по причинѣ того несчастнаго предубѣжденія, коимъ исполнены были мои товарищи, что Государю будто угоденъ судъ самый строгій. Товарищей у меня было много. Собраніе Сенаторовъ очень тогда умножилось пожалованными вновь, и опредѣленіемъ въ Сенаторы всѣхъ отмѣненныхъ въ то время Генералъ-Губернаторовъ и правившихъ ихъ должности. Въ томъ числѣ были старики и привыкшіе считать себя знатоками. Не смотря ни на что, я съ ними спорилъ и доказывалъ, что оскорбительно и думать, чтобъ Государь услаждался жестокостью, что мнѣ очень извѣстно, что Онъ желаетъ только правосудія—и что я увѣренъ—что ему пріятно будетъ даже всякое возможное, съ законами только соображенное, облегченіе участи судимыхъ.

Долго не соглашались со мною. Но много мнѣ помогло незнаніе сперва товарищей моихъ о томъ, въ какомъ точно отношеніи находился ко мнѣ Государь при увольненіи меня отъ себя. Многіе—и изъ самыхъ прозирателей въ Дворскую политику, думали что довѣренность Его ко мнѣ, еще продолжается. Что не тайное ли око Его я въ Московскомъ Сенатѣ —и судя по нраву Государеву, заключали, что я могу скоро къ Нему возвратиться и въ большую еще милость. Такое ложное заключеніе послужило однакожъ къ избавленію многихъ несчастныхъ отъ жесточайшаго наказанія. Согласились со мной раза два, три—а тамъ уже трудно было и не соглашаться. Разнообразное рѣшеніе законами запрещается.

И такъ, во все царствованіе Павла I во время присутствія моего въ Сенатѣ, ни одинъ дворянинъ пятымъ Департаментомъ, не былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію; и по всѣмъ дѣламъ истощалась законная возможность къ облегченію осуждаемыхъ. Всѣ доклады сего Департамента конфирмованы были Императоромъ. Два или три только, помнится, отмѣнилъ онъ убавкою опредѣляемаго наказанія. Изъ сего можно видѣть, по склонности ли былъ строгъ Государь сей?

Послѣ кончины Его, нѣкто изъ разумнѣйшихъ Сенаторовъ Петербургскихъ, покойникъ же теперь, разсказывалъ мнѣ,

съ какимъ прискорбіемъ принужденъ онъ былъ подписать кнутъ и ссылку сыну короткаго знакомца своего—да и безвинному почти. "Для чего жъ?" спросилъ я. "Боялись иначе," отвѣчалъ онъ. "Что, говорилъ я, такъ именно приказано было, или Государь особливо интересовался этимъ дѣломъ?" "Нѣтъ, продолжалъ онъ, да мы по всѣмъ боялись не строго приговаривать, и самыми крутыми приговорами старались угождать Ему." Промолчавъ о такой бѣдственной услугѣ—сказалъ я только моему товарищу, "мы, далекіе отъ Двора Московскіе Сенаторы простѣе живемъ; и не отвѣдалъ бы конечно знакомецъ твой кнута естьлибъ случилось дѣлу его быть въ 5 Департаментѣ."

Въ Мартѣ пріѣхалъ Государь въ Москву короноваться. Пребыванія Его въ сей столицѣ было мѣсяца два. Всякую недѣлю имѣлъ я честь обѣдать и ужинать за столомъ Его: ни разу не вычернилъ Онъ меня изъ реэстра, каковой выключкѣ иногда знатнѣйшіе меня подвергались: однако не говорилъ со мною ни слова. Я былъ при томъ спокоенъ по правилу моему: "чтобъ не заслужить только гнѣва Царскаго."

Впрочемъ у Государя въ сердцѣ противъ меня конечно ничего не было; и какъ я прежде сказалъ, что сила моихъ недоброхотовъ, которые ему нужнѣе или пріятнѣе меня казались, поставила преграду изъявленіямъ милости Его ко мнѣ.

Тому же, что милость сія всегда продолжалась, въ доказательство раскажу, я между прочими одинъ слѣдующій случай.

Когда Государь въ числѣ нѣкоторыхъ Сенаторовъ пожаловалъ и меня кавалеромъ Ордена Св. Анны I класса, то я пославъ, по обычаю давно водившемуся, камердинерамъ триста рублей, сверхъ того одному старшему тогда при Государѣ камердинеру, молодому человѣку очень любезному, и который въ бытность мою при Государѣ, безъинтересно любя меня, очень меня обязывалъ учтивствомъ своимъ и нѣкоторыми услугами въ каморѣ, послалъ на кафтанъ бѣлаго бархату съ золотыми травками.

Сей молодой человѣкъ, бывшій тогда уже въ большой у Государя милости, въ первой праздникъ пришелъ къ Нему въ кафтанѣ, сшитомъ изъ моего бархату. Государь былъ очень веселъ... "Ты заставишь и меня К. носить Французскіе кафтаны."—"Что это за прелестный бархатъ—откуда у тебя?" К. сказалъ. "Такъ стало Ив. Влад. любитъ тебя; смотри же, заслуживай любовь его—это тебѣ у меня аттестатъ," изволилъ сказать Государь; и еще пространнѣе, какъ мнѣ послѣ разсказывалъ самъ К.

Въ началѣ 1800 года отправлены были Сенаторы, для осмотра всѣхъ губерній; и я, съ М. Г. Спиридоновымъ, посланъ былъ въ Казанскую, Вятскую и Оренбургскую.

Осмотры такіе конечно весьма полезны для сохраненія порядка и обузданія отъ злоупотребленій: хотя нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ и важнѣйшіе суть такаго рода, что рѣдко могутъ быть изобличены для наказанія судомъ: а необходимо иногда исправлять ихъ слѣдствія, и сколько можно отвращать ихъ, средствами, хотя гораздо меньше строгими, нежели бы по суду—основываясь единственно на довѣренности къ ревизорамъ. Почему и выборъ ревизоровъ долженъ быть весьма осторожен.

Сіе особливо въ разсужденіи взятокъ, сей неизлѣчимой отравы суда. Чѣмъ большій мздоимецъ, тѣмъ труднѣе изобличить его.

Кажется справедливо сказать можно, что едва ли не тщетны почти всѣ старанія о искорененіи взятокъ. Надобно сдѣлать прежде, естьли можно, чтобъ въ людяхъ лакомства не было—чтобъ они нуждъ и прихотей не имѣли:—чтобъ наконецъ, боялись Бога, какъ свидѣтеля всего: или бы страстно любили правду; что безъ любви къ небесному ея источнику не возможно—или весьма не надежно.

Касательно сей матеріи, помѣщу я здѣсь нѣчто изъ писаннаго мною къ царствующему нынѣ Государю Императору.

Выписка изъ донесенія моего въ 1803 году по нѣкоторому случаю изъ Крыма.

Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйше конечно простите мнѣ, что я отъ безпредѣльнаго усердія къ священной, и простите еще, сыновне искренней свободности моей, къ любезнѣйшей для меня Особѣ Вашей и къ драгоцѣнному для меня Отечеству, коего благо долженъ быть и есть первой предметъ Вашихъ желаній и попеченій; осмѣливаюсь и не о томъ, что настояще до меня касается, приводить мои свидѣтельства и мнѣнія.

И такъ при семъ скажу, что опредѣленіе хорошихъ Начальниковъ есть лучшее средство къ благоустройству правленія и самое вѣрное врачеваніе корыстолюбія и лихоимства, столь много издавна заразившихъ службу во всѣхъ земляхъ, переходимою большею частію людей слабыхъ, разнымъ порокамъ подверженныхъ. Лучшее средство истребить взятки, есть такъ дѣлать, чтобъ или совсѣмъ не за что, или сколько можно меньше было за что давать взятки. Когда главные начальники будутъ хорошо разумѣть, и сами отправлять дѣла своей должности, тогда нижнимъ чинамъ нельзя будетъ или крайне трудно и рѣдко возможно, и то въ самыхъ неважныхъ случаяхъ, вредить пользѣ службы, естьлибъ и хотѣли. Таковымъ средствомъ гораздо удобнѣе искоренить, или по крайней мѣрѣ сколько можно умѣрить пагубное дѣйствіе лихоимства, нежели самымъ строгимъ за оное наказаніемъ, для коего способы къ изобличенію весьма трудны, и какъ давно извѣстно изъ опытовъ, тѣмъ труднѣе, чѣмъ важнѣе преступленія и лицы.

Не малымъ способомъ къ обнаруженію зла сего прослужить бы могла и отмѣна того закона, который равному подвергаетъ наказанію и пріемлющаго взятки и дающаго. Осмѣлюсь сказать, что послѣдняго довольно бы оставить сужденію только внутреннему, строгости тончайшей нравственности самой высокой добродѣтели, коея правила заставляютъ безъ изъятія жертвовать собственностью во всемъ общей пользѣ и чести

истинной, и которой, столько же неестественно быть между милліонами людей общею, какъ и быть каждаго обязанностью подъ взысканіе Земскихъ законовъ, подходящею. Объ отмѣнѣ онаго закона, по всегдашнему усердію моему, при одномъ случаѣ перваго осмотра губерній, дерзалъ я представлять еще въ Бозѣ опочившему Государю Императору, Родителю Вашему; и тѣмъ свободнѣе нынѣ пространно представляю Вашему Императорскому Величеству мое мнѣніе, что слышалъ я, что неутомимому попеченію Вашему, Государь, о законодательномъ утвержденіи основанія порядка и правды, благоугодно было повелѣть во всѣхъ отношеніяхъ разсмотрѣть оную важную въ кругѣ Государственныхъ узаконеній статью Правительствующему Сенату, коего и я имѣю честь быть сочленомъ, имѣвшимъ счастіе въ нѣсколькихъ случаяхъ доказать по крайней мѣрѣ желаніе быть достойнымъ онаго званія.

Осмотръ нашъ очень былъ угоденъ Государю. Всѣ наши представленія были уважены; и всѣ рекомендованные нами чиновники пережалованы; а мы съ товарищемъ получили Командорскіе кресты Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, въ числѣ тѣхъ изъ обозрѣвавшихъ губерніи Сенаторовъ, кои за отличные при томъ труды, всѣ награждены были онымъ знакомъ милости.

Я старался осматривать не только формы, но и существо производства дѣлъ. Послѣднее очень трудно. Всѣхъ дѣлъ пересмотрѣть не можно—и какъ же попасть именно на тѣ, которыя не хорошо произведены, особливо съ умысломъ: такія и таятся особливо. Удача часто мнѣ въ томъ помогала; на примѣръ: въ одной Палатѣ Уголовной, приказываю я Предсѣдателю подать мнѣ одно изъ обревизованныхъ и уже рѣшенныхъ дѣлъ. "Какое?" спрашиваетъ онъ. "Какое попадется, говорилъ я, только прикажите подать скорѣе."—Чтожъ! Предсѣдатель принесъ дѣло—и такъ безпорядочно произведенное и беззаконно рѣшенное, что и на выборъ бы нельзя было выставить худшаго. При всей осторожности отъ строгостей

излишнихъ, надобно было однакожъ двухъ членовъ за это дѣло выгнать изъ службы.

Главныя черты образа осмотра нашего, любопытные охотники до службы могутъ видѣть въ напечатанной тетрадкѣ, подъ названіемъ : *Выписка наставленій и приказаній, данныхъ г. Сенаторами при осмотрѣ Вятской губерніи, въ Мартѣ* 1800 *года*. Сія книжка удостоилась одобренія многихъ знатоковъ ; и нѣкоторые изъ разумныхъ и почтенныхъ ревизоровъ, при порученіяхъ имъ осмотра губерній, очень желали имѣть ее отъ меня, и потомъ говорили мнѣ искренно, что никогда въ подобныхъ случаяхъ безъ нея не поѣдутъ.

Напечаталъ я ее, съ печатныхъ уже порознь въ Вятской Типографіи предписаній оныхъ въ самое время дачи ихъ, для скорѣйшей разсылки въ разныя присутственныя мѣста и уѣзды. Напечаталъ въ особую книжку, для того больше, чтобъ показать публикѣ какъ напрасно многіе въ ней винили меня за послѣдовавшее тогда отрѣшеніе всѣхъ чиновниковъ Вятской губерніи, кромѣ Губернатора. Въ выпискѣ же той, по коей одной тогда и Сенатъ судилъ о семъ отрѣшеніи—есть наставленія, замѣчанія и исправленія—но ничего нѣтъ такаго, почему бы можно было отрѣшить безъ суда.

Правда что отрѣшеніе сіе дѣлалось въ слѣдствіе нашего донесенія Государю объ осмотрѣ Вятской губерніи, о которой при иномъ случаѣ писалъ я Его Величеству, что она "золотое дно, изъ котораго ненасытная алчность давно привыкла черпать всякими неправдами ;" конечно въ слѣдствіе нашего донесенія—писаннаго совершенно справедливо, но совсѣмъ не такъ, чтобъ можно было отъ него ожидать такихъ строгихъ послѣдствій. Сіе вотъ какъ происходило :

Осмотрѣвъ Вятскую губернію, спѣшили мы по причинѣ наступавшей уже тогда распутицы въ Казань. При отъѣздѣ же изъ Вятки послали мы въ Сенатъ короткой рапортъ, приложа для усмотрѣнія образа осмотра нашего оную, напечатанную нынѣ, выписку ; и при томъ сказавъ, что подробнѣе донесемъ обо всемъ изъ Казани, сообразивъ нѣкоторыя статьи имѣющія связь въ Ея губерніи съ Вяткою. Сіе больше каса-

лось до лѣсовъ, о коихъ мнѣніе наше тогда особливое уваженіе заслужило.

Въ тоже время, донося Государю объ отъѣздѣ нашемъ въ Казань и о подробнѣйшемъ изъ нея донесеніи, по здѣланіи вышесказаннаго соображенія—писали мы что: "Осмотрѣвъ Вятскую губернію, возможное по данной намъ власти на мѣстѣ исправили; къ лучшему впередъ устройству, въ чемъ нужно предписали наставленія; по жалобамъ, доносамъ и подозрѣніямъ на нѣкоторыхъ чиновниковъ, велѣли мы судить; что важнѣйшія злоупотребленія примѣчаются, особливо по волостнымъ правленіямъ, и для того мы на часть сію особенное обратили вниманіе, и всѣ возможныя установили средства къ пресѣченію оныхъ злоупотребленій, и наказанію ихъ судомъ; что наконецъ, обыкнувъ говорить передъ Августѣйшимъ Престоломъ Его Величества правду, не можемъ мы сказать чтобъ какое нибудь Присутственное мѣсто или Чиновникъ въ губерніи Вятской, заслуживали представленными быть въ особливое благоволеніе Государево. А что принадлежитъ до Гражданскаго Губернатора, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Тютчева; то сей, въ честности состарѣвшійся, Чиновникъ (ему тогда было лѣтъ 80 по крайней мѣрѣ) истощаетъ послѣднія свои силы къ наилучшему исполненію своей должности; и голосъ всей губерніи свидѣтельствуетъ о его правдолюбіи и добродушіи."

Вотъ вся сила нашего донесенія. Сочиняя его, не могъ я и вообразить того, что послѣдовало. Государь прочитавъ сіе донесеніе, тотъ часъ далъ два Указа: однимъ приказалъ Губернатора за старостью уволить отъ дѣлъ, съ полнымъ въ пенсіонъ жалованьемъ за усердную его службу, а прочихъ всѣхъ безъ изъятія Чиновниковъ Вятской губерніи отрѣшить и предать суду.

Возопили на меня за Вятскихъ, и на меня именно; какъ писали ко мнѣ тогда же съ пріятельскими упреками нѣкоторые, имѣвшіе въ то время большое вліяніе на дѣла при Государѣ и въ Сенатѣ.

Скоро однакожъ—и на тѣхъ же почти дняхъ—успѣли ближніе при Государѣ исходатайствовать снисхожденіе милости Его, и дозволеніе, прежде исполненія Указа объ отрѣшеніи разсмотрѣть въ Сенатѣ наши бумаги; и здѣлавъ постановленіе о томъ, какимъ образомъ исполнять его, поднести докладъ. Здѣлали сіе весьма похвально—только не додѣлали.

Сенатъ, разсмотрѣвъ помянутую нашу выписку, которая тогда одна еще объ осмотрѣ Вятскомъ и была получена отъ насъ, и по содержанію коей никого отрѣшать по справедливости не слѣдовало—положилъ однако отрѣшить всѣхъ присутствующихъ Губернскаго Правленія и Палатъ, кромѣ Казенной, которую защитилъ Государственный Казначей, присутствуя при семъ положеніи въ Сенатѣ. Въ числѣ опредѣленныхъ къ отрѣшенію были и такіе, кои только что вступили въ должность, и не могли быть ни въ чемъ виноваты. О прочихъ же чиновникахъ положилъ Сенатъ разсмотрѣть на мѣстѣ, кому отъ Государя указано будетъ: и о семъ поднесъ ему докладъ. Государь изволилъ докладъ конфирмовать, и разсмотрѣніе препоручить намъ же.

Сіе то отправляя къ намъ для исполненія, писали мнѣ тѣ пріятельскіе упреки, что будто я причиною, что столько людей пострадали. Удивлялся я такому неосновательному заключенію. Отвѣчая откровенно писалъ я свое удивленіе, говоря притомъ; что донесеніе наше (которое подлинно я сочинялъ) написано со всею справедливостью—но съ сохраненіемъ при ней и всей возможной умѣренности; что есть-ли однакожъ, неожидаемо и было оно поводомъ тому, что произошло въ первомъ движеніи гнѣва Государева,—то послѣ, когда уже дѣло было въ ихъ рукахъ, и Государь соизволилъ на ограниченіе своего Указа—очень могли бы они вмѣсто такаго, безъ всякихъ справокъ и безъ разбора опредѣленнаго ими отрѣшенія, представить о разсмотрѣніи на мѣстѣ вообще и о всѣхъ чиновникахъ, подобно тому, какъ о большомъ числѣ они положили, и проч.

На одного же меня все сѣтованіе обращалось потому, что

извѣстно было что мой товарищъ, хотя человѣкъ разумный, долговременною въ службѣ опытностію отличный—въ судныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ превосходное знаніе имѣющій, —мало однако входилъ въ производство осмотра нашего; и по какой-то безпредѣльной ко мнѣ довѣренности, ни въ чемъ не противорѣчилъ мнѣ, и все то подписывалалъ что я напишу.

Но сіе самое послѣ, по обороту ли внушеніями подстрѣкнутаго самолюбія, или по какому другому неизвѣстному мнѣ отношенію, совершенно лишило меня пріязни сего почтеннаго товарища, съ которымъ во все время вояжу нашего по губерніямъ, около восьми мѣсяцевъ продолжавшагося, жили мы неразлучно въ однихъ экипажахъ и въ однихъ квартирахъ, и даже косо другъ на друга не поглядѣли.

Кромѣ онаго произшествія съ Вяткою, ничего особливо заслуживающаго описанія при осмотрѣ нашемъ губерніи не нахожу я.

Надобно только разсказать еще анекдотъ въ той же Вяткѣ лично со мною случившійся,—и смѣшной—и достойный вниманія, по отношенію къ нравамъ народнымъ.

Въ городѣ Вяткѣ, который тогда по крайней мѣрѣ похожъ былъ больше на богатое село нежели на губернскій городъ, обычай у поселянскихъ дѣвокъ торговать калачами, булками, пряниками и всякою мелочью. Онѣ сидятъ всѣ рядомъ въ лубочныхъ своихъ лавочкахъ, которыя называются тамъ балаганами, и ихъ нѣсколько десятковъ, можетъ быть и подъ сотню. Въ пѣшихъ своихъ прогулкахъ часто я покупалъ у нихъ калачи или булки, давая имъ всегда по нѣскольку копѣекъ лишнихъ. Однажды, покупая у одной изъ нихъ, дѣвки лѣтъ восемнадцати, не красавицы, однако лица пріятнаго, и примѣтивъ изъ разговора съ нею, что она отмѣнно не глупа, подарилъ я ей на расторжку пяти - рублевую бумажку. Дѣвка очень обрадовалась. Пять рублей калашницѣ капиталъ.

На другой день по утру сказываютъ мнѣ, что пришелъ

мужикъ, имѣющій нужду говорить со мною. Я его къ себѣ позвалъ. Мужикъ въ слезахъ мнѣ въ ноги : " Помилуй батюшка, спаси дочь мою ; ты погубилъ ее—она хочетъ удавиться или въ Вятку (рѣку) броситься. Вчера ты ей пожаловалъ пять рублей, такъ всѣ дѣвки товарки ея, цѣлый день ей житья не давали ; ' ты была у Сенатора, да и только, за чтожъ бы ему пожаловать тебѣ пять рублей ? ' Дочь моя воитъ, въ удавку лезетъ, не можемъ уговорить ее, мать отъ нея не отходитъ."

Смѣшно правда мнѣ было подозрѣніе меня въ такомъ молодечествѣ, однако тревога мужика съ его семействомъ, была для меня еще чувствительнѣе. " Неужель ты этому вѣришь ? говорилъ я ему. Да еслибъ дочь твоя была у меня, такъ я бы ей пять рублей или больше далъ у себя, а не въ балаганахъ при всѣхъ ! " " Родимый, говоритъ мнѣ мужикъ, да кто этому повѣритъ ! Мы знаемъ, что неправда—да проклятыя-то завистницы ее съ ума сводятъ, а она дѣвчонка молодая, глупая ; помилуй, батюшка, кричитъ мой мужикъ, валяясь въ ногахъ."

Даю ему деньги—не беретъ. Давалъ ему ужъ столько, что по состоянію его дочери, могло бы составить изрядную часть ей приданаго : мужикъ все не беретъ, а только кричитъ : " Помилуй, спаси дочь мою ; не быть ей живой : она удавится, не вѣкъ сидѣть надъ ней ; а хоть и сидѣть, то все она сойдетъ съ ума отъ печали.

" Чтожъ мнѣ дѣлать ? я говорю ему : не жениться же на ней. Я ей подарилъ отъ доброй души—а ужъ это несчастье, что съ нею случилось. Дай мнѣ подумать, авось какъ нибудь поправимъ : приди ко мнѣ завтра." И насилу уговорилъ я его отойти отъ меня до завтра.

Между тѣмъ, видя такое безпритворное огорченіе, и находя себя, хотя невиннаго, однако причиною ему, былъ я очень не равнодушенъ. Думалъ и не зналъ чѣмъ поправить. Денегъ не пожалѣлъ бы я, и много ; да цѣломудренной калашницѣ съ отцемъ ея, ничего было не надобно. Вдругъ пришла мнѣ мысль, которой исполненіе все дѣло исправило.

Послалъ я въ Казенную Палату нѣсколько сотъ рублей размѣнять на пятирублевыя ассигнаціи, и пошедъ прогуливаться, всякой дѣвкѣ торговкѣ подарилъ по пятирублевой бумажкѣ на расторжку же. Отецъ отчаянной калашницы пришелъ ко мнѣ на другой день—не съ тѣмъ уже, чтобъ толковать о томъ, какъ уладить наши хлопоты, а благодарить меня, что успокоилъ я дочь его. "Богъ тебя надоумилъ родимый, говорилъ онъ мнѣ, однако съ слезами радости. Теперь ужъ ее не дразнятъ; всѣ дѣвки веселы и съ нею ватажатся; и никто ужъ на нее ничего не думаетъ, а всякъ говоритъ, что ты это жалуешь только изъ милости."

Признаться, что и мнѣ весело стало. Хотѣлъ я однако отдать мужику то, что прежде давалъ я ему на приданое дочери его, такой честной дѣвушкѣ, но онъ никакъ не согласился принять, клянясь и говоря очень искреннимъ голосомъ: " Помилуй, батюшка, уволь: вѣдь опять тоже баитъ (говорить) станутъ."

Въ концѣ Августа 1800 года, возвратился я, обозрѣвъ губерніи, въ Москву, и безвыѣздно изъ нея присутствовалъ въ Сенатѣ до самой кончины Императора Павла I.

Въ Сентябрѣ того же года случилась извѣстная отставка многихъ Сенаторовъ сверхъ всякаго ихъ чаянія; и осталось насъ тогда въ Департаментахъ очень по не большому числу.

Въ то же время прибылъ къ намъ товарищъ (покойникъ уже теперь) человѣкъ почтенный, остроумный и много служившій, который обходился со мною давно пріятельски и съ особливымъ вниманіемъ—но по дѣламъ его самолюбіе что-то имѣло противъ меня очень настроенное. Онъ все говорилъ, какъ мнѣ сказывали, что надобно мнѣ ошибить перья. Я, на его языкѣ сказать, никогда не любя опушаться, и не привыкши ни для кого прижиматься—велъ себя съ нимъ также, какъ и съ прежними своими товарищами. Онъ всегда спорилъ со мною; и часто для того, чтобъ безъ продолженія рѣшить дѣло по справедливости, надобно мнѣ было идти противъ ее. Тогда уже онъ ее всякій разъ защищалъ.

Однажды, интересуясь очень дѣломъ своего знакомаго, говоритъ онъ Оберъ-Секретарю, чтобъ доложить его безъ меня, почему-то считая, что я буду противъ, и подлинно былъ я противъ, потому что онъ желалъ несправедливаго. Дѣло было тяжебное. Тогда еще нѣсколько дѣлъ сего рода оставалось въ Vмъ Департаментѣ. Оберъ-Секретарь, человѣкъ честный и шутливый, сказывая мнѣ о приказаніи моего товарища, говорилъ съ улыбкою: "Не лучше-ли доложить безъ Его Высокопревосходительства?"—"Нѣтъ, отвѣчалъ я, доложите только пожалуйста въ такой день, когда и онъ и я будемъ въ присутствіи."

Докладываютъ дѣло. Я тотчасъ вооружился противъ справедливой стороны, и взялъ ту, которую хотѣлось защищать оному моему почтенному товарищу. Споръ у насъ здѣлался прежаркій. Онъ выставилъ всѣ резоны въ пользу той стороны, которую я про себя держалъ. Наконецъ я, будто уставши спорить, и убѣдясь его резонами,—которые тутъ подлинно сильны были—согласился съ нимъ: ну, говорю, мастеру и книги въ руки. Онъ всталъ, поѣхалъ съ торжествомъ—и на другой день подписалъ резолюцію: отнять деревню или землю, теперь не помню, у своего знакомаго, котораго онъ совершенно обнадежилъ своею защитою.

Сей послѣдній, чрезъ нѣсколько дней узнавъ это пріѣзжаетъ къ Сенатору и покровителю своему, и плачется о своей потерѣ. Не можетъ это быть, говоритъ ему мой товарищъ, и увѣряетъ его, что дѣло точно рѣшено въ его пользу, не помня рѣшенія, а только помня что я былъ противъ и что онъ надо мною взялъ верхъ. Пріѣхавши въ Сенатъ спрашиваетъ у Секретарей, какъ рѣшено это дѣло? Докладываютъ ему какъ оно рѣшено. "Возможно-ли, говоритъ онъ, чтобъ я согласился такъ рѣшить."—"Да вы-де изволили и резолюцію давать; и журналъ уже подписать: вотъ и опредѣленіе къ подписанію подано." Посмотрѣлъ журналъ, покраснѣлъ, осердился—и подписалъ опредѣленіе.

Жалѣю—и можетъ быть невозвратно, что при одномъ,

особливо, случаѣ, не догадался я употребить добронамѣренной моей хитрости противъ того же товарища. Отъ этой недогадки моей, можетъ быть невинные сосланы на каторгу, или подъ торговою казнью жизнь свою скончали. Вотъ о чемъ говорю я.

Докладываютъ уголовное дѣло, по которому люди нижняго состоянія приговорены были Палатою къ тѣлесному наказанію вмѣсто смертной казни и къ ссылкѣ на каторгу, не только безъ собственнаго ихъ признанія, безъ довольныхъ доказательствъ, но даже существо дѣла подходило нѣкоторымъ образомъ подъ Милостивый Манифестъ.

Мы слушаемъ его, сидя за Сенаторскимъ столомъ, двое только съ тѣмъ товарищемъ; а прочіе бывшіе тутъ товарищи наши слушаютъ, стоя и ходя по комнатѣ. Онъ меня спрашиваетъ, какъ я думаю объ этомъ дѣлѣ?—" Его можно, говорю я, съ нѣкоторой стороны уничтожить и по Милостивому Манифесту, а всего справедливѣе и съ точными словами закона сходнѣе кажется мнѣ предать Суду Божію, по недостатку доказательствъ." " Не лучше - ли, говоритъ онъ, по Манифесту?"—" Или какъ вы послѣднее полагаете...." " И то очень хорошо." Сказавъ это, онъ всталъ и пошелъ разговаривать съ товарищами.

Скоро дочитали дѣло, которое было короткое и очень ясное. Я сказалъ Секретарю свою резолюцію, и взялся за другія бумаги. Секретарь пошелъ отбирать мнѣнія отъ прочихъ гг. Сенаторовъ, и къ первому подошелъ моихъ-перьевъ - ошибателю. Ну, остригъ онъ правда бѣдныхъ судимыхъ. Онъ спросилъ тихонько Секретаря, " что сказалъ Ив. Влад...?"—" Предать Суду Божію," отвѣчалъ Секретарь. " А я утверждаю рѣшеніе Палаты," сказалъ Его Высокопревосходительство; и продолжалъ досказывать товарищамъ что-то о вѣстяхъ Петербургскихъ, или о вчерашнемъ клубѣ, съ радостною насмѣшливостію, которая была ему свойственна и которая по крайней мѣрѣ тогда не кстати была для осужденныхъ-то Палатою.

Пошло дѣло на голоса. Нашлись такіе, которые и къ

нему пристали. Вошло въ Общее Собраніе Московскихъ Департаментовъ. Въ нихъ также согласно не рѣшилось. Тогда въ подобныхъ случаяхъ изъ Общаго Собранія Московскихъ переходили дѣла въ Общее же С.-Петербургскихъ Департаментовъ. Чѣмъ оно тамъ кончилось, я не знаю; а можетъ быть утвердили и рѣшеніе Палаты. Не рѣдко случалось мнѣ видѣть вдругъ наитіе духа безщадной строгости на иныхъ гг. Сенаторовъ, особливо когда око Юстиціи, не всегда здраво зрящее во плоти Прокурорской, не ясно разглядитъ мелкое человѣчество въ людяхъ породы незнатной, или скудныхъ благами земли.

Но ежели и годъ лишній люди напрасно въ тюрьмѣ и кандалахъ просидѣли, только потому, что Его Высокопревосходительство рѣшился ошибать мнѣ перья!

Случай сей описалъ я больше для того, чтобъ показать, какъ и самыя суетныя пристрастія въ тѣхъ даже, кои почитаются между лучшими, хладнокровно играютъ жребіемъ жизни человѣческой. Судить такъ, не все ли равно что рѣзать людей!

И ежели положить на вѣсы, съ одной стороны воспитаніе такого судящаго, просвѣщеніе—состояніе его въ обществѣ, и проч. А съ другой—состояніе какого нибудь крестьянскаго сына, въ грубомъ невѣжествѣ выросшаго, развращеннаго пьянствомъ, который, заворовавшись укрывается въ лѣсахъ, и рѣжетъ людей для того, чтобъ чрезъ нихъ не быть пойманнымъ и сосланнымъ на каторгу или повѣшеннымъ,— то не трудно отгадать, которая перетянетъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный.....

Псаломъ 102, ст. 15.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Когда Государь Императоръ Александръ Павловичь воцарился, то я, имѣвъ счастіе по службѣ моей при Государѣ, родителѣ Его, быть нѣсколько особливо извѣстнымъ Его Величеству, принялъ смѣлость всеподданнѣйшимъ письмомъ изъявить Ему чувствованія моего вѣрноподданническаго усердія и любви. Всемилостивѣйше отвѣчая мнѣ на сіе (отъ 25 Марта 1801 года), Государь изволилъ увѣрить меня во вниманіи Его на службу и труды мои.

Вступленіе свое на престолъ Благодѣтельный Монархъ сей ознаменовалъ явленіями милостей, предвозвѣщавшими времена Титовъ и Маркъ-Авреліевъ.

Между прочими дѣлами Его милосердія, уничтоженіе Тайной Экспедиціи весьма было блистательное. Оно имѣло въ предметѣ ея злоупотребленія : ибо впрочемъ, Тайной Судъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ столькожъ необходимъ, сколько никогда не можетъ справедливо быть наказаніе тайное; развѣ только когда одна цѣль его есть, отечески исправить наказуемаго, скрывая при томъ его отъ стыда.

Намѣреніе Государево при уничтоженіи оной Экспедиціи, самое благотворное было; но не соотвѣтствовало ему положеніе Сената, которому предоставилъ Государь постановить, какимъ образомъ производиться роду бывшихъ въ ней дѣлъ.

Сенатъ положилъ ввести дѣла сіи въ общій кругъ судопроизводства; и о людяхъ нижняго состоянія оканчивать по рѣшеніямъ Палатъ съ согласія Начальниковъ губерній, на основаніи законовъ.

Между кѣмъ же дѣлъ такихъ и самыхъ пустыхъ, но тѣмъ не менѣе бѣдственныхъ, особливо *по словамъ*, случиться можетъ, какъ не между людьми нижняго состоянія, въ разсужденіи ихъ невѣжества и грубости нравовъ? Сколько бы жалкихъ жертвъ было строгости законовъ, которую Цари—и самые грозные, укрощали, когда подобныя дѣла доходили до ихъ собственнаго рѣшенія; и отъ коей, кромѣ ихъ, никто не имѣетъ власти удалиться.

Не могли бы Начальники губерній съ Палатами нисколько облегчать судьбу судимыхъ; не смѣли бы представлять о томъ—естьлибъ не сыскались еще и такіе, которые бы стали въ сихъ случаяхъ отмѣнною строгостью выслуживаться.

Не дерзко предполагать сіе—когда не давно видѣли, что въ самомъ Правительствующемъ Сенатѣ, по дѣлу такаго рода произошелъ между гг. Сенаторами споръ единственно о числѣ ударовъ—и дѣло вошло по тому одному въ Общее Собраніе.*

* Дѣло сіе слушано въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ 1 Іюля 1808 года. Оно производилось по доносу о словахъ, относящихся къ оскорбленію Царскаго Величества. За доносъ недоказанной, Уголовная Палата опредѣлила, наказавъ двухъ человѣкъ (отца съ сыномъ) тѣлесно, вмѣсто смертной казни, сослать въ каторгу. Въ VI Департаментѣ одни гг. Сенаторы утвердили рѣшеніе Палаты, съ опредѣленнымъ ею числомъ ударовъ,—а другіе, также утвердили и точно тѣми же словами, только съ прибавкою числа ударовъ въ двое; не могли согласиться, и дѣло перешло въ Общее Собраніе, въ коемъ наконецъ всѣ согласились на меньшее число ударовъ. Я одинъ не полагалъ ихъ нисколько; а долгомъ совѣсти и самаго законнаго порядка, счелъ подать слѣдующій голосъ:

"Нахожу въ дѣлѣ семъ возможность, какъ умышленной клеветы..... такъ равно и упорства..... въ признаніи вины своей и при справедливомъ можетъ быть показаніи первыхъ; ибо хотя въ мудрое укрощеніе неосновательныхъ и ложныхъ доносовъ, опредѣляется законами тяжкое наказаніе за доносъ недоказанной: однако по многимъ опытамъ извѣстно, что иногда самой справедливой доносъ не можетъ быть доказанъ, или не докажется по нѣкоторому только стеченію обстоятельствъ; а въ сихъ случаяхъ, наипаче достойны сожалѣнія неосторожные или простодушные и часто усердные доносители; и на такіе-то случаи весьма кстати по мнѣнію моему обращаемъ можетъ быть

И такъ уничтоженіе Тайной, могло имѣть гибельнѣйшія для человѣчества слѣдствія, нежели ея существованіе во времена величайшей строгости.

По усердію моему къ общему благу, къ истинной славѣ Государевой и по любви къ человѣчеству, хотѣлъ я представить о семъ отъ себя чрезъ письмо, которое для поднесенія Государю, располагался я отдать другу моему Сергѣю Ивановичу Плещееву, отправлявшемуся тогда въ С.-Петербургъ проѣздомъ въ чужіе краи. Началъ было я писать его; но приключившаяся мнѣ вдругъ болѣзнь помѣшала. Плещеевъ уѣхалъ, я долго пронемогъ и между тѣмъ разсудилъ оставить оное до удобнѣйшаго случая, которой и подлинно скоро мнѣ представился, какъ опишу я въ своемъ мѣстѣ.

Государь изволилъ прибыть въ Москву на короткое время для коронаціи.

Во время пребыванія Его въ Москвѣ, Общее Собраніе Сената составляли I, V и VI Департаменты. Въ собраніи семъ Государь изволилъ быть однажды, и очень долго.

Въ присутствіи Его Величества разсматривали мы дѣло по жалобамъ о сборахъ въ одной губерніи въ пользу нѣкоторыхъ чиновниковъ, и для угощенія Губернатора и разныхъ проѣзжающихъ знатныхъ лицъ. При семъ было между нами разсужденіе, вообще о такихъ угощеніяхъ и о подносѣ хлѣба-соли. Одни находили то дозволительнымъ; а другіе нѣтъ— и я въ числѣ былъ послѣднихъ. Съ двумя изъ важныхъ сенаторовъ вышелъ у меня громкой споръ. " Какъ, говорили

самимъ правосудіемъ, столько же строгимъ, сколько и человѣколюбивымъ, изрѣченный законъ, что лучше безъ совершеннаго удостовѣренія десять виноватыхъ простить, нежели осудить на казнь одного невиннаго.

"Но настоящее дѣло, важное преступленіе въ себѣ заключающее, со всѣхъ сторонъ представляется принадлежащимъ къ такому роду дѣлъ, кои свой источникъ пріемлютъ отъ людей зловредныхъ и коихъ отношенія могутъ имѣть вляніе для общаго спокойства оскорбительныя; а потому я считаю приличнѣйшимъ, дѣло сіе для надлежащаго окончанія предоставить разсмотрѣнію Извѣстнаго Комитета, учрежденнаго Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ прошломъ 1807 году Генваря въ 13 день."

они мнѣ, по обычаю хлѣба-соли не принимать, или не пріѣхать на обѣдъ, когда приглашаютъ? Вы сами много ѣздили по губерніямъ; неужели не принимали вы хлѣба-соли и не ѣздили на званые обѣды?"—"Всегда я принималъ и приму, отвѣчалъ я, хлѣбъ печеной и какую-нибудь глиняную, или и серебряную рублей въ пятокъ солонку, обѣдать пойду ко всякому; начиная отъ перваго изъ чиновниковъ губерніи до послѣдняго купца: но не приму я хлѣба-соли, ежели поднесутъ мнѣ ее на золотомъ блюдѣ и въ осыпанной алмазами солонкѣ; подъ какимъ видомъ можно выдумать способъ и большую деревню поднести. Также не соглашусь я на праздникъ для меня, про который бы узналъ я, что въ тягость будетъ тому, отъ кого онъ мнѣ дается; а естьли свѣдаю, что собирается давать его цѣлой городъ, при чемъ обыкновенно дѣлается денежной сборъ; то поспѣшу запретить и пресѣчь, какъ злоупотребленіе."

Одинъ Дмитрій Прокофьевичь Трощинской держалъ мою сторону, статью о сборахъ на угощеніе, и проч. Въ оной губерніи, положили мы изслѣдовать по порядку судомъ; что и Государь подтвердить изволилъ: а о хлѣбѣ-соли только поговорили. Но на другой или на третій день изданъ Имянной Указъ, коимъ повелѣвается, съ очень подробнымъ изъясненіемъ, отнюдь ничего не подносить и не принимать въ хлѣбъ и соль.

При семъ осмѣлюсь сказать, что намѣреніе Указа сего изящное: но въ разсужденіи долгимъ временемъ укоренившагося обычая, легче обуздать злоупотребленія, могущія происходить посредствомъ подноса хлѣба и соли въ вещахъ драгоцѣнныхъ; нежели совсѣмъ перевести простоты нравовъ, обычай въ хлѣбъ-соль подносить вещи подносщикамъ ничего почти не стоющія; какъ то на примѣръ плоды, и тому подобное.

Я думаю, что чѣмъ труднѣе обязательства закона, тѣмъ осторожнѣе издавать его должно. Ничто столько не ослабляетъ силу законовъ, какъ ихъ неисполненіе. А требовать исполненія невозможнаго, или крайне труднаго, есть только умножать виноватыхъ.

Еще громкое тогда было дѣло въ общемъ собраніи Сената, но не въ присутствіи въ немъ Государя, Н. П. А. съ нѣкоторымъ Малышевымъ, по условію о запроданномъ имѣніи, и проч., рѣшенное 3мъ Департаментомъ и, по жалобѣ А-ва, внесенное въ Общее Собраніе.

Я ничего не зналъ объ этомъ дѣлѣ, хотя вездѣ объ немъ говорили; но я всегда отмѣнно не любопытенъ былъ знать чужія дѣла, такаго рода; и признаться, что часто изъ благопристойности, слушая ихъ—не слышу. Разсказывали мнѣ объ немъ нѣкоторыя барыни вѣщуньи; только я или не слыхалъ, какъ говорю, ихъ разговоровъ; или не понялъ ихъ. Помню только, что они А-ва и казнили и вѣшали, сказывая, что и самъ Государь слышно расположенъ противъ его.

На другой день послѣ сихъ разсказовъ, пріѣхавши въ Общее Собраніе, примѣтилъ я, что они не совсѣмъ неправду сказывали. Генералъ-Прокуроръ говоритъ мнѣ, что рѣшеніе III Департамента святое—и что я конечно съ нимъ согласенъ буду. " Посмотрю, отвѣчалъ я, если найду справедливымъ, то вѣрно соглашусь."

Только что мы сѣли на свои мѣста, читаютъ Имянной Указъ, о разсмотрѣніи онаго дѣла въ Общемъ Собраніи; а затѣмъ въ слѣдъ и дѣло стали докладывать. Необыкновенная такая спѣшность удивила меня, и подтвердила мнѣ о томъ, что подлинно уже заключеніе о дѣлѣ сдѣлано. Я спрашиваю Оберъ-Секретаря, для чего онъ такъ спѣшитъ?—" Приказано," отвѣчаетъ онъ мнѣ тихонько.

Изо всего увидѣлъ я, что дѣло это трактоваться будетъ не безъ предубѣжденій, шумно — и, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, въ которыхъ принялъ я всегда себѣ за правило сказать, или написать свое мнѣніе—да, и какъ изволятъ. А потому, сохраняя слабую грудь свою отъ напраснаго спора и крика, взялъ я поскорѣе короткую изъ дѣла записку; и увидѣвъ изъ нея, что А-въ по законамъ правъ, тутъ же написалъ въ пользу его мое мнѣніе, которое и отдалъ Оберъ-Секретарю, сказавъ, что я при немъ останусь. Нѣкоторые

Сенаторы, и изъ знатнѣйшихъ, согласились съ моимъ мнѣніемъ, только другими словами. Большинство же голосовъ было противъ; и объ иныхъ Генералъ-Прокуроръ, вѣроятно прежде отобравъ ихъ мнѣнія, приказывалъ такъ записывать: "Ну, пиши братецъ, что онъ согласенъ съ III Департаментомъ."

Замѣчательно было то, что послѣ А-вы, узнавъ о моемъ голосѣ, удивили крайнею благодарностью Князя В. Л. считая, что онъ по знакомству своему съ ними непремѣнно убѣдилъ меня къ тому своею просьбою; а я отъ него не слыхалъ о дѣлѣ ихъ, ни слова; и, помнится, не успѣлъ еще тогда и видѣться съ нимъ по пріѣздѣ его изъ Петербурга. Изумились они, какъ Князь имъ это сказалъ. Они не привыкли видѣть часто такихъ нелицепріятій, въ случаяхъ подобныхъ ополченій..... и особливо не ожидали отъ меня, потому что никогда не былъ я съ ними въ пріятельскихъ связяхъ; а съ большимъ А-мъ было у насъ по службѣ Московской—и неудовольствіе нѣкоторое.

Государь, предъ возвращеніемъ своимъ въ Петербургъ, изволилъ послать меня съ Юрьемъ Александровичемъ Нелединскимъ - Мелецкимъ осмотрѣть Слободскую - Украинскую губернію, и произвести въ ней нѣкоторыя изслѣдованія.

Сей товарищъ мой, весьма извѣстной по рѣдкимъ дарованіямъ его разума, и столько же благородствомъ души отличающійся, имѣлъ ко мнѣ довѣренность уже до пристрастія. Онъ конечно сдѣлалъ бы все, и сдѣлалъ бы не хуже меня—но ни во что не входилъ отъ сказаннаго мною пристрастія, и даже, можно сказать, ослѣпленія при всей необыкновенной остротѣ его ума. Не только во всемъ соглашался онъ со мною, но не хотѣлъ, чтобъ я и требовалъ его согласія, хотя не переставалъ я требовать онаго во всемъ.

При семъ то осмотрѣ губерніи, открылся мнѣ случай здѣлать, давно лежавшее у меня на сердцѣ, представленіе о злоупотребленіяхъ, могущихъ произойти отъ постановленія Сената по дѣламъ уничтоженной Тайной Экспедиціи.

Въ тюрьмѣ уѣзднаго города Богучара, между колодниками увидѣлъ я однаго въ оковахъ на рукахъ и на ногахъ, имѣющаго лице замѣтное по чертамъ добронравія и по глубокому на немъ унынію. Когда я подошелъ къ нему, то онъ зарыдавъ, повалился мнѣ въ ноги и просилъ, чтобъ избавить отъ погибели его съ дѣтьми, коихъ у него было одинадцать. Успокоивая его надеждою на милосердіе Императора, спросилъ я: "По какому содержится онъ дѣлу, и гдѣ оно?" —"По секрету, сказалъ мнѣ на ухо Городничій, а дѣло въ Уѣздномъ Судѣ."

Я велѣлъ привести его въ вечеру къ намъ на квартиру, а Уѣздному Судьѣ съ секретаремъ принести все дѣло. Поговоря съ колодникомъ, разсмотрѣли мы съ товарищемъ дѣло, и нашли, что содержаніе его самое глупое, и что судимый не заслуживаетъ никакаго наказанія; однако по порядку законному, долженъ быть непремѣнно обвиненъ, и наказанъ вмѣсто смертной казни.

Въ праздничный день, доброй однодворецъ этотъ, зашелъ въ питейной домъ выпить чарку вина. Тутъ же случился отпущенной въ домовой отпускъ матросъ, который за разныя шалости отданъ былъ въ рекруты изъ того же селенія, когда братъ однодворца былъ въономъ головою. По старой злобѣ на брата, сталъ матросъ къ однодворцу придираться. Смирной однодворецъ отмалчивался, и только сказалъ глупую, простолюдинскую пословицу, которой по непристойности въ ней словъ нельзя написать. Матросъ, переговоря ее иначе, закричалъ: Такъ то ты говоришь! и донесъ Начальству на однодворца въ словахъ оскорбительныхъ Царскому Величеству, коихъ однодворецъ и не говорилъ. Десять свидѣтелей подтвердили доносъ клевѣтника.

По законамъ должно основываться на свидѣтельскихъ показаніяхъ, когда обвиняемый не можетъ ихъ ничѣмъ отвести, т. е. не можетъ доказать, чтобъ они по враждѣ на него, или почему ни есть, могли имѣть причину свидѣтельствовать ложно.

Но можетъ-ли это всегда доказано быть? Иногда чело-

вѣкъ имѣетъ себѣ такихъ непріятелей, которые готовы на него все всклепать и всякое ему зло сдѣлать; но онъ ничѣмъ такаго расположенія ихъ доказать не можетъ. У меня перваго не безъ такихъ—и у многихъ конечно. Сверхъ того можетъ иногда свидѣтель ложно сказать и по тому только, что или не такъ ему послышалось, или забылъ точныя слова, или не такъ ихъ понялъ; а въ подобныхъ дѣлахъ иные и отъ робости, отъ торопости, не вслушаясь, наговорятъ ложь.

Потому-то я думаю, что справедливо обвинять можно по свидѣтельствамъ такихъ только свидѣтелей, которые не только не имѣютъ причины, но и *не могутъ лжесвидѣтельствовать*.

Не имѣя власти уничтожить дѣло, велѣли мы однодворца опять отвести въ тюрьму, только уже безъ оковъ, которыя велѣлъ я съ него снять прежде, для того что неприлично, говорилъ я Городничему, въ спальню къ сенаторамъ вводить скованнаго, а послѣ обнадежилъ я его, что колодникъ не уйдетъ. Уѣздному же Судьѣ приказалъ я подать намъ при секретномъ раппортѣ выписку изъ сего дѣла, поручивъ проворному Секретарю, поскорѣе это исполнить.

Отпустивъ ихъ, принялся я писать донесеніе Государю, для отправленія по отходившей утромъ, на другой день, почтѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ, вострой Секретарь вбѣжавъ ко мнѣ, спрашиваетъ прикажу-ли я и законы выписать? Знавъ коротко, какъ въ Уѣздахъ водится, я тотчасъ право догадался, для чего онъ меня спрашиваетъ; и сказавъ, что когда дѣлается выписка, то порядокъ требуетъ, чтобъ и законы подведены были, говорилъ я ему: "Скажи мнѣ правду, для чего ты объ этомъ спрашивалъ?"—"А для того, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ мнѣ бойкой Секретарь, что по данной вамъ власти, не угодно ли будетъ завтра при васъ приказать и экзекуцію здѣлать."

Нарочно описалъ я сіе, чтобъ показать образъ мыслей и расположеніе о дѣлахъ сего рода по Уѣздамъ и Губерніямъ, въ коихъ было оныя о большой части народа и оканчивать начали.

О дѣлѣ однодворца написалъ я отъ обоихъ насъ съ товарищемъ Государю донесеніе, въ коемъ, въ надеждѣ на Его человѣколюбіе, представляли мы о семъ дѣлѣ, какъ о незаслуживающемъ уваженія, однако такомъ, которое по законамъ не можетъ быть уничтожено, и судьба страждущаго не можетъ облегчена быть иначе, какъ властью Императорскою, а по сдѣланному Сенатомъ о дѣлахъ сего рода постановленію, дѣло оное не можетъ дойти до Его Величества : и что мы, приказавъ продолжать слѣдствіе, по точному обряду Законовъ, осмѣлились предписать Губернатору, чтобъ, когда оно внесется къ нему на разсмотрѣніе, то бы онъ никакого не дѣлалъ по оному исполненія до полученія Высочайшаго Указа.

Къ находившемуся же тогда при Государѣ Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому послали мы для объясненія при докладѣ выписку изъ дѣла, а я приложилъ къ нему для поднесенія Государю записку, съ пространнымъ разсужденіемъ моимъ о дѣлахъ сего рода, и о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя могутъ выйти отъ самаго уничтоженія Тайной Экспедиціи, какъ описывалъ я выше.

Въ запискѣ моей представлялъ я, съ какою тонкостью разбирать должно дѣло, особливо *о словахъ*, которыя иногда означать могутъ рѣшительное расположеніе ко злу иногда, еще не рѣшительное,—а иногда произносятся только отъ вѣтренности, или невѣжества и проч., чего однакожъ законы не различаютъ. Но что впрочемъ, сколь ни строги у насъ законы на дѣла сего рода, только я думаю, что по уваженію ко всѣмъ отношеніямъ нравовъ и состоянія народнаго, неудобно спѣшить ихъ перемѣною; а всего лучше повелѣть всѣ по первымъ двумъ пунктамъ дѣла, по коимъ обвиняются люди, представлять Сенату и Его Величеству; дабы и справедливость въ производствѣ ихъ точнѣе соблюдена была, и Государь бы имѣлъ способы, въ отраду человѣчества, являть небесное свойство милосердія, особливо въ дѣлахъ, до оскорбленія лица Его касающихся, и проч. и проч.

Представленіе сіе принято было человѣколюбивымъ Государемъ съ отличнымъ благоволеніемъ; и на другой же день

по полученіи его (17 Генваря 1802 года) поскакалъ въ Харьковъ курьеръ, съ повелѣніемъ немедленно освободить однодворца; а Сенату данъ указъ, чтобъ всѣ дѣла сего рода подъ названіемъ преступленій противъ первыхъ двухъ пунктовъ извѣстные, согласно оному представленію, вносить въ Правительствующій Сенатъ, а ему, съ мнѣніемъ своимъ о каждомъ, доносить Его Императорскому Величеству и ожидать утвержденія.

Отъ 20 Генваря увѣдомилъ меня о семъ Д. П. Трощинскій, слѣдующимъ письмомъ:

"Изъ Всемилостивѣйшаго рескрипта Вашему Превосходительству вмѣстѣ съ Юріемъ Александровичемъ даннаго, вы изволили уже видѣть, съ какимъ расположеніемъ Его Императорскимъ Величествомъ приняты донесенія ваши, объ окончаніи порученнаго вамъ въ Слободско - Украинской губерніи слѣдствія. Послѣднее ваше донесеніе объ однодворцѣ Саласинѣ, судившемся въ Богучарскомъ уѣздѣ, не менѣе привлекло на себя вниманіе Монаршее, и въ слѣдствіе онаго не только данъ Высочайшій Указъ объ освобожденіи однодворца сего, но и вообще предписано дѣла сего рода не вершить въ Губернскихъ мѣстахъ; но по ревизіи ихъ представлять въ Правительствующій Сенатъ, а ему доносить Государю Императору. Принося Вашему Превосходительству истинную благодарность мою, за всѣ благосклонныя выраженія и знаки довѣренности, коими угодно Вамъ было почтить меня во все теченіе сего дѣла, считаю себѣ пріятнымъ долгомъ соединить съ вами совершенное мое удовольствіе, что труды и просвѣщеніе ваши обратили на себя Монаршее благоволеніе, и проч."

Всегда благодарю я Бога за оное, сдѣланное мною представленіе, которымъ помогъ Онъ конечно многимъ избавиться отъ бѣдъ.

Товарищъ мой, который по окончаніи осмотра нашего, почти прямо поѣхалъ въ Петербургъ, по своимъ надобностямъ, писалъ оттуда ко мнѣ: "Дѣло Саласина (секретное въ Богучарѣ) не только рѣшилось къ его избавленію личному, но и

будетъ имѣть вліяніе на всѣ прочія таковыя же дѣла, изъ которыхъ по поводу сего, многія уже (сказывалъ мнѣ Дмитрій Прокофьевичъ) разсматриваны и привели въ удивленіе."

Случай оный въ Богучарѣ былъ уже на возвратномъ пути нашемъ въ Москву изъ Харькова, откуда и донесенія всѣ объ осмотрѣ губерніи, нами уже отправлены были.

Осмотръ сей удостоился отличнаго благоволенія Монаршаго и мы имѣли счастіе получить слѣдующій рескриптъ :

"Господа Тайные Совѣтники и Сенаторы, Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій. Съ совершеннымъ удовольствіемъ получилъ я послѣднее донесеніе ваше объ оконченномъ вами слѣдствіи по жалобамъ жителей Богучарскаго уѣзда. Производство сего дѣла, исполненіе и другихъ порученій, особенно вамъ отъ меня данныхъ, собственныя ваши примѣчанія на всѣ части Слободско-Украинской губерніи, дѣлаютъ честь вашему просвѣщенію, правотѣ и видамъ справедливаго человѣколюбія. Изъявляя вамъ за сіе благодарность, и пріемля за благо всѣ представленія ваши, я далъ надлежащія по тому предписанія ; а въ уваженіе свидѣтельства вашего, пожаловалъ Харьковскаго Вице-Губернатора Статскаго Совѣтника Картвелина въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, Директора Училища Коллежскаго Ассесора Кудрицкаго въ Надворные Совѣтники, и сверхъ того опредѣлилъ ему въ пенсіонъ, кромѣ жалованія двухъ сотъ пятидесяти рублей — въ подкрѣпленіе самому училищу приказалъ отпустить пять тысячь рублей, предполагая и впредь дѣлать ему вспоможеніе,—Титулярнаго Совѣтника Шишкина опредѣлилъ въ Харьковѣ Городничимъ, и находившихся при васъ Чиновниковъ, Щепина, Добачевскаго и Яковенкова произвелъ слѣдующими чинами.

"Пребываю вамъ благосклонный.

[на подлинномъ] "Александръ."

Въ С. Петербургѣ.
Генваря 14 дня
1802 года.

по полученіи его (17 Генваря 1802 года) поскакалъ въ Харьковъ курьеръ, съ повелѣніемъ немедленно освободить однодворца; а Сенату данъ указъ, чтобъ всѣ дѣла сего рода подъ названіемъ преступленій противъ первыхъ двухъ пунктовъ извѣстные, согласно оному представленію, вносить въ Правительствующій Сенатъ, а ему, съ мнѣніемъ своимъ о каждомъ, доносить Его Императорскому Величеству и ожидать утвержденія.

Отъ 20 Генваря увѣдомилъ меня о семъ Д. П. Трощинскій, слѣдующимъ письмомъ:

"Изъ Всемилостивѣйшаго рескрипта Вашему Превосходительству вмѣстѣ съ Юріемъ Александровичемъ даннаго, вы изволили уже видѣть, съ какимъ расположеніемъ Его Императорскимъ Величествомъ приняты донесенія ваши, объ окончаніи порученнаго вамъ въ Слободско - Украинской губерніи слѣдствія. Послѣднее ваше донесеніе объ однодворцѣ Саласинѣ, судившемся въ Богучарскомъ уѣздѣ, не менѣе привлекло на себя вниманіе Монаршее, и въ слѣдствіе онаго не только данъ Высочайшій Указъ объ освобожденіи однодворца сего, но и вообще предписано дѣла сего рода не вершить въ Губернскихъ мѣстахъ; но по ревизіи ихъ представлять въ Правительствующій Сенатъ, а ему доносить Государю Императору. Принося Вашему Превосходительству истинную благодарность мою, за всѣ благосклонныя выраженія и знаки довѣренности, коими угодно Вамъ было почтить меня во все теченіе сего дѣла, считаю себѣ пріятнымъ долгомъ соединить съ вами совершенное мое удовольствіе, что труды и просвѣщеніе ваши обратили на себя Монаршее благоволеніе, и проч."

Всегда благодарю я Бога за оное, сдѣланное мною представленіе, которымъ помогъ Онъ конечно многимъ избавиться отъ бѣдъ.

Товарищъ мой, который по окончаніи осмотра нашего, почти прямо поѣхалъ въ Петербургъ, по своимъ надобностямъ, писалъ оттуда ко мнѣ: "Дѣло Саласина (секретное въ Богучарѣ) не только рѣшилось къ его избавленію личному, но и

будетъ имѣть вліяніе на всѣ прочія таковыя же дѣла, изъ которыхъ по поводу сего, многія уже (сказывалъ мнѣ Дмитрій Прокофьевичь) разсматриваны и привели въ удивленіе."

Случай оный въ Богучарѣ былъ уже на возвратномъ пути нашемъ въ Москву изъ Харькова, откуда и донесенія всѣ объ осмотрѣ губерніи, нами уже отправлены были.

Осмотръ сей удостоился отличнаго благоволенія Монаршаго и мы имѣли счастіе получить слѣдующій рескриптъ:

"Господа Тайные Совѣтники и Сенаторы, Лопухинъ и Пелединскій-Мелецкій. Съ совершеннымъ удовольствіемъ получилъ я послѣднее донесеніе ваше объ оконченномъ вами слѣдствіи по жалобамъ жителей Богучарскаго уѣзда. Производство сего дѣла, исполненіе и другихъ порученій, особенно вамъ отъ меня данныхъ, собственныя ваши примѣчанія на всѣ части Слободско-Украинской губерніи, дѣлають честь вашему просвѣщенію, правотѣ и видамъ справедливаго человѣколюбія. Изъявляя вамъ за сіе благодарность, и пріемля за благо всѣ представленія ваши, я далъ надлежащія по тому предписанія; а въ уваженіе свидѣтельства вашего, пожаловалъ Харьковскаго Вице-Губернатора Статскаго Совѣтника Картвелина въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, Директора Училища Коллежскаго Ассесора Кудрицкаго въ Надворные Совѣтники, и сверхъ того опредѣлилъ ему въ пенсіонъ, кромѣ жалованія двухъ сотъ пятидесяти рублей — въ подкрѣпленіе самому училищу приказалъ отпустить пять тысячь рублей, предполагая и впредь дѣлать ему вспоможеніе,—Титулярнаго Совѣтника Шишкина опредѣлилъ въ Харьковѣ Городничимъ, и находившихся при васъ Чиновниковъ, Щепина, Добачевскаго и Яковенкова произвелъ слѣдующими чинами.

"Пребываю вамъ благосклонный.

[на подлинномъ] "Александръ."

Въ С. Петербургѣ.
Генваря 14 дня
1802 года.

по полученіи его (17 Генваря 1802 года) поскакалъ въ Харьковъ курьеръ, съ повелѣніемъ немедленно освободить однодворца; а Сенату данъ указъ, чтобъ всѣ дѣла сего рода подъ названіемъ преступленій противъ первыхъ двухъ пунктовъ извѣстные, согласно оному представленію, вносить въ Правительствующій Сенатъ, а ему, съ мнѣніемъ своимъ о каждомъ, доносить Его Императорскому Величеству и ожидать утвержденія.

Отъ 20 Генваря увѣдомилъ меня о семъ Д. П. Трощинскій, слѣдующимъ письмомъ:

"Изъ Всемилостивѣйшаго рескрипта Вашему Превосходительству вмѣстѣ съ Юріемъ Александровичемъ даннаго, вы изволили уже видѣть, съ какимъ расположеніемъ Его Императорскимъ Величествомъ приняты донесенія ваши, объ окончаніи порученнаго вамъ въ Слободско-Украинской губерніи слѣдствія. Послѣднее ваше донесеніе объ однодворцѣ Саласинѣ, судившемся въ Богучарскомъ уѣздѣ, не менѣе привлекло на себя вниманіе Монаршее, и въ слѣдствіе онаго не только данъ Высочайшій Указъ объ освобожденіи однодворца сего, но и вообще предписано дѣла сего рода не вершить въ Губернскихъ мѣстахъ; но по ревизіи ихъ представлять въ Правительствующій Сенатъ, а ему доносить Государю Императору. Принося Вашему Превосходительству истинную благодарность мою, за всѣ благосклонныя выраженія и знаки довѣренности, коими угодно Вамъ было почтить меня во все теченіе сего дѣла, считаю себѣ пріятнымъ долгомъ соединить съ вами совершенное мое удовольствіе, что труды и просвѣщеніе ваши обратили на себя Монаршее благоволеніе, и проч."

Всегда благодарю я Бога за оное, сдѣланное мною представленіе, которымъ помогъ Онъ конечно многимъ избавиться отъ бѣдъ.

Товарищъ мой, который по окончаніи осмотра нашего, почти прямо поѣхалъ въ Петербургъ, по своимъ надобностямъ, писалъ оттуда ко мнѣ: "Дѣло Саласина (секретное въ Богучарѣ) не только рѣшилось къ его избавленію личному, но и

будетъ имѣть вліяніе на всѣ прочія таковыя же дѣла, изъ которыхъ по поводу сего, многія уже (сказывалъ мнѣ Дмитрій Прокофьевичь) разсматриваны и привели въ удивленіе."

Случай оный въ Богучарѣ былъ уже на возвратномъ пути нашемъ въ Москву изъ Харькова, откуда и донесенія всѣ объ осмотрѣ губерніи, нами уже отправлены были.

Осмотръ сей удостоился отличнаго благоволенія Монаршаго и мы имѣли счастіе получить слѣдующій рескриптъ :

" Господа Тайные Совѣтники и Сенаторы, Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій. Съ совершеннымъ удовольствіемъ получилъ я послѣднее донесеніе ваше объ оконченномъ вами слѣдствіи по жалобамъ жителей Богучарскаго уѣзда. Производство сего дѣла, исполненіе и другихъ порученій, особенно вамъ отъ меня данныхъ, собственныя ваши примѣчанія на всѣ части Слободско-Украинской губерніи, дѣлаютъ честь вашему просвѣщенію, правотѣ и видамъ справедливаго человѣколюбія. Изъявляя вамъ за сіе благодарность, и пріемля за благо всѣ представленія ваши, я далъ надлежащія по тому предписанія ; а въ уваженіе свидѣтельства вашего, пожаловалъ Харьковскаго Вице-Губернатора Статскаго Совѣтника Картвелина въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, Директора Училища Коллежскаго Ассесора Кудрицкаго въ Надворные Совѣтники, и сверхъ того опредѣлилъ ему въ пенсіонъ, кромѣ жалованія двухъ сотъ пятидесяти рублей — въ подкрѣпленіе самому училищу приказалъ отпустить пять тысячь рублей, предполагая и впредь дѣлать ему вспоможеніе,—Титулярнаго Совѣтника Шишкина опредѣлилъ въ Харьковѣ Городничимъ, и находившихся при васъ Чиновниковъ, Щепина, Добачевскаго и Яковенкова произвелъ слѣдующими чинами.

"Пребываю вамъ благосклонный.

[на подлинномъ] "Александръ."

Въ С. Петербургѣ.
Генваря 14 дня
1802 года.

“При оном нарядном увѣщаніи вопросы неискусно конечно сдѣланные, безвременные и ненужные, исторгли изъ увѣщеваемыхъ отзывы, какъ доносятъ увѣщатели, противные вѣрноподданническимъ обязанностямъ. Но весьма вѣроятно, что вновь раздраженный фанатизмъ отвѣтствовавшихъ, прежними ихъ бѣдствіями угнетенныхъ и раззоренныхъ, облекъ слова ихъ жестокостью, въ сердцахъ несуществующею, или недостаточное просвѣщеніе увѣщателей, превратно ихъ поняло, а предразсудокъ уже противъ говорившихъ, представилъ имъ оные въ краскахъ, гораздо больше черныхъ, нежели они въ самомъ дѣлѣ суть.

“Такое заключеніе, думаемъ мы, основательно можно дѣлать, Всемилостивѣйшій Государь, изъ самаго противорѣчія, находящагося въ донесеніяхъ увѣщателей, относительно къ образу мыслей Духоборцевъ оныхъ въ Религіи; ибо между прочими статьями доносятъ: ‘что они Распятому Господу Іисусу Христу не поклоняются;’ а въ нѣкоторомъ, такъ называемомъ напѣвѣ (находящемся въ прилагаемой выпискѣ), котораго нелѣпость въ свидѣтельство беззаконія ихъ приводятъ, все показываетъ вѣру и благоговѣніе оныхъ людей къ воплощенію Господню. Заключеніе оное подкрѣпляемъ еще мы тѣмъ, что въ прилѣжныхъ съ ласковостію разговорахъ нашихъ съ нѣкоторыми изъ такихъ же Духоборцевъ въ Харьковскомъ Уѣздѣ, несомнѣнно открыли мы, при чувствахъ особенной благодарности къ Вашему Императорскому Величеству, готовность повиноваться Монаршей власти и всѣ земскія обязанности исполнять.

“По вышедонесенному слѣдствію увѣщанія, Измюскій Нижній Земскій Судъ, движимый необдуманною ревностію, неопытностію конечно въ подобныхъ дѣлахъ, поспѣшилъ отправиться на мѣсто въ то селеніе, гдѣ происходило оное увѣщаніе, для изысканія и производства изъ того криминальнаго дѣла, и о такомъ опредѣленіи своемъ донесъ Губернатору съ нарочнымъ. Но когда Губернаторъ насъ о томъ увѣдомилъ, то мы, за долгъ сочтя весьма обратить на случай сей вниманіе, сообразно, думаемъ, Августѣйшей благотворной волѣ Вашего

Императорскаго Величества, и дѣйствительнымъ средствамъ сохраненія общаго спокойства, толико драгоцѣннаго отеческому сердцу Вашему, настояли, чтобъ все оное приписано было недоумѣнію и неискуству увѣщателей, всякое тамъ слѣдствіе и розыскъ были бы тотчасъ пресѣчены, чтобъ никакого ни кому стѣсненія, по сему дѣлу, чинено не было, и естьли кто взятъ подъ стражу, то, ни мало не мѣшкавъ, былъ бы освобожденъ, а что по время полученія сего отвѣтнаго предписанія уже произошло, о томъ бы для надлежащаго уваженія обстоятельно Судъ рапортовалъ, и ожидалъ повелѣнія, какъ то означено въ предписаніи Губернаторскомъ, въ копіи находящемся въ прилагаемой выпискѣ. А Губернаторъ бы донесъ Вашему Императорскому Величеству, для Высочайшаго благоусмотрѣнія.

"Настояніе о такомъ поступкѣ въ случаѣ семъ отъ главнаго здѣсь начальства сочли мы за нужное, дабы не воспалить фанатизмъ, котораго лучшая пища есть бросаться въ огонь и оковы, всего болѣе его усиливающія и распространяющія, и дабы отвратить непремѣнное принесеніе жертвъ невинности, или невѣжества, крайней строгости правосудія, не могущей тутъ дѣйствовать съ пользою и съ успѣхомъ. Еще и потому разсудили мы за правильное такъ сдѣлать, что образъ мыслей оныхъ Духоборцевъ довольно уже испытанъ правительствомъ, чрезъ прежніе розыски по Тайной Экспедиціи, которую упразднила именемъ и дѣйствіемъ таже великодушная благость Вашего Императорскаго Величества, которая и людей оныхъ изъ заточенія освободила.

"Долгомъ также почитаемъ мы касательно увѣщанія и вообще обхожденія съ оными Духоборцами (коихъ всѣхъ здѣсь не большое число) изъяснять здѣшнему начальству Августѣйшую волю Вашу, Государь, изображенную въ доставленныхъ намъ о томъ документахъ, такъ: что въ повелѣніи 'предоставлять духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, безъ всякаго и съ ихъ стороны принужденія,' не должно разумѣть, безвременныхъ, нарядныхъ, въ видѣ суда, образомъ смущать и устрашать могущимъ, произво-

димыхъ увѣщаній; но дѣлать то къ стати, наблюдая расположеніе; стараясь въ самыхъ мѣстахъ ихъ жилищъ имѣть при церквахъ священниковъ, не столько отличающихся блескомъ школьнагѡ ученія и искуствомъ въ словопреніи, какъ истиннымъ благочестіемъ и усердною любовію къ Закону Божію и Евангельскому ученію, жизнію своею свидѣтельствующихъ чувствованія свои и правила. Таковые Пастыри, естественно вкореня о себѣ доброе мнѣніе, привлекутъ къ себѣ довѣренность, найдутъ время, случаи и мѣста къ бѣсѣдамъ своимъ, и самыми простыми способами откроютъ пути къ подѣйствованію на сердца ихъ и умы, желающіе просвѣщенія и къ закону Божію внутренно ревностные, но заблуждающіе въ образахъ и средствахъ. Что же касается до вѣрноподданническаго долгу и обязанности, то, слѣдуя мудрому Вашего Императорскаго Величества соизволенію, при обхожденіи съ ними съ кротостію и терпѣніемъ требовать отъ нихъ, какъ отъ всѣхъ вообще, исполненія обязанностей, предписанныхъ Указами Вашего Императорскаго Величества и Государственными закопами по общему Гражданскому и Земскому состоянію: съ неисполняющихъ оныя чинить взысканія, по тѣмъ же законамъ, не входя въ мысленные источники и причины неисполненія. Если же бы кто на дѣлѣ оказался прямо возмутителемъ противу власти и общаго спокойства, съ тѣмъ поступать по всей точности строгости Законовъ.

"Не оставимъ мы, Всемилостивѣйшій Государь, устремлять своего вниманія на оное дѣло, во все время бытности нашей въ здѣшней губерніи, для исполненія Высочайшихъ препорученій намъ отъ Вашего Императорскаго Величества, которыя всѣ стараемся со всякою рачительностію наилучшимъ образомъ исполнять, и о всемъ будемъ въ свое время доносить Вамъ, Государь, съ искренностію и откровенностію, свойственными безпредѣльному усердію, коимъ повергаемся къ священнымъ Вашимъ стопамъ."

Возвратившіеся увѣщатели подтвердили мою догадку.

Въ отчетѣ своемъ сказали они, что подлинно первый отъ нихъ вопросъ Духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы,

неимѣющіе къ обрядамъ уваженія, не могли здѣлать имъ отвѣта удовлетворительнаго, а сказали, что они всякаго Царя почитаютъ отъ Бога поставленнымъ, добраго даромъ Божіимъ; а злаго бичемъ за грѣхи. Поставили передъ нихъ образъ Спасителевъ и спрашивали ихъ, вѣруютъ ли они въ предстоящаго предъ ними Спасителя? Духоборцы отвѣчали: "это не спаситель, а доска расписанная." Наконецъ ихъ спрашивали: будутъ ли они платить подать, и рекрутъ ставить? Они съ досадою говорили: "мы нищіе, чѣмъ намъ подать платить? Какіе отъ насъ рекруты, остался старый да малый, да изувѣченный. Мы прежде служили Государю, какъ и другіе; а теперь,—власть Его,—не можемъ."

Скоро собралось у насъ много Духоборцевъ. Нѣсколько ихъ пришло и изъ Екатеринославской губерніи. Хотя для порядка сохранялъ я въ дѣлѣ ихъ форму секретнаго производства; однако, чтобъ не подавать видовъ смущающихъ и привлекающихъ излишнее отъ народа любопытство, говаривалъ я часто съ ними и при всѣхъ, и обыкновенно ходили они ко мнѣ всякій день по утру; они очень полюбили меня и говорили со мною откровенно.

Кромѣ безмѣрныхъ, фанатическихъ можно сказать, предразсудковъ противъ всякой наружности и сектическаго особничества и предпочтенія себя, нашелъ я въ нихъ понятія о Христіанствѣ самыя коренныя и правильныя. Сила духа вѣры въ нихъ весьма замѣчательная и общая. Никто почти изъ нихъ грамотѣ не знаетъ хорошенько, писать, изъ много бывшихъ тогда у насъ, худо умѣлъ только одинъ: а всякій о законѣ говоритъ какъ книга.

Соглашаяся съ ними и по справедливости въ томъ, что все существенное заключается во внутреннемъ, убѣждалъ я ихъ въ надобности и пользѣ ходить въ храмы, исполнять всѣ внѣшнія обязанности, и повиноваться всѣмъ уставамъ церковнымъ: "дѣлайте это, говорилъ я имъ, хотя изъ любви къ ближнему, безъ которой не можно быть Христіаниномъ— дѣлайте это по крайнѣй мѣрѣ для того, чтобъ ближнихъ вашихъ не вводить въ грѣхъ отвращенія отъ васъ и вражды."

"Да для чегожъ, спрашивалъ я ихъ, перестали вы ходить въ церкви? Вѣдь вы прежде ходили, и все исполняли, какъ и прочіе."

"Признаемся, отвѣчали они мнѣ, въ грѣхѣ своемъ, что перестали ходить отъ досады и теперь не можемъ переломить себя." "Отъ какой же досады?" "Ну, да какъ насъ начали изъ церкви-то таскать, да въ однихъ рубашкахъ бить палочьемъ, приговаривая: въ церкви стоишь, а не то думаешь."

Что они не лгали, въ томъ я очень увѣренъ былъ отъ самаго г. бывшаго исправника, который мнѣ хвалился такою палочною противъ нихъ войною, и который изъ числа почитающихъ Христіанами только тѣхъ, у кого въ Церквахъ румянецъ играетъ.

Наконецъ Духоборцы подали намъ прошеніе, въ коемъ, изъявляя свою вѣрность и усердіе къ Государю, просили исходатайствовать имъ позволеніе отдѣлиться въ особое поселеніе.

Въ слѣдствіе сего написали мы къ Государю включаемое здѣсь донесеніе.

Изъ Харькова Декабря 3 дня 1801 года.

"Въ слѣдствіе нашего всеподданнѣйшаго донесенія Вашему Императорскому Величеству, отъ 12 числа Ноября, о произшедшемъ въ Изюмскомъ уѣздѣ по случаю безвременнаго увѣщанія, такъ называемыхъ, Духоборцевъ, нынѣ за долгъ считаемъ донести, что продолжая обращать самое прилѣжное вниманіе на дѣло сіе, всегда находили мы подтвержденіе нашего заключенія о томъ, что безвременное увѣщаніе оное производимо было и образомъ неискусным и вопросами неосторожными и напрасными, и что отвѣты увѣщаемыхъ совсѣмъ не такъ были поняты.

"Наконецъ самые тѣ изъ оныхъ Духоборцевъ, которые наиболѣе и съ такою важностію обвиняемы были, и которые и по прежде бывшимъ розыскамъ изъ главныхъ почитались, будучи по настоянію нашему освобождены, на сихъ дняхъ пришли къ намъ оправдать себя, и въ ласковомъ обращеніи,

испытывая ихъ лично, мы совершенно удостовѣрялись въ справедливости нашего прежняго заключенія. Потомъ, испросивъ позволеніе, они намъ подали прошеніе, которое подтвердили при насъ и при Губернаторѣ здѣшнемъ, и которое мы при семъ осмѣливаемся въ подлинникѣ представить Высочайшему воззрѣнію Вашего Императорскаго Величества. Въ немъ совсѣмъ противное тому что имъ приписывали, и мы свидѣтели искреннихъ чувствъ ихъ вѣрности, благодарности и почтенія къ Августѣйшей Особѣ Вашей, Всемилостивѣйшій Государь, простыми изрѣченіями въ прошеніи ономъ изображенныхъ.

"Давно и довольно долженъ быть извѣстенъ ихъ образъ мыслей, хотя едвали когда, осмѣлимся сказать, при испытаніи ихъ поступлено было съ полнымъ равнодушіемъ и со всѣмъ должнымъ уваженіемъ къ человѣчеству вообще, безъ различія лицъ. Однако довольно извѣстно что они, пріемля только духовное поклоненіе и совершеніе Таинствъ, единственно духомъ же во внутренности, отмѣтаютъ всякую наружность въ Религіи; а посему естественно, что не могутъ они уважать и обрядъ Мѵропомазанія. Но они признаютъ Государей отъ Бога поставленными, и за долгъ считаютъ имъ повиноваться, какъ и всѣмъ властямъ, отъ нихъ учрежденнымъ. А къ Особѣ Вашего Императорскаго Величества, они, можно сказать, проникнуты признательностію и любовію, и говоря о Вашемъ Величествѣ всякой разъ прибавляютъ: "Онъ нашъ Государь, и человѣкъ доброй и милостивый." Смѣло повторяемъ мы сіи слова ихъ простодушія, вѣдая, что вѣрноподданическая преданность въ простотѣ чувствованій, особливо угодна истинно Отеческой любви Вашей и великодушной благости.

"Изъ всѣхъ селеній здѣшнихъ Духоборцы, гдѣ они есть, и нѣкоторые изъ Новороссійской Губерніи были у насъ, Всемилостивѣйшій Государь, и всѣ изъявляли желаніе отдѣлиться въ особое поселеніе, не назначая никакихъ себѣ къ тому мѣстъ; и въ оныхъ, какъ и въ нужномъ имъ для того вспоможеніи, совершенно предаваясь Всемилостивѣйшей волѣ Вашей.

"Мы за нужное считаемъ донести о томъ Вашему Императорскому Величеству, предполагая, что не найдется ли какаго либо образа исполненія онаго на общую пользу Государственную и къ успокоенію самыхъ сихъ людей, устраненіемъ ихъ отъ случаевъ и причинъ быть притѣсняемыми иногда невѣжествомъ, или безразсудною ревностію, и удаленіемъ ихъ отъ вредныхъ послѣдствій вражды съ прочими поселянами, которые подлинно ихъ не терпятъ, какъ и всѣ почти жители? А притомъ не пресѣкутся ли, или по крайней мѣрѣ не затруднятся ли, чрезъ самое сіе, способы имъ размножаться обращеніемъ къ себѣ другихъ?

"Имѣвъ нынѣ довольно случая узнать оныхъ Духоборцевъ, осмѣливаемся сказать, что естьли бы заблагоразсуждено было переселить ихъ въ особыя мѣста, то кажется удобнѣе бы, не учреждая между ими, какъ между прочими поселянами, своихъ волостныхъ правленій, учредить надъ ними Начальство по примѣру бывшихъ въ Экономическихъ волостяхъ комиссаровъ или управителей, опредѣляя чиновниковъ честныхъ, добронравныхъ и не суевѣрныхъ.

"Не теряя также по связи общей изъ виду полнаго присоединенія ихъ къ Господствующей въ Россіи Православной Церкви, средствами истинному духу Христіанства приличными и сообразными сохраненію повсемѣстнаго спокойства, не безполезно конечно было бы тогда селенія оныя помѣстить не въ самой большой отдаленности отъ городовъ, или такихъ селеній, въ которыхъ могли бы просвѣщенные истиннымъ познаніемъ закона Священники, славою благочиннаго прехожденія своей должности, добраго житія и убѣдительнаго, сердечнаго проповѣданія слова Божія, привлекать къ себѣ оныхъ людей, которымъ, конечно, не столько нужно доказывать пользу и необходимость обрядовъ, какъ то, что никакіе обряды не могутъ препятствовать существенному Богослуженію и поклоненію внутреннему, которое подлинно есть коренное и котораго они не отвергаютъ.

"Мудрая терпимость, каковую Ваше Императорское Величество столь великодушно являть изволите, и снисходительное,

такъ сказать, забвеніе оныхъ людей съ стороны ихъ образа мыслей всего дѣйствительнѣе могутъ ослабить ихъ энтузіазмъ, которымъ они весьма сильно и единственно водятся; всякое принужденіе раздражитъ только энтузіазмъ сей: всякое утѣсненіе воспалитъ его. Прочіе раскольники, держимые закоснѣлостію навыка, или особливо выгодами корысти привлекаемые, могутъ одни отвлекаться отсѣченіемъ средствъ пріобрѣтать оныя выгоды, или даже приведеніемъ въ состояніе необходимо терять предъ другими; иные могутъ убѣждаемы быть въ своихъ заблужденіяхъ, которымъ они слѣдуютъ частью болѣе по навыку, и которые не укоренилися въ умахъ ихъ; а въ сердцахъ по большей части и вовсе не существуютъ. Но, такъ называемые, Духоборцы оные, совершено восхищены однимъ энтузіазмомъ, и столь бѣдны что терять имъ нечего.

"Бѣдность ихъ Государь прекрайняя: ибо они до конца раззорены ссылкою со всѣми семействами на заточенія и въ работы, изъ коихъ освободило ихъ милосердіе и человѣколюбіе Вашего Императорскаго Величества. Домы ихъ и всѣ пожитки проданы. И, хотя повелѣно было полученныя за оное деньги имъ доставить, и доставлены въ мѣста бывшей ихъ неволи: но все сіе продано за безцѣнокъ, и не могло иначе быть продано—а впрочемъ, какъ все оное въ подобныхъ случаяхъ дѣлается, то конечно извѣстно, осмѣлимся мы сказать, спасительнымъ для ввѣренныхъ Вамъ народовъ, опытности Вашей, Государь, и прозорливости.

"Бѣдное состояніе оныхъ людей, коихъ и число здѣсь не велико, столько жалостно, что по истинѣ достойно обратить на себя воззрѣніе великой щедроты Вашего Императорскаго Величества, дающаго примѣръ земнымъ Владыкамъ священнаго уваженія къ человѣчеству.

"За долгъ поставили мы все оное всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству; и мнѣніе наше смѣло и свободно представили, руководимы будучи безпредѣльнымъ усердіемъ къ Августѣйшей Особѣ Вашего Императорскаго Величества и къ пользѣ Отечества. Вѣрноподданническою

любовію цѣлуя скипетръ благоденствія Его держащую руку Вашу, повергаемся къ священнымъ Вашимъ стопамъ."

Сіе донесеніе отправили мы уже при окончаніи осмотра Слободско-Украинской губерніи; и собираясь вмѣстѣ съ товарищемъ возвратиться въ Москву чрезъ Богучарскій уѣздъ той же губерніи, въ которомъ надобно еще намъ было произвести нѣкоторое изслѣдованіе.

На первое донесеніе наше о Духоборцахъ, не имѣли еще мы отвѣта. Признаюсь, что и неожидалъ я пріятнаго. Я очень надѣялся на прозорливость и человѣколюбіе Государя: но не былъ совершенно увѣренъ въ томъ, чтобъ нисколько не могли подѣйствовать толки иныхъ изъ окружающихъ, такихъ, которые хотятъ выслуживаться, представляя вездѣ опасности, хотя ни одной прямой отвратить не умѣютъ: и которые хвалятъ или порочатъ дѣло не потому, каково оно; а потому, кѣмъ оно сдѣлано.* Тѣмъ больше, думалъ я, толки такіе могли навлечь препятства, что тогда, со стороны

* Особливо могъ я такъ думать потому, что клевета и недоразумѣніе давно разглашаютъ, будто я превеликой защитникъ всякой секты и расколовъ: и заключеніе сіе обо мнѣ простирается до слѣпоты. Довольно сказать о томъ только два примѣра.

1.) Предъ самою сею поѣздкою въ Харьковъ, сидя у одного отлично разумнаго и ученаго Архіерея, (который былъ то пріятелемъ, то гонителемъ моимъ; и умеръ кажется первымъ,) разговаривалъ я съ нимъ о расколахъ и средствахъ укротить ихъ—представляя къ тому самыя дѣйствительныя, кромѣ жестокостей и тѣлесныхъ истязаній. На другой день, Архіерей сей, въ собраніи Синода, бывшаго тогда въ Москвѣ, расказываетъ, что онъ съ ужасомъ вчерась слышалъ отъ меня самаго, какой я защитникъ и покровитель всѣхъ раскольниковъ; и что это такого рода расположеніе мое, которое не бездостойно даже вниманія правительства. Другой Архіерей, съ которымъ случилось мнѣ говорить точно тоже, и въ тотъ же самый день, только въ вечеру позже, съ удивленіемъ отвѣчалъ ему, что онъ наканунѣ же слышалъ отъ меня напротивъ самыя сильныя и дѣйствительныя средства къ пресѣченію расколовъ; но только жаль, что уже поздно ихъ употребить; и пересказывалъ какія. Гонитель мой, при всей лютости своего ополченія, смягчился однакожъ и утихъ, посовѣстясь слово въ слово, тоже, что и ему я говорилъ, слыша за мое же отъ своего товарища, и еще старшаго.

2.) Вошла въ Сенатъ жалоба отъ раскольника крестьянина на своего помѣщика (именно та, о которой говорю я во второй части моихъ записокъ),

образа мыслей моихъ, не могъ я еще столько извѣстенъ быть Государю, какъ послѣ имѣлъ я къ тому счастіе, чрезъ нѣкоторые особливые случаи. Впрочемъ при всемъ производствѣ онаго дѣла о Духоборцахъ, сначала самаго не ожидалъ я себѣ пріятности за него по службѣ; а предметомъ однимъ имѣлъ, оказать услугу общей Государства пользѣ и человѣчеству; хотя бы самому и много потерпѣть за то досталось.

Наканунѣ выѣзда изъ Харькова, по обыкновенію своему, проснувшись рано по утру, нашелъ я въ своей передспальнѣ дожидавшагося меня Почмейстера, который вручилъ мнѣ, на эстафетѣ полученный, отъ Императора рескриптъ.

Готовъ уже будучи прочитать себѣ неудовольствіе, долго не распечатывалъ я его: и распечаталъ гораздо послѣ— распрощавшись съ Почмейстеромъ.

Но вотъ какой это былъ рескриптъ:

"Господа Тайные Совѣтники и Сенаторы Лопухинъ и Нелединскій - Мелецкій. Пріимите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ Духоборцевъ; я нахожу его столько же сообразнымъ просвѣщенію и благоразумнымъ вашимъ правиламъ, сколько и основаннымъ на справедливости и настоящемъ положеніи сихъ людей, и въ слѣдствіе того поручаю вамъ въ продолженіи пребыванія вашего въ Слободско-Украинской губерніи, наблюсти дабы распоряженія вами сдѣланныя воспріяли точное ихъ дѣйствіе и послужили мѣстному Начальству и на будущее время, образцомъ поведенія его съ симъ родомъ людей. Вмѣстѣ съ симъ вразумляю я Губернатора, какимъ образомъ должно располагать ему назначенное при возвращеніи сихъ Духоборцевъ увѣщаніе и находя между тѣмъ, что прежде предпріятаго тамошнимъ правительствомъ наряднаго просвѣщенія

въ коей онъ особливо жалуется на то, что помѣщикъ мѣшаетъ ему раскольничать. Въ Сенатѣ дается резолюція, послабляющая просителю. Я за болѣзнью тогда не присутствовалъ. Не согласясь на такую резолюцію, далъ я голосъ, чтобъ жалобу эту передать въ уголовный Департаментъ, для поступленія по строгости законовъ, въ укрощеніе буйства. При чтеніи моего голоса товарищи въ первомъ движеніи закричали: "Ну, извѣстно что онъ за раскольника!" Это даже забавно.

ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе бы было помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что правительство сіе, въ раззоренномъ ихъ положеніи, готово простереть имъ руку помощи и покровительства, я предписываю ему, войдя въ ихъ состояніе и описавъ ихъ нужды, представить мнѣ, имѣютъ ли они домы, и естьли не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать имъ немедленно нужное пособіе. Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный."

[На подлинномъ:] Александръ.

Въ СПБургѣ,
Ноября 27 д. 1801 г.

До восхищенія пріятенъ былъ конечно сей рескриптъ, коего слова, изъявляющія терпимость и щедроту Государя, должны неизгладимыми буквами начертаться въ славнѣйшихъ дѣяніяхъ человѣколюбія и просвѣщенія.

Успокоился и порадовался очень и товарищъ мой: и вотъ что онъ при этомъ здѣлалъ. Черта почтеннаго характера, достойная быть извѣстною!

На одной эстафетѣ съ рескриптомъ симъ получилъ я письмо отъ Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, въ которомъ сей министръ, отличною твердостью и рѣдкимъ въ дѣлахъ Государственныхъ искуствомъ одаренный, писалъ ко мнѣ о томъ удовольствіи, коимъ онъ искренно участвовалъ при семъ случаѣ въ благоволеніи Монаршемъ; и въ концѣ письма своего писалъ поклонъ моему товарищу.

Товарищъ мой, благодаря его письмомъ, которое приготовилъ онъ послать съ фельдъегеремъ, коего наканунѣ отъѣзда нашего изъ Харькова, надобно намъ было отправить въ Петербургъ, въ письмѣ ономъ написалъ: "что онъ нисколько не можетъ участвовать въ благоволеніи, отъ Государя намъ оказанномъ, потому что онъ во все время ничего больше не дѣлалъ, какъ только то подписывалъ, что я напишу." Письмо это показалъ онъ мнѣ. Я хотѣлъ его пріятельски поздравить;

но онъ слишкомъ серьезно сказавъ, что поссорится со мною, вырвалъ его у меня, запечаталъ и отдалъ фельдъегерю. Шутя, я попробовалъ взять письмо у фельдъегеря, только тутъ дошло было подлинно до брани.

Такимъ образомъ кончилась исторія Духоборцевъ, которые по нашему представленію, сходному съ ихъ желаніемъ, переселены въ особыя жилища на Молочныя Воды, съ щедрыми пособіями, отъ милосердія Государева; и составляютъ теперь одну изъ лучшихъ колоній. Поступокъ нашъ въ дѣлѣ семъ поставленъ былъ за образецъ Начальствамъ всѣхъ губерній, Высочайшимъ Имяннымъ Указомъ, который чрезъ Генералъ-Прокурора объявленъ всѣмъ Губернаторамъ, въ томъ же Декабрѣ 1801 года.

Въ публикѣ, иные хвалили это дѣло; а большая часть осуждали; и всѣ критики и порицанія устремлялись на меня.

Бранили меня нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все касающееся до религіи, есть ихъ монополія, и что безъ рясы и клобука, не можно имѣть истиннаго просвѣщенія всей религіи, коея начало и конецъ есть *сый вездѣ и вся исполняяй.*

Бранили меня благочестивыми слывущіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прилежно разбираютъ рыба—или вязига,* и можно-ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ, потому, что въ него-де кладется кровь, и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку и всякую неправду для пріятеля, особливо для вельможи придворнаго.

Бранили думающіе о себѣ что они философы, и выше, какъ говорятъ они, предразсудковъ, которые презираютъ всѣ секты и расколы, хотя не знаютъ прямо, что такое секта или расколъ, не знаютъ сами хорошенько какой они религіи; и

* Подлинно зналъ я одну старую барыню очень богомольную—разумную и еще мастерицу по Французски и по Нѣмецки, которая толковала съ Архіереями можно-ли ѣсть вязигу въ тѣ дни, въ которые по Уставу не положено ѣсть рыбу; и ей разрѣшили, почему-то не упомню, вязигу къ рыбѣ не причитая.

съ надмѣнною улыбкой слабыхъ умовъ, говорятъ: "всякій честный человѣкъ Христіанинъ;" какъ будто нѣтъ честныхъ людей между язычниками, и какъ будто не было ихъ до Христа, коему они не вѣрятъ.

Бранили охотники вмѣшиваться въ политику, которые, какъ бы заботясь о благосостояніи и твердости Государства, кричатъ, что секты не должны быть терпимы, хотя также не знаютъ-не вѣдаютъ, что такое секта и въ чемъ состоитъ благосостояніе Государства; и хотя они сами изъ ленточки, изъ титула какого нибудь Превосходительства, и особливо изъ знатной суммы ходячихъ достоинствъ готовы на все пуститься.

Брани и толки такихъ господъ, и доселѣ продолжающіеся, принималъ я всегда очень равнодушно; но узнавъ, что и тамъ объ ономъ дѣлѣ Духоборцевъ перемѣняются заключенія, откуда вліяніе ихъ можетъ простираться и на общую пользу, (не говоря о томъ, что и мнѣ лично въ нѣкоторый вредъ; ибо я о себѣ въ такихъ случаяхъ мало привыкъ думать, и по самому природному моему нраву, равнодушіе тутъ для меня не трудно) узнавъ о семъ, разсѣялъ я одну рукопись, въ которой описалъ все оное произшествіе съ Духоборцами, причины моего съ ними поступка, образъ мыслей моихъ о расколахъ, и о томъ, какъ съ ними поступать вообще. Я помѣщу здѣсь сію рукопись, которая не могла быть напечатана, исключа изъ нея сказанное уже выше о семъ случаѣ. Къ сочиненію ея, особливо побужденъ я былъ, однимъ извѣстнымъ мнѣ письмомъ первенствующаго въ Синодѣ Архіерея, въ коемъ онъ, по нѣкоторому случаю говоря о Духоборцахъ, писалъ: "Сей родъ сильно умножается, и не зная что дѣлать съ нимъ, зело винятъ Ивана Владиміровича.

Выписка изъ Рукописи подъ названіемъ:

Отзывъ Искренности.

Слышу, что умножается число такъ называемыхъ Духоборцевъ, и что за сіе винятъ меня.

Естьли бы я зналъ, что обвиненіе такое заключается

только въ разныхъ толкахъ невѣжества и въ злорѣчіяхъ моихъ непріятелей (хотя я ихъ развѣ отъ того много имѣю, что никогда не могъ быть, и не есть никому непріятелемъ), то я бы не только постыдился, да и полѣнился бы,—право—себя оправдывать.

Но какъ разглашенія такія могутъ ввести въ ложное понятіе и изъ самыхъ благомыслящихъ людей, тѣхъ, которые не знаютъ прямо обстоятельствъ, и какъ статья сія относится къ важному состоянію религіи, общественному благоустройству, то я, по чувствамъ моего благоговѣнія къ церкви и ревностной любви къ отечеству, считаю за нужное нѣчто о семъ сказать.

I.

Никогда не только на бумагѣ, но ниже на словахъ, и съ самыми короткими пріятелями, не одобрялъ я оную секту. Всякая секта должна имѣть и конечно имѣетъ свои заблужденія.

Истинная религія есть ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, и новая тварь въ Христѣ Іисусѣ есть истинная натура Христіанства. Кто сего Евангельскаго и Апостольскаго о Христіанствѣ заключенія не приметъ, тотъ или врагъ Христіанства, или совсѣмъ никакого о немъ чувства и понятія не имѣетъ.

Но для возведеденія падшихъ грѣхомъ людей на оный таинственный путь Христіанской жизни, и для постепеннаго ихъ по оному препровожденія, при содѣйствіи благодати свыше, нужны церковные уставы, обряды служенія, правительства, начальства, и проч. А по сему и надобность учрежденной Религіи есть самая священная и спасительная. И изъ всѣхъ истину исповѣдующихъ, т. е. Христіанскихъ Религій, Уставъ Греко-Восточной Церкви почитаю я наилучшимъ; не потому только, что я въ ней родился, но по убѣжденію сердца моего и разума.

II.

Исторія раздѣленій Церкви извѣстна. Они столько-жъ естественны, сколь естественно заблужденіе людямъ, не

могущимъ видѣть истину изъ точки прямаго на нее зрѣнія; а испытывающимъ ее по образамъ, оттѣнкамъ и слабостью разсудка природнаго. Отъ сего произошли всѣ раздѣленія (секты) и расколы. Политическія побужденія были всегда уже вторыми причинами. Фанатизмомъ ли суевѣрія, честолюбіемъ или сребролюбіемъ руководствовались учредители сектъ, но всегда пользовались онымъ заблужденіемъ людей слѣпотствующихъ на путяхъ къ истинѣ.

Источникъ всѣхъ почти расколовъ есть усердіе непросвѣщенное; исканіе лучшаго образа богослуженія, которое конечно раждается отъ усердія къ Богу: но безъ просвѣщенія, на самомъ подвигѣ усердія сего въ заблужденіе войти можно. Для того же, кто, называясь Христіаниномъ, во Христа не вѣруетъ, о Богѣ не помышляетъ, конечно все равно тотъ, или другой образъ поклоненія, или совсѣмъ никакого. Таковой конечно не уклонится ни въ какую секту, и уклоняться ему не отъ чего.

И такъ самая ревность къ Закону Божію, но свѣтомъ истиннаго разума не управляемая, заводитъ въ разнообразныя заблужденія и производитъ различныя расколы и раздѣленія.

Не постигающій силы духа и внутренняго качества Христіанскаго, и заключающій все въ одной внѣшности, боготворитъ ее, и ею соблазняется. Разница въ литерахъ, въ какомъ нибудь обрядѣ, соблазняетъ и совращаетъ его. Онъ лучше согласится не величать Христа, нежели говорить тѣми, а не другими словами; лучше совсѣмъ не будетъ молиться, нежели не тѣ употреблять внѣшніе знаки поклоненія, какіе употребляли его предки.

На семъ совратившихся самое большое число. Въ подвигѣ усердія непросвѣщеннаго, при суевѣрномъ обожаніи внѣшности, гораздо удобнѣе слабостямъ человѣческимъ удовлетворять ея исполненіями, нежели сражаться со страстьми и отрицаться самолюбія.

Другіе впадаютъ въ противное, но также въ заблужденіе, и столько же удаляются отъ пути истиннаго. Понимая, что не во внѣшности заключается существенное, но не понимая

пользу внѣшности и необходимость ея, какъ средства къ внутреннему, отвергаютъ внѣшнее, презираютъ образное, но не постигаютъ истиннаго, не вѣдаютъ существенной внутренности духовнаго. Разсужденія о Богѣ, принимаютъ за созерцаніе Божественнаго: молитву не устную, мысли о молитвѣ, за поклоненіе духомъ и истиною; безразсудное неуваженіе всякой внѣшности, при размышленіи о духовномъ и при нѣкоторомъ стараніи естественными силами исполнять поверхность Христіанскихъ обязанностей, съ большимъ пожертвованіемъ самолюбію, почитаютъ жизнію духовною, внутреннимъ Христіанствомъ. Не вѣдаютъ, что созерцаніе небеснаго свойственно быть можетъ только чистому оку Божественной премудрости, которая не входитъ въ злую душу и не обитаетъ въ тѣлѣ, оскверняющемся грѣхами; что поклоненіе духомъ и истиною есть жертвоприношеніе сердца, исполненнаго страха Господня, при живомъ вѣрою и любовію ощущеніи присутствія Божія; что духовная жизнь внутренняго Христіанства есть безпрестанное расиятіе плоти и страстей на внутреннемъ крестѣ самоотверженія и смиренія.

III.

Изъ оной-то смѣси стремленія къ чистѣйшему поклоненію и ложнаго понятія о духовномъ, родилась секта такъ называмыхъ Духоборцевъ.

Кто именно ее учредилъ и точное время начала ея не извѣстно. Нѣкоторые изъ нихъ меня увѣряли, что уже слишкомъ сто лѣтъ существуетъ у нихъ такой образъ исповѣданія. Правительству же стали они весьма извѣстны около 1770 года. Впрочемъ, хотя отъ начала своего имѣли они правиломъ не уважать ничего наружнаго, и все заключать единственно во внутренности и въ дѣятельномъ исполненіи Евангельскихъ заповѣдей, однако они всегда ходили въ храмы; бывали у Св. Причастія, въ храмахъ крестились, бракомъ сочетались; и всѣ внѣшнія обязанности религіи исполняли. Сіе между ими продолжалось до самаго послѣдняго времени ихъ ссылокъ и заточеній.

Никакая секта въ новѣйшія времена не была столь строго преслѣдуема, какъ оные Духоборцы : и конечно не потому только, что они всѣхъ бѣднѣе. Разными образами истязывали ихъ, цѣлыми семействами, ссылали въ тяжкія работы, заключали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ такихъ, гдѣ ни стоять во весь ростъ, ни лежать протянувшись нельзя было. Это мнѣ сказывалъ, хвалясь своимъ распоряженіемъ, одинъ изъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они содержались.

IV.

Взятыхъ подъ стражу въ Слободско-Украинской губерніи Духоборцевъ велѣли мы съ товарищемъ тотчасъ освободить и уничтожить всякое надъ ними слѣдствіе, въ надеждѣ на прозорливость и человѣколюбіе Государя; а при томъ зная, что въ подобныхъ случаяхъ средства строгости всегда обращаются, или въ несправедливое истязаніе слабости и невѣжества, или въ пищу фанатизму, который тѣмъ укрѣпляется и воспаляется больше. Слѣпоту разума должно исцѣлять просвѣщеніемъ разума. Заблужденія духовныя исправлять надобно убѣжденіемъ духа, силою истины. Я думаю, что одна проповѣдь Евангельскаго ученія, словами и книгами, при добродѣтельныхъ примѣрахъ, можетъ выводить изъ заблужденія совращающихся съ прямаго пути Религіи. Исполненныхъ предразсудками противъ всякой внѣшности, или безразсудно прилѣпленныхъ къ какимъ либо особливымъ обрядамъ, никогда не убѣдишь въ пользѣ тѣхъ, а не другихъ; опыты многихъ вѣковъ сіе доказываютъ. Но когда заблуждающіе въономъ будутъ просвѣщены и сердечно убѣждены въ существѣ животворнаго внутренняго Христіанства, тогда всякая для нихъ преграда на правильный путь сама собою разрушится, и они при истинномъ на него вступленіи узнаютъ и необходимую при томъ пользу внѣшности и обрядовъ, для людей, изъ души и тѣла составленныхъ.

Совершенное отметаніе Духоборцами всякой наружности конечно есть великое заблужденіе. Кромѣ уставленныхъ въ церкви таинствъ, коихъ предметъ есть освящать души, и

цѣлить тѣла, силою вѣры отверзая пути сокровенному дѣйствію духа Божія, всѣ уставы и обряды церковные спасительны и полезны, ибо въ нихъ устроены способы внѣшними обращеніями упражнять самыя внѣшнія чувства на вспоможеніе духу, возбуждать сердце трогательностію совершенія служебныхъ обрядовъ, и видимыми образами, описаніями чувственнымъ нѣніемъ невидимыхъ истинъ, сообщать о нихъ разительное понятіе разуму.

И такъ, отверженіе всякой наружности, есть конечно заблужденіе. Но оно должно исправляться просвѣщеніемъ, а не жестокостью; хотя бы то и не въ сотняхъ семействъ. Убѣжденія нужны. Жестокость же не убѣждаетъ; но только раздражаетъ, или принуждаетъ надѣвать личину, которая въ религіи хуже раскола. Лучше при усердномъ намѣреніи угождать Богу, отъ невѣжества заблуждаться въ образѣ поклоненія, нежели играть имъ въ угодность людямъ.

Принявъ все сіе въ уваженіе, безпристрастные, разсудительные, уважающіе человѣчество и знающіе соотношеніе пользъ Государственныхъ, конечно не осудятъ того, что въ случаѣ семъ здѣлалъ я съ моимъ почтеннымъ товарищемъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Въ самый первый день 1802 года возвратился я изъ Харькова въ Москву, присутствовать въ Сенатѣ.

Весною очень заболѣли у меня ноги. Я собирался лечиться; и въ лѣтній мѣсяцъ отдохновенія пользоваться деревенскимъ воздухомъ, прогуливаясь въ прекрасномъ моемъ Англійскомъ саду въ подмосковной; и въ немъ, на Юнговомъ острову,* у памятника Фенелону, герою моему изъ первыхъ между мужами, истинно великими, питать свое сердце, самыми для души цѣлительными чувствами нѣжной любви къ человѣчеству.

Съ большимъ утѣшеніемъ занимался я планомъ этой моей деревенской жизни; но нечаянное призваніе къ новой должности, опечалило было меня препятствомъ ему.

Меня выбрали Совѣстнымъ Судьею въ Москвѣ, въ то время, какъ я не зналъ что и выборъ производится. Я не хотѣлъ принять сей должности, безъ соизволенія Государева, и всегда бы не охотно ее принялъ потому, что не предполагаю я возможности много въ ней успѣть дѣйствительнаго добра здѣлать; однако отказаться нельзя было: но при всемъ

* Рисунокъ этаго острова и памятника Фенелону, приложенъ къ No. 4 Вѣстника Европы въ Февралѣ 1809 года и короткое описаніе ихъ и всего сада моего на стр. 298 сдѣлано издателемъ Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, который отличается рѣдкими дарованіями въ литературѣ и чувствами прекраснаго сердца.

усильномъ требованіи дворянства и настояній Губернскаго Начальства Московскаго, о вступленіи моемъ въ оную должность, не вступилъ я прежде, нежели извѣстна мнѣ будетъ о томъ воля Государева; почему и представлено Ему было о семъ выборѣ отъ тогдашняго Московскаго военнаго Губернатора Фельдмаршала Графа Салтыкова.

Для того не охотно принималъ я должность Совѣстнаго Судьи, что и подлинно въ Судѣ семъ, съ наилучшимъ намѣреніемъ учрежденномъ, но въ правилахъ своихъ требующемъ еще кажется дополненія, не знаю я, что можно по сіе время основательно здѣлать лучшаго, нежели во всякомъ другомъ Судѣ.

Совѣстный Судъ вообще судитъ такъ, какъ и всѣ прочіе по законамъ; и правила его: 1) человѣколюбіе, 2) почтеніе къ особѣ ближняго, яко человѣку, 3) отвращеніе отъ угнетенія человѣчества (Учрежд. о Губерн. ст. 397.) суть тѣже, кои должны быть основаніемъ каждаго суда, и безъ какихъ правосудіе отправляться не можетъ. Уголовныя дѣла судятся въ немъ только почти объ однихъ малолѣтныхъ и по тѣмъ же Указамъ, по которымъ дѣла сіи судились еще до учрежденія Совѣстнаго Суда.

Самый приличный Совѣстному Суду образъ сужденія былъ бы конечно по дѣламъ уголовнымъ, испытывать, такъ сказать въ совѣсти, побужденіяхъ къ преступленіямъ, или входить въ изслѣдованіе самыхъ сокровенныхъ ихъ причинъ, соображать качество и мѣру преступленій съ нравственными качествами каждаго преступника; и съ силою возможности въ немъ удержать, или преодолѣть себя, и потому соразмѣрное опредѣлять каждому въ надлежащей степени наказаніе.

Но сіе не возможно. Не говоря уже о томъ, что не достанетъ человѣческой проницательности на точность таковыхъ испытаній и соображеній, не возможно оное и потому, что и въ законахъ бы требовалось для того различительность и постепенность не естественныя. Не бываетъ конечно двухъ преступленій равныхъ, ежели во всей точности соображать

ихъ съ побужденіями, предметами, обстоятельствами, свойствами и силами преступниковъ.

Отъ сего-то нерѣдко и случается, что два преступника, весьма различествующіе по внутреннему расположенію къ одинаковому по внѣшнему своему виду преступленію, подвергаются равномѣрному наказанію, закономъ, которымъ всѣхъ оныхъ оттѣнковъ различить и степеней опредѣлить не возможно. И оное по внутреннему уравниваетъ уже одинъ Всевидящій, праведный Судія, въ очахъ коего иногда преступникъ, подъ мечемъ лютѣйшей и по суду человѣческому самой справедливой казни, достойнѣе таковаго, коего честности и добродѣтелямъ по заключеніямъ же человѣческимъ сплетаютъ вѣнцы и хвалы поютъ.

Въ дѣлахъ тяжебныхъ рѣшенія Совѣстнаго Суда тогда только дѣйствительны, когда всѣ имѣющіе между собою тяжбу ими довольны; или когда которая нибудь сторона по миролюбію прекратитъ дѣло. Безъ того жѐ тщетенъ весь трудъ Совѣстнаго Суда, и плоды наилучшихъ его рѣшеній бываютъ тѣ, что тяжущіеся безъ отчетно объявятъ на нихъ свое неудовольствіе, и поведутъ свое дѣло надлежащимъ порядкомъ но законамъ, какъ будто въ Совѣстномъ Судѣ оно и не было.

Миролюбивые найдутъ способъ и безъ Суда примириться между собою, или Судомъ посредниковъ, который есть самый естественный и основательный Совѣстный Судъ, когда добрая воля судящихся избираетъ его и повинуется его заключеніямъ.

А охотники до тяжбъ и лицемѣры, иногда съ тѣмъ именно пойдутъ въ Совѣстный Судъ, чтобъ протянуть и больше запутать дѣло, притворяясь при томъ и въ миролюбіи, и зная, что они, когда хотятъ, уничтожить могутъ все производство Совѣстнаго Суда.

Я думаю, что полезно было бы для нѣкотораго удержанія отъ напрасныхъ въ Совѣстномъ Судѣ начинаній дѣлъ, и объявленій неудовольствія на справедливыя рѣшенія его, опредѣлить по крайней мѣрѣ тяжелый штрафъ, который взыскивать съ тѣхъ, кои будучи недовольны рѣшеніемъ Совѣстнаго

Суда, пойдутъ куда по законамъ надлежитъ, и послѣ всѣхъ аппеляцій окончательнымъ рѣшеніемъ обвинены будутъ.

Здѣсь по мнѣнію моему тяжелый штрафъ столько жъ можетъ быть полезенъ, сколько неумѣренный во всѣхъ судныхъ и тяжебныхъ дѣлахъ прочими присутственными мѣстами по обыкновенному теченію производимыхъ, можетъ судящихся иногда подвергать напрасно большимъ убыткамъ, и въ ободреніе неправой стороны устрашать отъ справедливыхъ жалобъ, а Судей угрожать раззореніемъ, и чрезъ то честныхъ принуждать выходить изъ службы, или не входить въ нее—а иныхъ торговаться съ тяжущимися и брать взятки вдвое за то, какъ рѣшить; да на расплату штрафа въ случаѣ, что такое рѣшеніе не утвердится высшимъ мѣстомъ, которое также не безпогрѣшно.

О злоупотребленіи неумѣренныхъ штрафовъ, опредѣленныхъ за неправильныя рѣшенія, и неограниченныхъ законами пѣней произвольно налагаемыхъ— кстати при семъ впишу я голосъ, который подалъ я въ Общемъ Собраніи Московскихъ Сената Департаментовъ по случаю наложеннаго однимъ бывшимъ Начальникомъ въ Москвѣ и ея губерніи взысканія, на присутствующихъ Московскаго Магистрата.

Голосъ сей, по предложеніи Министра Юстиціи, докладомъ соглашавшагося съ нимъ Общаго Собранія, поднесенъ былъ Государю Императору съ тѣмъ, что не благоугодно ли Ему будетъ повелѣть коммиссіи о составленіи законовъ принять сей голосъ мой въ уваженіе, для дальнѣйшихъ постановленій, на который докладъ и послѣдовало Высочайшее соизволеніе Его Величества.*

* Дѣло оное было по долговой претензіи купца Василья Девятаго на Московскомъ мѣщанинѣ Григорьевѣ. А жалоба отъ присутствующихъ магистрата принесена была въ 7-й Департаментъ Сената, въ коемъ произошли разныя мнѣнія и потому дѣло разсматривалось въ Общемъ Собраніи, гдѣ я подалъ оной голосъ. Докладъ же по сему голосу отправленъ былъ 17 Іюля 1807 г., а именное повелѣніе о препровожденіи голоса въ Коммиссію объявлено Общему Собранію 9-го Августа того же года.

Голосъ оной есть слѣдующій:

"1) За нужное считаю возобновить дѣятельнѣйшія мѣры къ воздержанію Начальниковъ Губерній и Губернскія Правленія отъ преступленія предѣловъ власти ихъ и должности, законами опредѣленныхъ, которое преступленіе есть источникъ всѣхъ въ Губерніяхъ неправдъ, безпорядковъ и притѣсненій.

"2) При семъ же долгомъ поставляю, сообразя многіе опыты, сказать, чтобы точностью соблюденія законовъ и самымъ существомъ правосудія требовалось заключить взысканія и наложеніе пеней и штрафовъ, единственно въ тѣхъ случаяхъ и количествахъ, которыя именно и точно опредѣлены законами, строго отвращая опредѣленіе пеней въ количествахъ произвольныхъ, и произвольное также обращеніе взысканій въ штрафахъ на судей и чиновниковъ по такимъ дѣламъ, по коимъ оныя взысканія имянно не повелѣваются законами.

"За упущеніе въ самомъ важномъ уголовномъ дѣлѣ, и можетъ быть иногда умышленное, но со стороны умысла не доказанное, чиновникъ наказывается выговоромъ, строжаѣ нѣкоторымъ вычетомъ изъ жалованья; по крайней уже строгости отрѣшеніемъ отъ мѣста: а за погрѣшность, и часто неумышленную въ производствѣ, сопряженномъ съ интересным искомъ, можетъ вышесказаннымъ взысканіемъ не только самъ подвергнутся нищетѣ, но всего лишиться могутъ такого чиновника дѣти и наслѣдники, которые, по мудрости милосерднаго въ Россіи Законодательства Государскаго, не лишаются имѣнія, и за важнѣйшія Государственныя преступленія отцовъ и родственниковъ.

"Не могутъ въ наказаніи таковыми взысканіями сохраниться и равенство и единообразіе, естественныя правосудію: ибо когда упущеніе неумышленно, то вина его равна какъ въ дѣлѣ о маломъ, такъ и о большомъ искѣ; но въ первомъ, сдѣлавшій такое упущеніе, наказывается почти не чувствительно, особливо при безбѣдномъ состояніи; а въ послѣднемъ, и при самомъ иногда достаткѣ, совершенному раззоренію и съ цѣлымъ семействомъ подвергается.

"Тяжкіе сего рода штрафы, могутъ устрашая добронамѣренныхъ и честныхъ, но не безподверженныхъ конечно ошибкамъ, лишать службу полезнаго ихъ въ ней пребыванія; а злорасположенныхъ и лихоимцовъ побуждать къ большему удовлетворенію корыстолюбія, заставляя ихъ, собираясь на преступленіе беззаконнымъ производствомъ, усугубить оное еще предвареніемъ чрезъ преступленіе же для запасу на то, чѣмъ бы было расплатиться за оное беззаконіе.

"Самымъ тяжкимъ лишеніемъ чести личное наказаніе лица виновнаго, справедливѣе конечно нежели одно денежное наказаніе, но въ такомъ количествѣ, которое вмѣстѣ съ лицомъ симъ повергаетъ въ бѣдствіе и невинныхъ дѣтей и родственниковъ.

"Я думаю, что къ лучшему отправленію суда подѣйствовать можетъ не столько тяжесть денежныхъ штрафовъ, отъ которой коварство лихоимства уклоняться найдетъ способы съ избыткомъ, и самая невинность часто пострадать можетъ, а честность зная свойственную человѣчеству небезпогрѣшность, и благоразумно не надѣясь избѣжать ее, будетъ страшиться службы, и совсѣмъ отъ нея удаляться; не столько говорю, тяжесть оныхъ штрафовъ и взысканій подѣйствовать можетъ къ лучшему и нелицепріятнѣйшему судопроизводству, какъ постепенное по начальству и черезъ разныя учрежденіями установленныя пути, вниманіе на теченіе и производство дѣлъ, для сужденія и строгаго личнаго наказанія за пристрастія судящихъ, и для очищенія службы отъ таковыхъ, кои явнымъ невѣжествомъ, или малодушіемъ, ежели и не пристрастіемъ, вредятъ ей и оскорбляютъ святость суда.

"Напримѣръ: разнообразныя рѣшенія, ежели не всегда означаютъ умышленную неправду, то непремѣнно однакоже обнаруживаютъ, неспособность, или невнимательность, дѣлающія не достойными званія судейскаго. Частое отступленіе отъ своихъ мнѣній и перемѣна ихъ, ежели и не по лицепріимству отъ сребролюбія производятся, то уже конечно или отъ не уваженія правды, или отъ малодушнаго лицепріятія, уступчивости и боязни сильныхъ происходятъ, что

столько же несовмѣстно почтенному характеру судейскому. Желательно, чтобъ на сіе больше обращалось вниманіе, и чтобъ учредились удобнѣйшіе способы къ обнаруженію оныхъ поступковъ заражающихъ судопроизводство."

"Я осмѣлился о семъ распространиться считая долгомъ званія своего, при всѣхъ случаяхъ откровенно и съ полнымъ усердіемъ дѣлать представленія, по мнѣнію моему нужныя къ пользѣ правосудія и служенія Государственнаго. И гдѣ же приличнѣе и полезнѣе могутъ быть такія разсужденія какъ не въ собраніи сего верховнаго Правительствующаго судилища!"

И такъ я ожидалъ соизволенія Государева на выборъ меня въ Москвѣ Совѣстнымъ Судьею, не охотно готовясь вступить въ эту должность, и жалѣя, что она помѣшаетъ мнѣ долѣе прожить въ любезной моей подмосковной.

Но порученіе мнѣ другой должности, столько же нечаянное, отвело меня и на нѣсколько лѣтъ отъ Москвы и на край Россіи. Наканунѣ полученія о выборѣ меня въ Совѣстные Судьи представленія, Государь изволилъ подписать Указъ о предсѣдательствованіи мнѣ въ Коммиссіи учрежденной для разбору споровъ и опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ.

Послѣ имѣлъ я счастіе слышать изъ устъ самаго Государя, что Онъ самъ избралъ меня къ сему порученію, зная, какъ угодно Ему было при томъ сказать, мое безпристрастіе и любовь къ правдѣ и порядку.

И не слыхалъ я даже, что учреждается такая Коммиссія прежде, нежели получилъ Указъ о ея мнѣ порученіи, при которомъ прислано было ко мнѣ начертаніе правилъ ея обнародованныхъ напечатаніемъ на Русскомъ и Татарскомъ языкахъ.

Причиною учрежденія сей Коммиссіи были жалобы Татаръ, подстрекнутыхъ завистью, непріязнью между собою и разными личностями Дворянъ и Чиновниковъ, начиная отъ нисшихъ до самыхъ вышнихъ—такъ что сіе касалось

и до игранія знатнѣйшихъ ролей при Дворѣ. Однимъ словомъ, сія Коммиссія родилась больше отъ споровъ на паркетѣ, по которому охотники ходить всегда тѣснятся и скользятъ, нежели въ обильныхъ долинахъ и великолѣпныхъ горахъ романтической Тавриды. Потому-то при самомъ отправленіи ко мнѣ Указа, ближайшіе по Государственнымъ дѣламъ къ Государю, писали ко мнѣ, что Его Величество изволилъ поручить мнѣ сію Коммиссію зная мое безпристрастіе, опытность и особливо твердость.

Хотя не имѣлъ я никакаго понятія о положеніи Крымскомъ, но тотъ часъ увидѣлъ изъ присланныхъ ко мнѣ правилъ, неудобство исполненія. Не могъ я однако никакихъ сдѣлать о томъ представленій, не изслѣдуя и не удостовѣрясь на мѣстѣ.

Въ концѣ лѣта, пріѣхавши въ Крымъ, открылъ я засѣданіе Коммиссіи, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ собрала во всѣхъ подробностяхъ всѣ нужныя свѣденія; и по соображенію съ мѣстными обстоятельствами, постановя разсужденія о всѣхъ неудобствахъ исполненія, какъ со стороны справедливости, такъ и порядка, просилъ я Государя о дозволеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ для личныхъ объясненій.

Государь очень милостиво соизволилъ на пріѣздъ мой. И такъ я отправился изъ Крыма чрезъ Москву, въ которой просилъ я позволенія для дѣлъ своихъ прожить двѣ или три недѣли, какъ и въ Петербургъ просился на самое короткое время. Но за особыми, кромѣ Коммиссіи отъ Государя порученіями, не успѣвъ до позднихъ чиселъ Февраля выѣхать изъ Крыма, пріѣхалъ я въ Москву уже по начинавшейся портиться дорогѣ, и не могъ въ ней больше пробыть осьми, или десяти дней; а въ Петербургъ, на короткое-то время пріѣхавши въ Мартѣ 1803 года, выѣхалъ изъ него въ Августѣ 1804 года.

Государь изволилъ принять меня съ отличною милостью; скоро по пріѣздѣ имѣлъ я честь у Него обѣдать, и первыя слова Его мнѣ были, что "Онъ съ особливымъ удовольствіемъ всегда дѣлаетъ мнѣ порученія, и съ такимъ же читаетъ всѣ мои бумаги; а Харьковской поѣздки моей не забудетъ никогда."

Представленія мои по Коммиссіи Государь изволилъ одобрить, и найти достойными вниманія; но какъ сіе дѣло Крымское, очень уважаемое Государемъ, трактовано было прежде въ Государственномъ Совѣтѣ, въ коемъ и Коммиссіи основаніе положено, то угодно было Государю, чтобъ и мои представленія разсмотрѣлъ Совѣтъ, при которомъ разсмотрѣніи и я бы всегда въ немъ былъ.

Въ первое о семъ собраніе свое Совѣтъ потребовалъ отъ меня соображенія всѣхъ предметовъ моихъ представленій и мнѣнія, какимъ образомъ удобнѣе все оное исполнить. Сочиненіе сіе о рѣшительномъ жребіи хозяйственнаго состоянія Крымскихъ жителей не малаго конечно мнѣ стоило труда. Замѣчательно, что весь планъ его случилось мнѣ придумать прогуливаясь въ Таврическомъ саду.

Въ туже мою бытность въ Петербургѣ, желая здѣлать оборотъ въ долгахъ моихъ, просилъ я Государя о покупкѣ у меня въ казну деревни, и о пожалованіи мнѣ заимообразно денегъ. Записку о томъ поднесенную Его Величеству помѣщу я здѣсь, какъ такую, въ коей весьма справедливо и откровенно описаны всѣ причины моихъ долговъ и какъ объясняющую самое нравственное мое расположеніе, кстати для сихъ историческихъ моихъ записокъ.

" Дерзая испрашивать Всемилостивѣйшаго вспоможенія въ разстроенномъ состояніи моего имѣнія, нужнымъ считаю коротко разсказать исторію долговъ моихъ, съ простосердечіемъ и откровенностью, которая мнѣ свойственна, особливо предъ Монаршимъ престоломъ.

" Не родился я конечно охотникомъ до денегъ; но всегда ненавидѣлъ мотовство. Нельзя сказать, чтобъ никогда ничѣмъ я не жертвовалъ страстямъ моимъ и слабостямъ; однако жертвы мои имъ, естьли имѣли, то самое малое вліяніе на долги мои. Не только не любилъ я дѣлать пировъ и праздниковъ, и никогда не давалъ ихъ; но можетъ быть слишкомъ всегда былъ противъ ихъ предупрежденъ. Не только не игралъ я никогда въ большія игры; но даже въ такія, какихъ

меньше не играютъ въ знатныхъ бесѣдахъ.; въ самыя малыя играя, не проигрывалъ я конечно никогда нѣсколькихъ рублей безъ сожалѣнія; какъ напротивъ, никогда не подавалъ я бѣдному, безъ нѣкотораго безпокойства о томъ, что не мало ли даю ему. Были обстоятельства, въ которыхъ разумъ мой считалъ должнымъ и силился удерживать мою руку, но ни одного конечно раза не успѣлъ. Простодушно описываю правду.

Съ одной стороны увѣренъ будучи, что частные люди очень могутъ содѣйствовать къ просвѣщенію Государства, и что всѣ попеченія Правительства, смѣю сказать, безъ сего содѣйствія не могутъ совершенно достигнуть въ томъ истиннаго предмета; а съ другой любя, страстно любя, полезное просвѣщеніе и ближнихъ, жертвовалъ я многимъ иждивеніемъ на воспитаніе юношества, въ полезныхъ обществу наукахъ, и на изданіе книгъ, утверждающихъ корень чистой нравственности и добродѣтели. Въ томъ числѣ знатныя суммы употребилъ я не съ намѣреніемъ прибытка; однако не имѣвъ намѣренія, употребить ихъ и безвозвратно. Но, какъ стеченіе разныхъ случаевъ, обстоятельствъ и расположеній человѣческихъ, все оное несчастно представя въ видахъ совсѣмъ превратныхъ, наконецъ разстроило весьма поразительнымъ разрушеніемъ, то я изъ тѣхъ суммъ, которыя возвратить мнѣ слѣдовало, едва ли гривну получилъ за рубль.

“ Всѣ тѣ издержки дѣлалъ я въ долгъ—и въ томъ былъ конечно очень неостороженъ. Но не для того, чтобъ себя оправдывать, а чтобъ искренно сказать только всему прямую и естественную причину, скажу: что неосторожность оная во мнѣ происходила изъ одного источника съ тѣмъ, почему разумъ мой никогда не могъ удержать моей руки, какъ я говорилъ выше.

“ Въ долгъ же все для того, что я жилъ при отцѣ моемъ, который девяносто двухъ лѣтъ скончался въ 1797 году. И хотя онъ былъ самой доброй и благодѣтельный отецъ, и любилъ меня какъ только можно, однако, смотря на вещи по заключеніямъ своего времени, не только избыточнаго

но и многаго необходимо нужнаго не давалъ на самое содержаніе: не отъ скупости, или нелюбви къ дѣтямъ, но точно, по смерть свою не вѣря, чтобъ рубля стоило то, за что въ новыя времена надобно было платить десять: особливо такъ думалъ онъ въ послѣднія одиннадцать лѣтъ его жизни, въ которыя онъ лишась зрѣнія, не выходилъ изъ комнаты и крайнѣ ослабѣвалъ въ тѣлѣ; но память имѣя здравую до послѣднихъ часовъ жизни, самъ управлялъ и распоряжалъ имѣніемъ, не позволяя мнѣ съ братомъ никакъ въ томъ участвовать. Мы хранили покой его и нисколько не нарушали его волю; даже необходимыя по пристойности времени для содержанія дому его издержки, должно было дѣлать скрывая отъ него, и въ долгъ. Очень дорого мнѣ иногда стоило не допустить до него о долгахъ моихъ. Онъ былъ столь хорошаго расположенія, что мнѣ бы конечно простилъ и ничего бы не лишилъ меня; но для себя бы огорчился несносно.

"Между тѣмъ корыстолюбіе, съ которымъ я принужденъ былъ имѣть дѣло, и повиноваться ненасытнымъ его требованіямъ, всѣми возможными ему способами пользовалось моими обстоятельствами; и какъ же надобно было возрастать долгамъ моимъ при такихъ трудныхъ оборотахъ и нѣкоторыхъ отмѣнно критическихъ положеніяхъ, чрезъ многіе годы!

"Наконецъ, не смотря на все, не только не хотѣлъ я отослать моихъ кредиторовъ къ платежу, въ бывшій вспомогательный банкъ, но получая билетами его платежъ отъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ тѣхъ, которые по нѣскольку лѣтъ должны были отцу моему, съ заплатою пяти указныхъ процентовъ, коихъ больше не бралъ онъ никогда, что также смѣю примѣтить не очень обыкновенно: получая тѣ билеты, промѣнивалъ я ихъ, и большія суммы на ассигнаціи, для заплаты своимъ кредиторамъ, которыхъ бы безъ того ввелъ я конечно въ убытокъ, какъ и собою тутъ испыталъ; ибо я промѣнивалъ или прибавлялъ, платя по десяти и по одинад-

цати на сто. Лучше хотѣлъ я самъ понести убытокъ и раззорительной нежели не сохранить моихъ обязательствъ другимъ.

" Все сначала мною здѣсь сказанное, извѣстно большей части безпристрастной публики обоихъ столицъ.

" Въ концѣ 1796 и въ началѣ 1797 годовъ имѣлъ я вѣрныя случаи нѣсколькими словами освободиться отъ моихъ долговъ, сохранивъ все имѣніе мое. Но хотя я думаю, что помощь отъ щедротъ Царскихъ, есть самая справедливая; однако не могъ я воспользоваться тѣми случаями по нѣкоторой непобѣдимой стыдливости въ нравѣ моемъ, говорить о себѣ и просить. А притомъ, хотя имѣлъ я честь отмѣнно лестно быть призванъ и принятъ; но я никогда не могъ легко и вообразить себѣ возможность просить даровъ и наградъ безъ заслугъ. Дѣла же мои между тѣмъ день отъ дня больше разстроивались.

" И теперь, при всемъ неописанномъ моемъ увѣреніи на самую Благость Царствующую въ Россіи—посадившій Ея на престолъ, видитъ съ какою прискорбностью прошу я о себѣ; и что ни слова бы не сказалъ я, естьлибы не крайность заставила. Прибѣгаю къ средству сему, чтобъ сохранить мою честь, которою дорожу я въ видахъ любви къ правдѣ и человѣчеству; чтобъ успокоить жизнь мою, которую право я всегда провождалъ и расположенъ провождать или въ горячей любви къ Престолу и Отечеству, или въ усердной имъ службѣ; и чтобъ особливо сберечь какой нибудь кусокъ для моего брата, который не только не дѣлился со мною; но въ единственный можетъ быть примѣръ дружбы и добродѣтели, всею своею частью знатнаго имѣнія безропотно жертвовалъ мнѣ на помощь.

" Крайность исторгла изъ меня и то изъясненіе о состояніи дѣлъ моихъ, которое осмѣлился написать къ Государю Императору въ моей всеподданнѣйшей просьбѣ изъ Тавриды о позволеніи пріѣхать сюда для представленій, и прожить нѣсколько дней на дорогѣ въ Москвѣ. Довѣренность къ

великой и щедрой душѣ Его водила моею рукою; и по истинѣ Ему первому, во всю мою жизнь, говорилъ я о себѣ съ такою откровенностью.

"И по всему тому приступая нынѣ къ просьбѣ, въ полной же откровенности скажу, что Всемилостивѣйшее ей вниманіе будетъ Государская милость для меня великая; но дѣло щедроты Его тутъ будетъ справедливое. Я не прошу чрезвычайнаго; не прошу такаго, чего бы и безъ отличнаго благоволенія не получали служившіе не больше меня, не лучше—и ужъ конечно не усерднѣе, ибо въ семъ не уступлю я никому."

"Я прошу; чтобъ повелѣно было купить въ казну деревню, которую имѣю я въ Калужской губерніи и проч. и чтобъ мнѣ пожаловать изъ кабинета въ займы 50 т. руб. и проч."

"Впрочемъ, предаюсь благоутробной волѣ Государя Императора; и повергаясь къ священнымъ стопамъ Монаршимъ, сердечною любовію, лобызая руку Александра Всемилостивѣйшаго скажу, дѣло вѣрнаго подданнаго и сына Отечества, по возможности всѣми силами служить Государю и Отечеству: а Государю Отцу Отечества единственно принадлежитъ мудростью цѣнить заслуги и способности; благостью же щедроты своей опредѣлять милости."

Подалъ сію записку принялъ на себя Графъ В. П. Кочубей, сей благоразумный, добронамѣренный, трудолюбивый министръ, которому останусь я навсегда благодарнымъ, за его обязательное ко мнѣ расположеніе.

Государь изволилъ отозваться, что Онъ охотно благоволилъ бы исполнить мою просьбу — но что Онъ деревень въ этотъ годъ ни у кого не покупаетъ—что денегъ въ кабинетѣ нѣтъ:" но что давно угодно Ему оказать мнѣ милость пожалованіемъ хорошей аренды,—которую и пожаловалъ.

Подалъ я въ Государственномъ Совѣтѣ требованное имъ отъ меня мнѣніе о Крымскихъ дѣлахъ; и послѣ того мѣсяца три былъ я всякое собраніе въ Присутствіи Совѣта. Много разсуждали, толковали, спорили, часто ничего не дѣлали—наконецъ

рѣшили. Большинство голосовъ было согласно съ моимъ мнѣніемъ, а три голоса были противъ. Государь изволилъ утвердить большинство голосовъ. Но когда поднесены Ему были для подписанія, заготовленныя потому, бумаги, то Онъ не подписавъ ихъ, оставилъ всѣ у Себя.

Государь разсудилъ особливо за неудобное то, что Совѣтъ полагалъ мнѣ оставаться только Директоромъ Коммиссіи, и присуствуя въ Сенатѣ ѣздить въ Крымъ, когда я заблагоразсужу, или когда надобность того потребуетъ. Мысль Государева о семъ была такая, что въ учрежденіи Имъ Коммиссіи, много участвовала милостивая Его довѣренность лично ко мнѣ: но что ежели я не буду всегда тамъ на мѣстѣ, то Онъ не надѣется успѣховъ. И еще не могъ Государь никакъ согласиться на установленіе апелляціи на Коммиссію, о которой я представлялъ и сильно настаивалъ, говоря между прочимъ слѣдующее:

"Хотя за особливую честь себѣ поставляю ту высокую довѣренность, коею опредѣленъ я предсѣдательствующимъ въ такой рѣшительной Коммиссіи, которая есть конечно одно судилище не имѣющее въ учрежденіи на себя апелляціи; однако, по открывшимся на мѣстѣ причинамъ и по изъясненнымъ мною правиламъ пользы и правосудія, долгомъ любви къ правдѣ и благоустройству считаю представить, что нужно, справедливо и съ общимъ порядкомъ сходно; учредить на Коммиссію апелляцію въ Правительствующій Сенатъ."

"Впрочемъ и безъ того по долгу правосудія надобно же будетъ разсматривать жалобы на Коммиссію коихъ нельзя чтобъ послѣ не было, или отъ естественнаго многимъ ослѣпленія въ правахъ своей собственности; или подлинно на погрѣшности разбора, каковымъ въ дѣлахъ подобныхъ, я первый не имѣю самолюбія считать себя не подверженнымъ. Надобно же будетъ принимать и разсматривать жалобы на Коммиссію; но безъ учрежденнаго порядка апелляціи, то будетъ смутно, для вышняго Правительства затруднительно; а для приносящихъ жалобы не только не удовольственно, не надежно, но даже возмутительно быть можетъ, особливо для невѣжества и возженныхъ притязаній Татарскихъ."

Учрежденіе въ концѣ прошлаго 1808 года Комитета для разсмотрѣнія рѣшеній Коммиссіи, въ слѣдствіе разныхъ изъ Крыма жалобъ, оправдало оное еще въ 1803 году настоятельное представленіе мое о учрежденіи апелляціи надлежащимъ порядкомъ.

Послѣ вышесказанной мною остановки дѣла, для котораго пріѣхалъ я въ Петербургъ, еще мѣсяца три или болѣе не зналъ я, да и нѣкоторые изъ самыхъ ближнихъ къ Государю ничего же не знали, о его участи.

Многіе не зная этаго, а иные изъ такихъ, кои могли бы очень знать и знали, толковали однакожъ, что я по своей охотѣ живу въ Петербургѣ, и чего-то добиваюсь. Много поводу къ сему подалъ за долго до того разнесшійся слухъ, что я буду Министромъ Юстиціи. Откуда онъ произошелъ, я и по сіе время не знаю; только онъ родился въ Петербургѣ, и такъ распространился въ немъ, какъ бы и въ старой вѣщательницѣ Москвѣ. Но я никогдабъ и не пожелалъ быть онымъ Министромъ; для того, что по мнѣнію моему ничьихъ глазъ и ушей не достанетъ всего того только прочитать и выслушать, что необходимо надобно въ семъ званіи, для истиннаго исполненія своей должности и для дѣйствительной пользы: не говоря о тѣхъ особливыхъ знаніяхъ и опытности въ разныхъ родахъ дѣлъ, которыя нужны Министру Юстиціи.

Слуху оному вѣрили нѣкоторые знатные и весьма чиновные; и для смѣху скажу что онъ меня дарилъ иногда отмѣнными и очень примѣтными ласками отъ иныхъ изъ самыхъ такихъ господъ. Однако слухъ сей, и разные умножившіеся при немъ обо мнѣ толки, сдѣлали, думаю то, что и мнѣ тогда поскользче прежняго на паркетѣ стало; хотя я и никогда очень твердою ногою на немъ не стоялъ. По крайней мѣрѣ такъ мнѣ казалось изъ обхожденія со мною тѣхъ, кои глядя на людей, составляютъ лица свои по справкамъ о фортунѣ ихъ при дворѣ.

Но я былъ при томъ очень равнодушенъ, какъ и во всѣхъ

подобныхъ случаяхъ, распространяя на все ихъ смыслъ стиха:

Le crime fait la honte et non pas l'échafaud.*

И такъ послѣ неизвѣстности, нѣсколько мѣсяцевъ продолжавшейся о участи рѣшеннаго въ Совѣтѣ Крымскаго дѣла, и въ концѣ уже Февраля 1804 года, вдругъ объявляются мнѣ отъ Государя чрезъ Министерство многіе пункты въ опровержение моихъ представленій и согласія Совѣтнаго, содержащіе въ себѣ новое положеніе; и на все оное требуется мое мнѣніе. Вникнувъ прилежно въ предложенное мнѣ, отвѣчалъ я, что все зависитъ отъ воли Государя; но когда Ему угодно знать мое мнѣніе, то не могу я чистосердечно сказать иначе, что все оное не удобно, ибо прямою пользою мѣстною, въ соображеніи ея съ общею Государственною, не согласно—и на все подалъ возраженіе на бумагѣ.

Тогда то больше, нежели когда нибудь, заключили обо мнѣ, что я спорщикъ и упрямщикъ: и между чиновниками Министерства при всей ласковости обхожденія со мною, заочно говорили: "что дѣлать съ нашимъ спорщикомъ Мартинистомъ? Противъ всего споритъ." Надобно примѣтить, что на ихъ языкѣ Мартинистомъ называется тотъ, кто вѣритъ Христу и Евангелію; а спорщикомъ кто не соглашается на все изъ угожденія двору и имъ не притакиваетъ.

Нѣкоторые осуждали меня за то, что я представляю, и столько настоятельно противъ того, что уже Государемъ учреждено и обнародовано. Иные хвалили мою смѣлость и твердость. Были и такіе, которые сравнивали меня съ Княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ. Но я ничего не находилъ въ поступкѣ своемъ кромѣ долга.

Я думаю, что не представлять Государю о правдѣ и о томъ, чего требуетъ общее Государства благо, есть похищеніе истинной славы Государевой и собственности общаго и частнаго благосостоянія: татьба, важнѣйшая многихъ родовъ ея, съ крайнимъ безчестьемъ строго по законамъ наказуемыхъ.

* Не казнь приноситъ стыдъ, а преступленье.

Впрочемъ, для меня сдѣлать неправду въ судѣ и не спорить, или не представлять противъ того, что мнѣ кажется вредно и несправедливо, есть тоже, что нѣкоторымъ иныя кушанья, которыхъ желудокъ ихъ никакъ не варитъ, и которыхъ оии въ ротъ взять не могутъ. Это во мнѣ какъ бы сказать природный вкусъ, а не добродѣтель, которая должна быть дѣйствіе побѣды надъ собою. Это столькожъ мнѣ славно, какъ одному черные, а другому русые волосы.

Кстати о Князѣ Яковѣ Ѳедоровичѣ Долгорукомъ, и о смѣлости и твердости патріотической.

Не хочу я конечно снять ни одного изъ неувядаемыхъ цвѣтовъ, покрывающихъ почтенной прахъ сего знаменитаго мужа: но скажу откровенно, что разодраніе имъ Указа Государева и удержаніе утвержденнаго самимъ же Государемъ опредѣленія Сенатского, которое Долгоруковъ, не подписавъ, запечаталъ съ заготовленными о исполненіи его Указами; не почитаю я столь великими дѣлами твердости и смѣлости, какими ихъ привыкли прославлять.

Что разодралъ князь Яковъ Ѳедоровичь, это конечо не есть поступокъ великодушія, а запальчивости нрава—и въ такой степени, въ коей себя и преодолѣвать не естественно. Слѣдственно такія дѣла и нехотя дѣлаются. Расположеніе же сіе нрава конечно поощрялось и образомъ тогдашняго обхожденія и нравомъ самаго Петра Великаго, который ближнимъ позволялъ обходиться съ Нимъ просто и свободно иногда до крайности; а князя Якова Ѳедоровича онъ не только называлъ дядею — да и подлинно весьма близкимъ считалъ къ себѣ, уважая его и по лѣтамъ, которыми онъ много старѣе былъ Государя.

Но какое же притомъ было слѣдствіе оныхъ поступковъ Долгорукова? Не исполнить по волѣ Государевой для того чтобъ замѣнить это тѣмъ, что еще гораздо угоднѣе и пріятнѣе ей будетъ. Надобенъ былъ Государю хлѣбъ; Долгоруковъ, противясь средству къ тому назначенному, представляетъ другое, которое еще удобнѣе и столькожъ скоро исполниться

подобныхъ случаяхъ, распространяя на все ихъ смыслъ стиха:

Le crime fait la honte et non pas l'échafaud.*

И такъ послѣ неизвѣстности, нѣсколько мѣсяцевъ продолжавшейся о участи рѣшеннаго въ Совѣтѣ Крымскаго дѣла, и въ концѣ уже Февраля 1804 года, вдругъ объявляются мнѣ отъ Государя чрезъ Министерство многіе пункты въ опровержение моихъ представлений и согласія Совѣтнаго, содержащіе въ себѣ новое положеніе; и на все оное требуется мое мнѣніе. Вникнувъ прилежно въ предложенное мнѣ, отвѣчалъ я, что все зависитъ отъ воли Государя; но когда Ему угодно знать мое мнѣніе, то не могу я чистосердечно сказать иначе, что все оное не удобно, ибо прямою пользою мѣстною, въ соображеніи ея съ общею Государственною, не согласно—и на все подалъ возраженіе на бумагѣ.

Тогда то больше, нежели когда нибудь, заключили обо мнѣ, что я спорщикъ и упрямщикъ: и между чиновниками Министерства при всей ласковости обхожденія со мною, заочно говорили: "что дѣлать съ нашимъ спорщикомъ Мартинистомъ? Противъ всего споритъ." Надобно примѣтить, что на ихъ языкѣ Мартинистомъ называется тотъ, кто вѣритъ Христу и Евангелію; а спорщикомъ кто не соглашается на все изъ угожденія двору и имъ не притакиваетъ.

Нѣкоторые осуждали меня за то, что я представляю, и столько настоятельно противъ того, что уже Государемъ учреждено и обнародовано. Иные хвалили мою смѣлость и твердость. Были и такіе, которые сравнивали меня съ Княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ. Но я ничего не находилъ въ поступкѣ своемъ кромѣ долга.

Я думаю, что не представлять Государю о правдѣ и о томъ, чего требуетъ общее Государства благо, есть похищеніе истинной славы Государевой и собственности общаго и частнаго благосостоянія: татьба, важнѣйшая многихъ родовъ ея, съ крайнимъ бесчестьемъ строго по законамъ наказуемыхъ.

* Не казнь приноситъ стыдъ, а преступленье.

Впрочемъ, для меня сдѣлать неправду въ судѣ и не спорить, или не представлять противъ того, что мнѣ кажется вредно и несправедливо, есть тоже, что нѣкоторымъ иныя кушанья, которыхъ желудокъ ихъ никакъ не варитъ, и которыхъ они въ ротъ взять не могутъ. Это во мнѣ какъ бы сказать природный вкусъ, а не добродѣтель, которая должна быть дѣйствіе побѣды надъ собою. Это столькожъ мнѣ славно, какъ одному черные, а другому русые волосы.

Кстати о Князѣ Яковѣ Ѳедоровичѣ Долгорукомъ, и о смѣлости и твердости патріотической.

Не хочу я конечно снять ни одного изъ неувядаемыхъ цвѣтовъ, покрывающихъ почтенной прахъ сего знаменитаго мужа: но скажу откровенно, что разодраніе имъ Указа Государева и удержаніе утвержденнаго самимъ же Государемъ опредѣленія Сенатского, которое Долгоруковъ, не подписавъ, запечаталъ съ заготовленными о исполненіи его Указами; не почитаю я столь великими дѣлами твердости и смѣлости, какими ихъ привыкли прославлять.

Что разодралъ князь Яковъ Ѳедоровичъ, это конечо не есть поступокъ великодушія, а запальчивости нрава—и въ такой степени, въ коей себя и преодолѣвать не естественно. Слѣдственно такія дѣла и нехотя дѣлаются. Расположеніе же сіе нрава конечно поощрялось и образомъ тогдашняго обхожденія и нравомъ самаго Петра Великаго, который ближнимъ позволялъ обходиться съ Нимъ просто и свободно иногда до крайности; а князя Якова Ѳедоровича онъ не только называлъ дядею — да и подлинно весьма близкимъ считалъ къ себѣ, уважая его и по лѣтамъ, которыми онъ много старѣе былъ Государя.

Но какое же притомъ было слѣдствіе оныхъ поступковъ Долгорукова? Не исполнить по волѣ Государевой для того чтобъ замѣнить это тѣмъ, что еще гораздо угоднѣе и пріятнѣе ей будетъ. Надобенъ былъ Государю хлѣбъ; Долгоруковъ, противясь средству къ тому назначенному, представляетъ другое, которое еще удобнѣе и столькожъ скоро исполняться

можетъ. Надобны были работники; Долгоруковъ, оспаривая сдѣланное о томъ распоряженіе, находитъ способъ имѣть тѣхъ же работниковъ, и много выгоднѣе.

Это похоже на то, какъ бы на примѣръ: пріятель мой имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, писалъ при мнѣ къ деревенскому своему Управителю чтобъ въ самую трудную пору и прежде времени собрать въ оброкъ десять тысячь; а я бы вырвалъ у него письмо, изодралъ, и сказалъ ему: "что ты дѣлаешь? Вѣдь ты крестьянъ-то раззоришь! Вотъ тебѣ пятнадцать, возьми у меня; они теперь мнѣ не надобны, а послѣ мнѣ заплатишь." Можетъ быть въ первомъ движеніи пріятель, особливо нравомъ горячій, на меня и разсердился бы; но конечно скоро бы поблагодарилъ еще больше.

Смѣлость и твердость патріотическая, истинно являются въ такихъ представленіяхъ, коими заставляешь того, кому представленія сіи дѣлаются, оставлять любимыя его предпріятія — предпріятія, такъ сказать, страстей его и прихотей, безъ всякой имъ замѣны — совершенно обнаруживая ихъ вредность; или въ замѣчаніяхъ о безвозвратномъ сдѣланіи неправды, или погрѣшности политической. Однимъ словомъ, такія представленія, которыя въ корнѣ трогаютъ самолюбіе, того кому представляется: — и чѣмъ далѣе отъ Престола представляющій, тѣмъ почтеннѣе его представленія: — чѣмъ большей онъ при томъ опасности подвергаетъ себя, тѣмъ онъ истиннѣе Патріотъ-Герой.

Наконецъ совсѣмъ рѣшилось дѣло по моимъ представленіямъ о Крымскихъ земляхъ. Издано дополненіе къ начертанію правилъ Коммиссіи, во многомъ основанное на моемъ мнѣніи; а порядокъ производства дѣлъ и весь мой принятъ. Главная цѣль представленій моихъ исполнена утвержденіемъ для тамошнихъ помѣщиковъ права собственности, которое рѣшеніями по прежнимъ правиламъ совершенно бы поколебалось.

Весьма желательно, чтобъ все по оному дополненію приведено было скорѣе къ концу съ точнымъ наблюденіемъ

справедливости, и должнаго удовлетворенія Татарамъ и помѣщикамъ.

Знаю, что меня укоряли въ медленности дѣйствій Коммиссіи—не безъ основанія, думаю, что сіе внушено было самому Государю. Были такія вѣтреницы, и въ знатныхъ постахъ, которыя даже въ письмахъ своихъ увѣряли, что я продолжаю Коммиссію для того, что мнѣ выгодно жить въ Крыму и пріятно въ немъ властвовать; и сіе писали въ самое то время, когда я, по самой убѣдительной моей просьбѣ къ Государю о увольненіи меня отъ Крымской Коммиссіи, получилъ уже предварительное извѣстіе о Его на то соизволеніи. И такъ считали, что отъ меня медленно идетъ дѣло Коммиссіи : но я уже скоро четыре года, какъ оставилъ ее, а она еще кажется очень не близка къ своему окончанію; не говоря о томъ, что еще только что учредился Комитетъ о пересмотрѣ ея рѣшеній, коихъ неприкосновенность и ненадобность подвергать аппелляціи, такъ жарко защищали при настояніяхъ моего мнимаго упрямства и споролюбія.

Когда при отъѣздѣ изъ Петербурга откланивался я Государю, то Онъ очень милостиво изволилъ обойтиться со мною; приказалъ мнѣ обѣдать за Его столомъ, и послѣ обѣда, увѣря меня въ счастливой для меня надеждѣ Его Величества на мое усердіе, искуство, какъ изволилъ говорить, и любовь къ справедливости, сказалъ, что наконецъ Онъ видитъ, что нельзя такъ скоро кончить дѣлъ Коммиссіи, и съ отмѣнною милостью обнявъ меня, отпустить изволилъ.

Проживши нѣсколько времени въ Москвѣ по Высочайшему дозволенію, возвратился я въ Крымъ, въ концѣ 1804 года, и приступилъ къ распоряженію производствъ Коммиссіи, по изданному вновь дополненію къ ея правиламъ. Тяжбы еще не рѣшились; ибо предварительно надобно было дѣлать вызовы тяжущимся, и выжидать сроки на явку ихъ и документовъ. И я, ежели никакимъ рѣшеніемъ не одолжилъ никого, то ни однимъ же никого и не обидѣлъ; а Государ-

ственный интересъ сохранилъ самой важной—справедивость и порядокъ.

Между тѣмъ не могъ я никакъ по домашнимъ обстоятельствамъ моимъ оставаться въ Крыму, въ которой этотъ разъ и ѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ побывъ тамъ нѣсколько времени для исполненія воли Государевой, непремѣнно просить увольненія отъ Коммиссіи; и чрезъ три мѣсяца послѣ пріѣзда моего въ Крымъ, послалъ я о томъ въ собственныя руки прямо къ Государю письмо. Ни одинъ человѣкъ въ Крыму не зналъ, что я прошусь изъ него.

Я просилъ Государя наиубѣдительнѣйшимъ образомъ. Писалъ къ Нему:

"Воля Вашего Императорскаго Величества для меня священна. Но на колѣнахъ предъ Вами признаюсь Государь, что оставаться здѣсь было бы для меня тяжкое несеніе долга; а не то радостное исполненіе, съ какимъ я стремился всегда исполнять всякую волю моего Государя, и особливо Александра, великаго благостью, восхищающаго меня и тѣмъ мудрымъ правленіемъ, предъ которымъ я благоговѣю, и которое насаждаетъ блаженство въ моемъ Отечествѣ.

"Дѣла Коммиссіи здѣшней нѣсколько лѣтъ должны производиться непремѣнно, какъ я неоднократно доносилъ Вашему Императорскому Величеству по справедливости, которую говорить предъ Монаршимъ Престоломъ считаю я обязанностью первою въ служеніи Ему. Но самое нужное и главное сдѣлано. Правила учреждены : и я имѣлъ счастіе и смѣлость представить Вашему Императорскому Величеству надобность того преобразованія оныхъ, которое требовалось пользою края, пользою общею Государства—и честію имени Вашего. Впрочемъ, Государь, готовъ я всю жизнь мою истощить на службу Вашего Императорскаго Величества, но отсюда всеподданнѣйше прошу увольненія и проч."

Отправя свою просьбу, ѣздилъ я для нѣкоторыхъ обозрѣній по нагорной сторонѣ Крыма, и наслаждался зрѣлищемъ сего

неописаннаго собранія многихъ тысячь величественныхъ, прелестныхъ, ужасныхъ и восхитительныхъ картинъ, представляющихся во всей изящности разнообразія натуры.

На страстной недѣлѣ говѣлъ я и причащался въ Егорьевскомъ Монастырѣ, котораго мѣсто есть самая скрытая, страшными, романтическими скалами пустыня, на великолѣпнѣйшемъ берегу Чернаго Моря. Въ сіи истинно мирные дни моей жизни составилъ я книжку, напечатанную подъ именемъ: "*Отрывки для Чтенія Вѣрующимъ,*" которую посвятилъ другу моему Архіерею Черниговскому Михаилу.

Послѣ сладостныхъ сихъ дней, послѣдовали горькія предчувствія печали, коею поразило меня скоро полученное извѣстіе о смерти родного моего брата и друга ближайшаго. Онъ былъ образецъ честности и любви братской. Во всю жизнь нашу не выходили мы за порогъ въ досадѣ другъ на друга.

Долго не получалъ я никакаго отвѣта на мою просьбу. Мѣсяца чрезъ два получилъ отъ Графа Кочубея письмо, коимъ онъ меня увѣдомилъ, что Государь соизволяетъ на мое увольненіе; но воля Его есть, чтобъ я оставался въ Крыму до назначенія мнѣ преемника, коего выборомъ Его Величество затрудняется.

Потомъ еще мѣсяца черезъ два обрадованъ я былъ полученіемъ слѣдующаго рескрипта:

"Иванъ Володимировичь. Получивъ въ свое время прошеніе Ваше объ увольненіи васъ отъ пресѣдательства въ коммиссіи о разборѣ Крымскихъ Земель, Указомъ, вмѣстѣ съ симъ Правительствующему Сенату даннымъ, повелѣлъ Я васъ отъ сей должности уволить, предоставляя Вамъ присутствовать по прежнему въ Правительствующемъ Сенатѣ.

"Удовлетворяя симъ желанію Вашему, я считаю справедливымъ поблагодарить Васъ за Ваши труды и изъявить мое Вамъ сожалѣніе, что далѣе не могли ихъ продолжать. Пребываю Вамъ благосклонный.

[На подлинномъ] "Александръ.

"Въ С.-Петербургѣ, Іюля 11 дня 1806 г."

Въ послѣднихъ словахъ сего рескрипта, хотя и очень милостивыхъ, примѣтилъ я однако неудовольствіе Государя на то, что я просилъ увольненія отъ Коммиссіи. Примѣчаніе мое и подтвердилось послѣ; но я спокоенъ былъ для того, что просился не по недостатку усердія, а по совершенной невозможности долѣе оставаться въ Крыму, гдѣ и необходимости въ пребываніи моемъ для истинной пользы не было. О семъ при нѣкоторомъ случаѣ откровенно изъяснился я и Государю.

О выѣздѣ моемъ изъ Крыму, жалѣлъ тамошній народъ, который очень полюбилъ меня. Это тѣмъ замѣчательнѣе, а для меня лестнѣе, что я долженъ былъ быть противъ его, защищая по справедливости права Дворянъ и новыхъ помѣщиковъ, которые, какъ я слышалъ, не столько однако меня любятъ.

Но тамошніе жители почти вообще конечно довольны мною. Недовольны были только тогдашніе Начальники губерніи, потому, что пребываніе мое тамъ немножко ихъ ограничивало, и особливо досадовали они на меня за то, что я вступился за нѣкоторыхъ бѣдняковъ, у которыхъ вымучили напрасное признаніе въ покражѣ казенныхъ червонцевъ, и оговоръ въ отдачѣ ихъ будто одному честному и достаточному мурзѣ, коего также безъ всякаго основанія обыскивали, держали въ самой тѣсной тюрьмѣ, срамили, водя по городу какъ важнаго преступника.

По званію Сенатора принявъ отъ всѣхъ ихъ жалобы, обратилъ я вниманіе Суда на сдѣланныя невиннымъ истязанія, которыя изслѣдованіемъ и обличены. Между тѣмъ я представилъ Сенату и дѣло вошло въ него.

При слушаніи сего дѣла присутствовалъ уже я, возвратясь въ Москву, опять въ 6мъ Департаментѣ. Я далъ голосъ о защитѣ и воздаяніи невинности и поступленіи по строгости законовъ съ тѣми, кои гоня ее, столь много ихъ нарушили. Нѣкоторые согласились со мною: а иные съ военнымъ Губернаторомъ, управляющимъ тамъ гражданскою частію, который въ своемъ представленіи всячески старался навлекать

подозрѣніе на невиннаго Джантемиръ-Мурзу, и обвинять всклепавшихъ на себя отъ пытки. Пошло дѣло въ Общее Собраніе. Лишь только въ него оно вступило—получается рапортъ, что подлинные воры найдены; а всѣ оные мученики Таврическаго Начальства нисколько виноваты не были.

Въ Общемъ Собраніи оставалось мнѣ только удержать свой прежній голосъ. Съ нимъ, тѣми или другими словами, согласилися въ Общемъ Собраніи всѣ: только я слышалъ, что смѣялись нѣкоторые тому, что я, на высланной мною изъ дѣла запискѣ (ибо въ тотъ день я въ присутствіи не былъ), написалъ: "Радуюсь, что наконецъ столь торжественно оправдалась невинность, которую имѣлъ я счастливый случай защищать,—остается мнѣ только сослаться на прежній мой голосъ въ Департаментѣ данный и проч." Смѣхъ надъ тѣми словами означаетъ немилость ко мнѣ товарищей, которую также я не заслужилъ, какъ Джантемиръ-Мурза не заслуживалъ тюрьмы — а естьли смѣялись не безграмотные, — то жаль ихъ.

Еще вотъ что странно. Оправданіе мертваго Каласа читаютъ съ восторгами—а что свои безнокровные бѣдняки, живые сидѣли въ тюрьмахъ безвинно и пытаны—это дѣло кажется очень не важнымъ; и сдѣлается по немъ что нибудь развѣ, потому, что уже нельзя иначе, или когда нѣтъ никакой подпоры тѣмъ, которые тѣснили и пытали!

Неужели отъ того, что тамъ Вольтеръ, Каласъ и Франція— а здѣсь Джантемиръ-Мурза, поселяне Мухинъ съ Гласовымъ и Русская Таврида?

Впрочемъ я удивляюсь, какъ можно защиту невинности— и великимъ дѣломъ почитать. Это дѣло должно быть самое натуральное. Не защитить невинность, когда можно, есть адская холодность, хуже злодѣйства, имѣющаго какое нибудь побужденіе.

Въ Сентябрѣ 1805 года возвратясь въ Москву, началъ я присутствовать по прежнему въ V Департаментѣ Сената, который тогда уже былъ переименованъ VI Уголовнымъ.

Но въ Департаментѣ семъ нашелъ я уже не попрежнему; въ строгое, какъ говорятъ, время Павла I, и въ первый годъ царствованія благодѣтельнѣйшаго изъ Монарховъ Александра, въ которомъ отлучился я изъ присутствія сего Департамента, старались общими силами сколь можно облегчать несчастную судьбу судимыхъ; но тогда уже напротивъ, стремились осуждать сколь можно строже, и не только ни мало не принимали на себя труда сыскивать въ законахъ и обстоятельствахъ дѣлъ способы къ пощадѣ человѣчества; но не уважали ихъ и тамъ, гдѣ они сами собою представлялись зрѣнію и разсудку.

Напримѣръ—были споры о томъ, чтобъ не недѣлю а мѣсяцъ продержать въ Смирительномъ Домѣ. Основаніе такого спора столько же трудно доказывать, сколько излишне распространяться о его неосновательности.

Были голоса, чтобъ сѣчь по жребію десятаго. Хотя и прежде подобныя рѣшенія случались; но надобно конечно признаться, что напрасно и придумывать искать тому причинъ въ законной, или въ естественной справедливости.

Было дѣло, что Уѣздный Судъ по догадкамъ заключилъ нѣсколько человѣкъ наказать нещадно кнутомъ и со всѣми обыкновенными знаками вмѣсто смертной казни, сослать на каторгу. Палата ревизуя нашла, что по законамъ никакъ нельзя приговорить къ такой казни, ибо судимые не признались, и нѣтъ противъ ихъ такихъ доказательствъ, которыя бы исключили всю возможность къ ихъ невинности (да и едва ли можно когда рѣшиться, не опасаясь ошибки, утверждать такія доказательства по одному изслѣдованію обстоятельствъ, ежели строго соображаться при томъ съ совѣстью и съ правилами основательнаго разсужденія!) Но чтобъ не поощрять къ непризнательности, Палата полагала сослать тѣхъ людей по крайней мѣрѣ на поселеніе; но и того, говорила она, по законамъ сдѣлать не можно, ибо они въ повальномъ обыску не опорочены; а съ мнѣніемъ своимъ о томъ, съ коимъ согласился и Губернаторъ, представила Сенату.

Что-жъ Сенатъ сдѣлалъ? Большая часть утвердили заключеніе Уѣзднаго Суда. Я съ своей стороны далъ голосъ, что не слѣдуетъ и разсматривать такаго дѣла, по коему и приговора законнаго не сдѣлано, и что его должно возвратить въ Палату съ выговоромъ ей и Губернатору; ибо спрашиваться дозволяется о томъ только, на что нѣтъ законовъ, а на всѣ уголовныя и сему подобныя дѣла, законы весьма ясны и достаточны. И такъ чтобъ она сама прежде постановила надлежащее по оному дѣлу рѣшеніе, которое и будетъ имѣть теченіе законное.

Споръ этотъ былъ помнится послѣдній отъ меня въ VI Департаментѣ, и къ удивленію—конечно не одинъ не произвелъ больше въ немъ пустаго противъ меня шуму.

Много участвовало уже тогда въ такихъ несогласіяхъ учрежденіе раздачи прежде слушанія дѣлъ извѣстныхъ изъ нихъ записокъ. Въ собраніяхъ Сената уже не разсуждали о дѣлахъ, а высылали записки съ мнѣніями, на скорую руку написанными, или пріѣзжали съ готовыми въ засѣданіе; и, не обременяя себя дальними разсужденіями, соглашались съ большимъ числомъ мнѣній, или съ кѣмъ больше понравится (я имѣлъ честь не быть уже въ такихъ угодныхъ), или весьма съ предложеніемъ Оберъ-Прокурора—и тому подобными отношеніями.

Впрочемъ, учрежденіе сихъ записокъ весьма полезно, естьлибъ всегда сохранялась прямая цѣль его: и оно, какъ и учрежденіе консультаціи, дѣлаетъ честь предпріимчивому къ общему благу усердному министру и большому генію-поэту, который представлялъ о сихъ учрежденіяхъ. Скажу только, что не соблюлъ онъ тутъ должной нѣжности къ формѣ, которая однако во многомъ заслуживаетъ священнаго уваженія.

Такимъ перемѣнамъ въ Сенатѣ прилично выходить по имяннымъ подписаннымъ Указамъ, а не по докладамъ Министровъ или Генералъ-Прокуроровъ. Доклады пристойно Министрамъ подавать о тѣхъ Департаментахъ, коими они управляютъ, а Сенатъ Государь удостоиваетъ своимъ предсѣдательствомъ; и конечно ему извѣстно должно быть

особливо все, что относится къ образу производствъ и правилъ Сената, который есть то верховное Правительствующее Судилище, коего распространеніе правъ внесено и въ хронологію вещей достопамятныхъ.

Но не Министръ оный началъ и не онъ послѣдній не соблюлъ той, по мнѣнію моему, почтенной нѣжности, о которой я сказалъ.

И такъ вышеописанная мною новость въ VI Департаментѣ очень затрудняла меня. Я выбралъ самую, по мнѣнію моему, лучшую въ такихъ случаяхъ сторону; омывать по крайней мѣрѣ свои руки, и подавая голоса, крѣпко держался ихъ какъ и всегда.

Иные и соглашались со мною. Но естьлибъ и никто не согласился; то это не можетъ благомыслящаго человѣка отвести отъ справедливаго мнѣнія. Мнѣ часто говаривали (что жалко и повторять): "Вѣдь не будетъ же по твоему." Какъ будто надобно рѣзать и грабить людей для того, что многіе ихъ грабятъ и рѣжутъ!

Однако больше нежели вѣроятно, что оные споры мои были причиною, что при новомъ росписаніи Сенаторовъ, очутился я въ VIII Департаментѣ, въ которомъ слишкомъ довольно Сенаторовъ было, и къ дѣламъ котораго я совсѣмъ не имѣлъ привычки.

Хотя Министръ Юстиціи, на очень рѣзкое письмо мое о томъ къ нему, отвѣчалъ мнѣ: "что самъ Государь изволилъ меня назначить, а онъ только тому радовался, желая, чтобъ всѣ лучшіе гг. Сенаторы были въ аппелляціонныхъ Департаментахъ, гдѣ больше соблазновъ." Но я не могу повѣрить, чтобъ сей родственникъ и впрочемъ конечно доброжелатель мой не участвовалъ въ ономъ переходѣ моемъ и съ своей стороны. Отдавая всю справедливость сему отлично проницательному опытному въ службѣ и дѣятельному Министру, знаю однакожъ, что не уступчивые очень ему непріятны.

Сначала не долго я присутствовалъ въ VIII Департаментѣ, особое порученіе отлучило меня на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Москвы.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Молніеносные подвиги Наполеона — сего Провидѣніемъ избраннаго орудія на доказательства того, что всуе трудятся зиждущіе, аще не Господь созидаетъ—въ концѣ 1806 года приближали опасность и къ Россійскимъ предѣламъ. Сіе побудило тогда, къ извѣстному и весьма памятному учрежденію временнаго земскаго войска, или милиціи.

Нѣсколько Сенаторовъ отправлены были по губерніямъ съ особыми наставленіями для наблюденія при семъ учрежденіи земскаго порядка, и особливо внутренняго спокойства и тишины. Моему надзору ввѣрены были губерніи : Тульская, Калужская, Владимірская и Рязанская.

Чтобъ лучше представить, какимъ образомъ исполнялъ я сіе важное порученіе, и обстоятельства онаго времени, включу я здѣсь выписку изъ моихъ донесеній, которыя долженъ былъ я тогда еженедѣльно посылать непосредственно къ Государю Императору.

Выписка изъ Донесеній.

Изъ Тулы, 4 Генваря 1807 г.

Отъ сердца, пылающаго любовію къ Вамъ и Отечеству, всеподданнѣйше приношу Вашему Императорскому Величеству поздравленіе съ началомъ отторженія врага всемірнаго спокойства.

Поспѣшивъ изъ Москвы къ исполненію повелѣннаго мнѣ въ губерніяхъ, имѣлъ я первый неописанное удовольствіе обрадовать сею побѣдою* жителей здѣшнихъ и по дорогѣ. Никогда не видалъ я въ народѣ даже похожаго на ту чувствительность, съ какою приняли сію вѣсть. Крестьяне плакали отъ радости.

Скорое учрежденіе милиціи безпримѣрно глубокое впечатлѣніе въ нихъ сдѣлало. Страхъ имъ представился ближе, нежели когда либо, при покровительствѣ свыше, можетъ онъ вѣроятно быть для Россіи. А потому всякое отдаленіе страха сего, есть не только нынѣ радость, но оживленіе народу.

И для того-то Государь, осмѣлюсь представить, что при необходимости уже конечно составленія Земскаго войска, сохраняя во всѣхъ случаяхъ, особливо въ настоящемъ, столь нужную дѣятельность, весьма однако полезно не спѣшить, или лучше сказать, не оказывать торопости, которая тотчасъ разливаетъ страхъ въ народѣ. Въ три дни здѣсь испыталъ я, сколько онъ успокоивается, сколько ободряется, внушеніемъ того, чтобъ неослабно и съ наилучшимъ стараніемъ, каждый содѣйствуя въ спасительномъ дѣлѣ сооруженія общей обороны отечества, и можетъ быть еще больше орудія успокоенія цѣлой Европы, не думалъ однакожъ чтобъ нѣсколько часовъ, нѣсколько дней промѣшкать опасно было: ибо разстояніе страха отъ предѣловъ нашихъ, не днями считать должно: слава мощи ихъ охраняющей!

Я увѣряю, и подлинно такъ думаю, что вооруженіе сіе есть точно временное; что Боже избави Россію превратиться въ Государство военное, что свойственно ей по праведнымъ однимъ причинамъ метать громы свои далеко за своими предѣлами, а между тѣмъ, мирному ея поселянину природно, изощряя плугъ свой, о войнахъ и знать только по тѣмъ побѣдамъ, о коихъ разсказываетъ ему посѣдѣвшій въ нихъ ратникъ, котораго покоитъ онъ лаврами увѣнчанную старость.

Между тѣмъ, Государь, вездѣ усердіе и вѣрность, достойны сыновъ Россійскаго Отечества. Гнусная лесть была бы

* При Пултускѣ.

однако увѣрять Ваше Величество, что учрежденіе милиціи не считають крайне отяготительнымъ. Многіе мнѣ въ откровенности и здѣсь говорили, что гораздо бы лучше еще по одному, даже по два рекрута взять со ста, естьли уже необходимость того требуетъ.

Государь! Усердіе и любовь моя къ Вамъ и Отечеству истинно неописанны. Я не хочу пережить спокойства и славы его и Вашей. И такъ конечно говорю Вамъ правду. Я жилъ въ Москвѣ, и общій образъ мнѣнія извѣстенъ мнѣ. Весьма коротко мнѣ знакомы люди всѣхъ состояній. Нѣтъ никого, кромѣ водимыхъ видами личныхъ выгодъ, или легкомысліемъ, кто бы не находилъ учрежденіе милиціи тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселянской особливо жизни. Кто скажетъ Вамъ иное Государь, тотъ обманщикъ, недостойный выговаривать именованіе Царскаго Престола, коего одно истинное украшеніе есть всемѣрное попеченіе о благѣ царства, не могущемъ существовать безъ спокойства и личной безопасности, безъ которой не только безопасность предѣловъ Государства, но и вся возможная слава и сила внѣ не дѣлаютъ народовъ счастливыми.

Еще съ вѣрноподданническимъ и Патріотическимъ восхищеніемъ скажу, что повиновеніе, готовность, усердіе, вездѣ являются во всемъ своемъ пространствѣ; но сіе то общее чувство и требуетъ конечно самаго рачительнаго сбереженія, какъ самый драгоцѣнный залогъ прямой силы и твердости отечества.

Расположеніе къ пожертвованіямъ денежнымъ и проч. возбуждено до чрезмѣрности. Конечно во времена самой нужды только сіе можетъ быть пріемлемо. Похваляя здѣсь такое расположеніе, не считаю однакожъ, Государь, за нужное, по видамъ истинной и прочной для Государства пользы усиливать возбужденіе оное. Истощеніе частныхъ силъ и способовъ, есть подрывъ общаго обилія и могущества.

Я былъ въ Москвѣ свидѣтелемъ того знатнаго приношенія, которое Московское купечество славяся сдѣлало,

раскладкою по гильдіямъ: но видѣлъ я отъ того и ропотъ даже не между бѣднымъ купечествомъ; а у послѣдняго видѣлъ я и слезы отчаянія. Впрочемъ они же это наложатъ на товары, и возвышеніемъ цѣнъ усугубится трата.

Обыкновенно нѣсколько человѣкъ завлекаютъ большее число по личнымъ видамъ собственной корысти, или честолюбія. И то, что кажется услугою обществу, и пріемлется таковою и награждается, часто бываетъ въ прямомъ существѣ своемъ совершеннымъ злодѣйствомъ обществу.

Когда должно говорить, то не могу я говорить неправду Государю, и не такому какъ Вамъ, рожденному быть истиннымъ Отцемъ Отечеству и примѣромъ благости царскаго сана. Вамъ, Государь, говоря правду, я выигрываю: ибо надѣюсь, что пріобрѣтаю чрезъ то Вашу милость. Но не побоялся бы за правду для отечества и гнѣва царскаго, потому, что отечество люблю я больше себя.

Осмѣливаюсь еще представить Вашему Императорскому Величеству слѣдующее:

1) Весьма бы нужно самое ясное предписаніе и точное во всѣхъ подробностяхъ опредѣленіе отношеній милиціоннаго начальства къ состояніямъ Градскимъ и къ сельскимъ и къ вѣдомствамъ земскимъ, дабы заградить всѣ возможныя пути къ притязаніямъ излишнимъ, нарушающимъ хозяйскія права и спокойство, и могущимъ смущать порядокъ гражданской части; пути, которыя неопредѣленностью и неограниченностію точныхъ отношеній, естественно отверзаются. Противудѣйствіе двухъ властей конечно можетъ воспрепятствовать успѣху дѣла. Нужно, весьма нужно взаимное содѣйствіе и согласіе, но послѣднее столько же между людьми рѣдко, ежели не со всѣмъ при такихъ случаяхъ не натурально, при движеніи страстей свойственныхъ человѣчеству.

Власть Главнокомандующимъ областнымъ столь торжественно, и вѣроятно по самымъ основательнымъ причинамъ данная, не простреттся, думаю нисколько за предѣлы управленія милиціею.

2) Хотя и не сообщена еще намъ инструкція, или грамота

имъ данная 20 Декабря минувшаго года: но мнѣ извѣстно, что при назначенiи дней для Экзерцицiй милицiонныхъ назначается въ ней день изъ опредѣленныхъ для работъ на помѣщиковъ.

Дни назначать конечно должно, и всего приличнѣе то сдѣлать, по соображенiю съ хозяйственною удобностiю помѣщиковъ. Но, Всемилостивѣйшiй Государь, повергаясь на колѣна предъ вами, какъ вѣрнѣйшiй подданный и сынъ отечества, усердствуя о спокойствiи его, всеподданнѣйше, всеубѣдительнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству инымъ образомъ изъясненiя о томъ, повелѣть; чтобъ не возобновился Указъ, раздѣляющiй время работъ крестьянскихъ на себя и на помѣщиковъ, ограничивающiй власть послѣднихъ, не сходно съ общею пользою, Указъ, котораго памятны слѣдствiя при изданiи его; и который, смѣю сказать, хорошо, что оставался какъ бы безъ исполненiя.

Въ Россiи ослабленiе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самаго нашествiя непрiятельскаго, и не въ настоящемъ положенiи вещей. Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не дороживъ правами господства, стыдясь даже выговаривать слово:—холопъ, до слабости можетъ быть снисходителенъ будучи къ слугамъ своимъ и крестьянамъ. Первый можетъ быть желаю, чтобъ не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, естьлибъ только то безъ вреда для нея возможно было: и наконецъ будучи наканунѣ, по извѣстнымъ Вашему Величеству обстоятельствамъ долговъ моихъ, не имѣть можетъ быть ни одной деревни! И такъ голосъ мой тутъ не только есть, но и долженъ быть безпристрастенъ. И въ сихъ то чувствахъ я увѣренъ, что ничего не можетъ быть пагубнѣе для внутренней твердости и общаго спокойства Россiи, какъ разслабленiе оныхъ связей, внушенiя никакiя не помогутъ, ежели дѣйствiя соотвѣтствовать не будутъ!

Я даже осмѣлился Главнокомандующему здѣшней области, Генералу Тутолмину, въ бесѣдѣ съ нимъ по дѣламъ милицiи, при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, настоятельнѣйше совѣтовать,

чтобъ при назначенiи дней не объявлять точно словами, раздѣляющими дни работъ крестьянъ на себя и на помѣщиковъ. Простите мнѣ Государь, я доношу все откровенно:

Духомъ несказанной преданности вѣрноподданнической цѣлую благотворную Вашу руку! Да подписываетъ она только миръ и благоденствiе Россiи!

Изъ Тулы 11 Генваря 1807.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что въ Губернiи Тульской все благополучно, и изъ прочихъ обозрѣнiю моему ввѣренныхъ ничего кромѣ прiятнаго не получалъ.

Поспѣшивъ изъ Москвы нарочно къ первому дню новаго года сюда, я засталъ еще здѣсь большую часть собранiя дворянскаго; а предводителей всѣхъ. Особо собравъ ихъ, съ предводителемъ Губернскимъ, дѣлалъ я имъ надлежащiя внушенiя.

Рачительное также внушенiе сдѣлано отъ меня купечеству и мѣщанству. Сiе послѣднее, и вообще людей низшаго состоянiя почитаю за особливо нужное вразумлять и убѣждать. И дѣлаю то не нарядно; а въ короткости простаго обхожденiя; въ простотѣ образа моей жизни, ходя пѣшкомъ и со всякимъ разговаривая. Въ такой же простотѣ осмѣливаюсь и Вашему Величеству доносить, чтобъ яснѣе представить.

Составъ земскаго войска идетъ съ наилучшимъ успѣхомъ и усердiемъ, во всѣхъ Высочайше ввѣренныхъ обозрѣнiю моему губернiяхъ: Тульской, Калужской, Рязанской и Владимiрской.

Общiй духъ рвенiя и вѣрности неможно описать довольно. Но не могу я также скрыть, Государь, и Боже меня избави скрывать отъ Васъ что либо, до спокойства или общей пользы Отечества относящееся. Не могу скрыть, что частно, особливо въ тѣхъ состоянiяхъ, изъ коихъ рядовые ратники набираются, много неудовольствiй. Отцы, матери, естественно жалѣютъ дѣтей, дѣти ихъ, и тому подобное.

Не можно еще ихъ увѣрить, чтобъ составляемое земское войско было временное, и что не тотъ часъ они двигнуты будутъ противъ непріятеля, котораго каждый изъ нихъ, по безпримѣрной скорости учрежденія, и такаго чрезвычайнаго какъ есть учрежденіе столь многочисленной милиціи, считалъ по крайней мѣрѣ далеко уже внутри Россійскихъ предѣловъ, ежели не близко дверей своихъ; едва и теперь отдыхаютъ отъ сей мысли.

Поразительное для всѣхъ впечатлѣніе нечаяннымъ учрежденіемъ симъ сдѣлано прежде; а расположенія успокоивающія пришли послѣ: Какъ то убѣжденія большія о временности земскаго войска; повелѣнія оставаться ему въ прежней одеждѣ, не брить лба и бороды, распоряженіе о пребываніи въ домахъ своихъ и проч.

По и сіе не можетъ совершенно успокоить никакаго рода поселянъ, ни помѣщиковъ. Хозяйство конечно вообще разстроивается, не говоря еще о слѣдствіяхъ неисправимой на опытѣ неудобности сліянія властей, въ столь близкихъ и сплетенныхъ отношеніяхъ.

Повелѣвается поселянъ, вписанныхъ въ милицію, не употреблять ни въ какія посылки или дѣла, которыя бы слишкомъ удаляли ихъ отъ мѣстъ жительства и проч., какъ и естественно. Но обыкновенная и необходимая въ самыхъ пахатныхъ мѣстахъ промышленность крестьянская и польза помѣщиковъ, требуютъ не рѣдкихъ отлучекъ отъ домовъ, и по положеніямъ иныхъ, отъ городовъ, не близкихъ: для продажи хлѣба и издѣлья, для закупки лѣса, всякихъ надобностей домашнихъ и проч.

Есть же губерніи въ числѣ назначенныхъ для милиціи, которыя и обилуютъ единственно отъ того, что большая часть лучшихъ изъ ихъ поселянъ, занимаются промыслами въ отдаленныя мѣста и на долгое время. Каменьщики, плотники, трепачи, которые пеньку обдѣлываютъ и проч. и проч. И то селеніе въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, въ коемъ остается сколько можно меньше число людей, для работъ домашнихъ.

Въ губерніяхъ, порученныхъ моему обозрѣнію приходитъ съ 15 не съ большимъ и безъ малаго, и съ 14 ревизскихъ душъ, по одному ратнику. Изъ числа же ревизскихъ душъ, въ самыхъ людныхъ селеніяхъ, обыкновенно не больше половины бываетъ работниковъ. Таковыми въ деревняхъ считаются люди отъ пятидесяти лѣтъ, а здоровые иногда и старѣе, до 15 и 14ти лѣтъ. Сколько же изъ такихъ годныхъ въ милицію остается? И изъ сколькихъ же, по прямому расчисленію, долженъ вступить въ нее? Третій, четвертый и едвали гдѣ пятый опредѣлится въ милицію изъ работниковъ, коихъ въ иныхъ мѣстахъ большая половина, на большую часть года, отлучаются, и далеко отъ домовъ своихъ, для тѣхъ обыкновенныхъ ихъ промысловъ, коими единственно содержатся тамъ селенія, въ безбѣдномъ ссстояніи, какъ на примѣръ: извѣстно мнѣ въ губерніи Калужской.

При всей благоразумной дѣятельности и самомъ ревностномъ попеченіи тамошняго Губернатора, не уповательно, чтобъ точно въ назначенный срокъ можно было собрать въ оной губерніи всё положенное съ нея число ратниковъ; ибо Калужская губернія промышленная, и большая часть жителей ея въ расходѣ по разнымъ и отдаленнымъ мѣстамъ. По симъ причинамъ Губернаторъ пишетъ ко мнѣ, что не торопится круто, и требуетъ моего наставленія. Я осмѣлюсь Государь предписать ему съ своей стороны, чтобъ имѣя въ предметѣ точность исполненія, и нисколько въ немъ не ослабѣвая, въ чемъ на Г. Львова весьма положиться можно, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, гдѣ можно однако снисходилъ бы; не теряя ни однаго возможнаго способа къ скорѣйшему успѣху. Осмѣлюсь предписать сіе для существенной пользы, для сохраненія общаго покоя и наконецъ по необходимости. Крутость возмущаетъ; а людей, разсыпанныхъ по всей Россіи, вдругъ отыскать нѣтъ возможности. Въ селеніяхъ же промышленныхъ губерній, и особливо въ зимнее время, остаются по большей части люди, имѣющіе свыше 50 и меньше 20 лѣтъ.

По убѣдительной просьбѣ здѣшняго Градскаго общества,

которое какъ и дворянское отличалось здѣсь усердіемъ и важностію пожертвованій, осмѣлился я также отсрочить на семь дней наборъ, или вписаніе въ милицію Тульскихъ мѣщанъ. Они просили для того, чтобъ въ это время отыскать сколько можно изъ нихъ находящихся въ отлучкахъ, для назначенія справедливѣйшаго и для поставки людей больше годныхъ

Сего требуетъ дѣйствительная польза. А что нѣсколько дней отсрочки, ни въ какомъ тутъ случаѣ вредно разницы здѣлать не могутъ, то кажется ощутительно. Сколько же неторопливость въ настоящихъ обстоятельствахъ успокоиваетъ и ободряетъ народъ, начиная съ самаго дворянства, то имѣлъ я удовольствіе Государь весьма видѣть здѣсь изъ опытовъ. Истинная слава Вашего Императорскаго Величества и благо отечества, въ которомъ единственно и она блистать можетъ, суть первые у меня предметы, въ дѣлѣ Высочайшею Вашею довѣренностію порученномъ.

По искреннему моему къ нимъ усердію, еще откровенно донесу, что здѣсь, и въ самой Москвѣ, соблазняются тѣмъ, что въ то время, какъ одна часть Имперіи обязывается важною и затруднительною повинностью, состава, вооруженія и снабженія земскаго войска; другая (не говоря о пограничныхъ губерніяхъ) Манифестомъ 6го Декабря минувшаго года, только приглашается къ добровольнымъ пожертвованіямъ.

И подлинно Государь, не сохраняется тутъ, по крайней мѣрѣ, видъ уравненія, толь облегчающаго общее понесеніе всякой тягости. Можетъ быть, что оныя, въ составъ милиціи не вошедшія, губерніи и больше принесутъ, особливо при разныхъ средствахъ возбужденій, которыя какъ уже я осмѣлился, по откровенности моей, доносить, не содѣйствуютъ однакожъ существенно къ основательной пользѣ Отечества; кромѣ того, что разраждается отъ онаго междоусобная зависть и размножаются случаи подъ личиною ревнія изощряться лукавству, честолюбію или корысти, на счетъ же общій, тѣмъ или другимъ образомъ.

Можетъ быть принесутъ они и больше; но она имѣютъ

право и ничего не приносить; тогда как прочія манифестомъ же обязаны непремѣнно къ повинности въ мѣрѣ опредѣленной и тягостной. И право сіе дается имъ съ Монаршаго Престола, однимъ изъ тѣхъ во всенародное извѣстіе объявляемыхъ актовъ, коихъ правильность священнѣйшею печатію быть долженствуетъ.

Милосердѣйшій Государь! Прости мнѣ. Не могу о Вашемъ дѣлѣ, объ Отечествѣ, говорить Вамъ не только что у меня на сердцѣ, не то, что въ мысляхъ у меня.

Многое бы сказалъ я, за долгъ почелъ сказать у ногъ Вашихъ, еслибъ я имѣлъ счастіе быть при Августѣйшемъ лицѣ Вашемъ во время сихъ учрежденій.

Ваше Императорское Величество конечно милосердо бы простили и дерзость сыновняго усердія и погрѣшность, естьли бы представленія мои при всей искренности ихъ, неосновательны были. Но опять донесу, что тоже бы представилъ и самому немилосердому Государю. Я былъ бы конечно жертвою моей преданности къ Престолу и Отечеству—но жертвою такою быть столько же для меня пріятно,—сколь благоденствовать подъ Скипетромъ Александра, не гнѣвающагося конечно за правду, а любящаго слышать ее.

За особливо нужное еще считаю представить благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, для единообразнаго и общаго постановленія по милиціи, касательно убыли изъ нея людей, которую отъ смерти и утечки естественно предполагать должно.

Ежели числу ихъ быть непремѣннымъ чрезъ всегдашнее наполненіе изъ тѣхъ же селеній, каковое положеніе кажется мнѣ, есть по крайней мѣрѣ въ мысли у милиціоннаго Начальства; то сіе было бы не только не удобно, ибо всѣ бы въ селеніяхъ связаны были и мѣщане; но и крайне несправедливо и не уравнительно.

Напримѣръ: изъ двухъ селеній разнаго владѣнія, имѣющихъ въ себѣ по тысячѣ ревизскихъ душъ, изъ каждаго впишется въ милицію по 70 человѣкъ. Между одними изъ сихъ помрутъ и разбѣжится въ одинъ годъ половина; а

между другими на четвертой доли, что весьма может случиться по массѣ селеній. За что же первыхъ собрать и поселянъ — наполненіемъ изъ нихъ же — усугубится отягощеніе, и безвинно: ибо они могутъ быть всѣ столько же невинны въ утечкѣ собратьевъ своихъ, какъ и въ смерти ихъ. Розыскъ тутъ строгій по селеніямъ особливо въ настоящее время, будетъ всегда притѣснителенъ, иногда возмутителенъ, и чаще безуспѣшенъ. Возлагать же за утечки оныя отвѣтственность на помѣщиковъ, или Начальства сельскія, волостныя и мѣщанскія, было бы творить виноватыхъ.

Изъ Тулы 18 Генваря 1807 г.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что въ Тульской губерніи все благополучно; и въ прочихъ губерніяхъ, обозрѣнію моему ввѣренныхъ, вообще спокойство и тишина царствуютъ.

Чтобъ видѣть все ближе, былъ я въ разныхъ уѣздахъ. Вездѣ одинъ духъ усердія и покорливости.

Наилучшимъ образомъ приняты всѣ мѣры къ снаряду, продовольствію и вооруженію земскаго войска. Люди готовы. Встрѣчается только индѣ та неудобность, что по скорости назначенія надобно вписывать и одинокихъ; а изъ семейныхъ въ отлучкахъ для обыкновенныхъ промысловъ, иные скрываются; чего нельзя было и не ожидать.

Нѣкоторыхъ видѣлъ я и весело, охотно записывающихся. Видѣлъ даже крестьянъ, очень здраво разсуждающихъ о нуждѣ усилить отечественное ополченіе, всѣ пылаютъ одолѣніемъ неистоваго врага спокойства.

Не внесетъ онъ оружія своего въ нѣдра нашего отечества. По крайней мѣрѣ не хотѣть дожить до того, должно быть лучшимъ чувствомъ русскаго патріота. Едва ли сколько нибудь съ успѣхомъ проникнуть сюда можетъ и адское коварство его, къ дѣйствіямъ чрезъ обольщеніе черни.* Но дай Боже, чтобъ кромѣ такихъ непосредственныхъ и едвали

* Предполагали, что непріятель будетъ дѣйствовать внутри Россіи чрезъ обольщеніе черни своими тайными агентами.

сбыточныхъ вліяній сохранились въ ней связи подчиненности; чтобъ въ дворянствѣ и состояніяхъ учащихся, не торжествовало ложное просвѣщеніе, на безвѣріи основанное, и чтобъ наконецъ не изострилось внутри пагубнѣйшее оружіе отъ злоупотребленій самаго земскаго войска. Не чрезъ мятежи и волненія его; но чтобъ столь природное людямъ властолюбіе его Начальства, своевольство чиновниковъ его, на которое при такихъ случаяхъ, неисчетные пути отверзаются, и могущая отъ того послѣдовать распутность толь многочисленной толпы рядовыхъ его ратниковъ, не обратилось бы въ оскорбленіе несносное, и въ тягость, возмутительную народу.

И такъ Государь! Вѣрность и рвеніе вездѣ общія. Все Вамъ вѣрно. Все любитъ васъ до восхищенія. Но чувство бремени отъ земскаго войска общее же, какъ доносилъ я откровенно.

Всѣ, говоря, что счастливѣйшая будетъ та минута, въ которую отмѣнится сіе войско, продолжаютъ думать, что лучше вмѣсто его взять со ста по одному, даже по два, въ случаѣ крайности, обыкновенныхъ рекрута, безъ большей только браковки.

Затрудняются до боязни вліяніемъ Начальства его, столь тѣсно сплетеннаго съ управленіемъ гражданскимъ и хозяйственнымъ состояніемъ, при толикой степени власти. Полагая, что Ваше Императорское Величество изволили послать Сенаторовъ для перевѣсу ея, радуются здѣсь очень и моему пріѣзду.

Врученіе областнымъ Начальникамъ вдругъ такой власти всѣхъ поразило. Признаюсь Государь, что и я содрогнулся, когда не предвидя близкой причины, услышалъ такое торжественное разрѣшеніе смертной казни.....въ Россіи, гдѣ мечь ея прежде всѣхъ странъ земныхъ отринутъ былъ—разрѣшеніе отъ руки, которой опредѣлено кажется подписывать одну милость и счастіе народамъ.

Государь! То время, что или все вѣрно, или смертная казнь не удержитъ. Но когда устрашала она злодѣевъ? Они не думаютъ о казни, или бы бѣжали зла.

Государь! Пламеннымъ сердцемъ любви къ Тебѣ и отечеству у ногъ Твоихъ, руки Твои омывая слезами, говорю: будь только всегда Александръ, великій благостію. Она все преодолѣетъ.

Откровенно представляю образъ мнѣнія народнаго, и свою душу раскрываю предъ Вами, Государь. Руководствуюсь одними чувствами безпредѣльной вѣрности подданнаго, сына отечества, и десять лѣтъ имѣющаго честь носить званіе Сенатора, не для имени только.

Изъ Тулы 24 Генваря 1807 г.

Въ трехъ донесеніяхъ моихъ предъ симъ, Вашему Императорскому Величеству, со всею откровенностью безпристрастія представилъ я все. На сей разъ важнѣйшаго донести ничего не имѣю.

Пріемлю только смѣлость представить Вамъ Государь, слыша, что Начальствомъ здѣшней области предполагается учредить нѣкоторый однорядокъ въ одеждѣ и рядовыхъ милиціи, какъ то: кафтаны покроя крестьянскаго, но по сотнямъ уравненные; особые пояса, на рукахъ перевязки съ шифрами, шапки одного манера и цвѣта и проч. и проч. что конечно не иное, какъ плодъ любви къ единообразію устройства, состарѣвшагося въ искуствѣ его Генерала Тутолмина.

Но по соображенію мѣстному, гораздо лучшимъ считаю все сіе оставить бы, если можно: ибо оно, хотя въ мелочахъ, но все обязываетъ на повинности, еще новыя; и не безъубыточныя: умножаетъ случаи къ излишнимъ притязаніямъ, при злоупотребленіяхъ, ни въ чемъ и нигдѣ неизбѣжныхъ, и что всего важнѣе, больше утвердить можетъ народъ въ мысляхъ *о невременности* земскаго войска; и самаго его, или чрезъ сіи же мысли приводить въ уныніе, или особенностью такою, какъ и всякою, болѣе поощрять къ буйству, которое и безъ того весьма трудно будетъ отвращать при сліяніи властей, крайне всегда неудобномъ для нашего народа. Наконецъ всякое такое установленіе представляется отмѣною даннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ

Указа и Правительствующему Сенату, чтобъ людей въ милицію поступить имѣющихъ, одѣвать не иначе, какъ по примѣру обыкновенныхъ наборовъ въ таковую же одежду, въ каковой прежде они ходили. А потому откровенно донесу, что и слухъ объ однорядкѣ ономъ, не съ удовольствіемъ пріемлется.

Вся же одежда и прочее по точному исполненію повелѣнія Вашего Величества уже всѣми приготовлена; и такъ отмѣна еще съ не малымъ и убыткомъ, всѣхъ затруднитъ.

Смѣло донося Вамъ Государь, что знаю и думаю, повергаюсь къ священнымъ стопамъ Вашимъ, и цѣлую руку, отъ которой всѣ ожидаютъ побѣдъ и милостей.

Послѣднее оное донесеніе приготовилъ я къ вечеру, спѣша въ ту же ночь ѣхать въ Рязань. Ожидалъ только почты, которой надобно было придти въ тотъ вечеръ, считая, что я могу получить какой нибудь отзывъ, на мое первое донесеніе.

И подлинно получилъ я Государевъ рескриптъ, отъ 16 Генваря, въ которомъ и милость и гнѣвъ изъявлялись. Начатъ рескриптъ свидѣтельствомъ благоволенія за усердное исполненіе по манифесту о милиціи. Потомъ Государь сказавъ мнѣ что "не скроетъ онъ отъ меня, что не безъ удивленія нашелъ онъ въ донесеніи моемъ разсужденія со всѣмъ постороннія, сдѣланному мнѣ препорученію," изволитъ описывать причины составленія временнаго ополченія—и заключать рескриптъ слѣдующими славами: "Я увѣренъ впрочемъ, что каковъ бы ни былъ образъ вашихъ мыслей, касательно составленія Земскаго войска, но вы столько чувствуете долгъ вашъ, что потщитесь исполнить со всею ревностію и усердіемъ возложенную на васъ обязанность."

О полученіи сего донесъ я слѣдующимъ письмомъ:

"Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества, отъ 16 Генваря, я удостоился получить.

"Священнымъ долгомъ считалъ я откровенно доносить

Вашему Императорскому Величеству, образъ мнѣнія народнаго; а собственныхъ чувствъ не могъ скрыть отъ Васъ и не скрою никогда.

"Тѣмъ же чистосердечіемъ исполнены и всѣ мои донесенія. И несчастнѣйшая минута жизни моей будетъ та, въ которую навлечетъ она гнѣвъ на меня Государя моего: несчастнѣйшая по безпредѣльной вѣрности и любви моей къ Нему и Отечеству.

"Что касается до ревностнаго и усерднаго исполненія возложенной на меня обязанности, Всемилостивѣйшимъ ожиданіемъ чего заключается Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества, то осмѣлюсь сказать, что въ ревности и усердіи исполнять повелѣнія Ваши, не уступлю я никому.

"Всеподданнѣйше подношу при семъ донесеніе, которое уже написано было при полученіи рескрипта."

Написавъ сіе донесеніе, запечаталъ я его въ одинъ конвертъ съ приготовленнымъ прежде отъ тогожъ числа; и отдавъ почтмейстеру для отправленія, спокойно сѣлъ въ свою кибитку и поѣхалъ въ Рязань.

Я продолжалъ писать къ Государю съ тою же искренностію и смѣлостію правды, какъ увидятъ изъ слѣдующихъ донесеній.

Продолженіе выписки изъ донесеній.

Изъ Рязани 30 Генваря 1807 г.

Духъ покорности и пламенной любви къ Вамъ Государь и отечеству, тотъ же здѣсь какъ и вездѣ. Равно и образъ общаго мнѣнія о учрежденіи Земскаго войска такой же, какъ я прежде въ моей вѣрноподданнической откровенности доносилъ Вашему Императорскому Величеству.

Не изобильны пожертвованія въ Рязанской губерніи, имѣющей въ себѣ много бѣдныхъ дворянъ и купцовъ: но весьма добровольно и непрерывно приносятся.

Къ правильному назначенію рядовыхъ въ милицію, представляетъ въ иныхъ мѣстахъ здѣшней губерніи нѣкоторое

затрудненіе — отлучка мѣщанъ и поселянъ въ разныя промыслы, какъ-то : въ извозъ, въ работы, наемъ въ дальнія мѣста и проч. особливо изъ семейныхъ, что должно иногда неизбѣжно обращаться къ отягощенію одинокихъ. Есть такіе, кои скрываются или нарочно удаляются, имѣя паспорты, полученныя прежде манифеста о составленіи Земскаго войска.

Безпокоятся и здѣсь также тѣми однорядками о неудобности которыхъ представлялъ я Вашему Императорскому Величеству въ моемъ послѣднемъ донесеніи.

Изъ Калуги 7 Февраля 1807 г.

Нельзя пересказать сколько народъ утѣшенъ Всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ отъ Вашего Императоскаго Величества, отпускать и въ дальнія работы и въ промыслы.* Желательно только чтобъ образъ исполненія сего установился и сколько можно удобнѣйшій, чтобъ формы и разномысліе, ежели не прихоти исполнителей, не стѣсняли нисколько пользу сего, отеческою милостію къ народу начертаннаго повелѣнія, и чтобъ милиціонное Начальство въ связи своей, при исполненіи ономъ, съ Начальствомъ гражданскимъ руководствовалось всегда одними благородными видами, частной хозяйской и общей Отечества пользы.

Истинно Государь, всякое облегченіе повинности Земскаго войска, неизобразимою благодарностью возноситъ къ престолу, Вашего Императорскаго Величества, сердца вѣрноподданныхъ, пылающія любовію къ Вамъ и усердіемъ безпредѣльнымъ.

Въ глубинѣ такихъ чувствованій повергается къ Вашимъ священнымъ стопамъ и проч.

Изъ Калуги 13 Февраля 1807 г.

Сердцемъ, которое горитъ желаніемъ чтобъ все покорялось

* Тогда вышло повелѣніе отпускать въ работы и промыслы, а до того сначала изданія Манифеста о милиціи, всѣхъ держали въ домахъ своихъ, къ отягощенію крайнему.

Россійскому Скипетру и чтобъ Ваша рука управляла имъ до позднѣйшей возможности жизни человѣческой, цѣлуя благотворную руку сію, приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее мое поздравленіе съ новою надъ врагами побѣдою,* которую торжествовали здѣсь при восторгахъ, свойственныхъ чувствамъ любви и усердія Вашего народа къ Государю и Отечеству.

Отъ 7 числа сего мѣсяца доносилъ я Вашему Императорскому Величеству, что въ Калужской губерніи Земское войско готово, и все къ составленію его сдѣлано наилучшими мѣрами.

Нынѣ же какъ о существеннѣйшемъ донесу, что съ восхитительною радостію принято Всемилостивѣйшее постановленіе Вашего Величества, опредѣляющее лѣта вступающимъ въ оное войско, отъ 17 до 50 † и повелѣвающее на убылыя изъ него мѣста рядовыхъ другихъ не требовать. Послѣднее тѣмъ паче обрадовало, что въ инструкціи о должности чиновниковъ войска Земскаго отъ здѣшняго областнаго Начальства составленной, къ неописанному затрудненію и отягощенію всѣхъ состояній, предписано уже было оное наполненіе, и изъ самыхъ тѣхъ же участковъ, изъ коихъ случится убыль.‡

Вездѣ готовы люди, одѣты, снабжены и по возможности вооружены, во всей точности сходно съ манифестомъ объ учрежденіи милиціи и данными о томъ указами Вашего Императорскаго Величества. Но отъ начальства ея требованія новыя, касательно образа одежды, рода и количества оружія и проч. производятъ во всѣхъ губерніяхъ затрудненіе тѣмъ состояніямъ, кои обязываются на исполненіе онаго.

При семъ, по откровенности безпредѣльнаго усердія моего, не могу я, Государь, удержаться отъ вѣрноподданническаго

* При Прейсиш-Эйлау.

† Сіи лѣта назначены были съ отмѣною прежняго, сходно съ моимъ представленіемъ отъ 11 Генваря, въ коемъ представлялъ я и противъ онаго наполненія.

‡ Инструкціи, въ коей сіе предписано было, уже нигдѣ послѣ не отыскивали.

дерзновенія сказать: что хотя Вашему Величеству благоугодно было облечь Главнокомандующихъ областнымъ Земскимъ войскомъ, такою властію, чтобъ во всѣхъ случаяхъ до устройства областнаго войска относящихся, предписанія ихъ принимаемы и исполняемы были какъ собственныя Ваши повелѣнія: но сіе конечно не о томъ, что было бы въ отмѣну оныхъ; какъ и самый Правительствующій Сенатъ коего указамъ Монаршею довѣренностію издавна присвоена сія сила, не можетъ конечно дѣлать такихъ отмѣняющихъ предписаній.

По возложенной на меня обязанности, представлять Ващему Императорскому Величеству образъ общаго мнѣнія о настоящемъ случаѣ внутренняго вооруженія, долженъ я донести, что власть оная, или лучше сказать, возможность его дѣлать устраняющія отъ точности извѣстной и всенародно объявленной воли Вашей предписанія такія, и по такимъ предметамъ, о коихъ положенія должны и могутъ быть и не на мѣстѣ предвидѣны и вездѣ однообразны, по крайней мѣрѣ приводитъ въ недоумѣніе всѣ земскія вѣдомства, и большое разливаетъ стѣсненіе въ сердца.

Еще долгомъ считаю донести, что: на представленіе вѣрноподданническаго усердія моего, о неудобности назначать дни для сбора и ученья милиціи, изъ дней подъ наименованіемъ работныхъ на помѣщика, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ своемъ Высочайшемъ ко мнѣ рескриптѣ изобразить "что оное хотя упомянуто въ данной грамотѣ гг. Главнокомандующимъ областными войсками, но сіе сказано собственно для нихъ." Однако въ помянутой же инструкціи * отъ здѣшняго Начальства сего войска, которая по существу своему конечно всѣмъ извѣстна быть должна, именно назначаются два дня въ недѣлю изъ работныхъ на помѣщиковъ. О семъ всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и первое мое представленіе осмѣлился сдѣлать.

* Сія-то инструкція тотчасъ тогда исчезла.

Изъ Владиміра, 1 Марта 1807 г.

Въ губерніяхъ : Тульской, Калужской, Рязанской и Владимірской спокойно все и благотишно.

Въ послѣднюю пріѣхавъ здѣшнюю, обозрю и извѣдаю на мѣстѣ все, повелѣнное Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.

Проѣзжая, видѣлъ я у городскихъ и сельскихъ жителей неописанную радость, о тѣхъ облегченіяхъ по милиціи, которыя Ваше Величество Всемилостивѣйше здѣлать изволили. *Дай Богъ здоровье Государю,* говорятъ простосердечно поселяне, прибавляя : Когда-то совсѣмъ отмѣнится ?

Убѣждая ихъ въ томъ, что крайняя была надобность въ такомъ вооруженіи, увѣряю, что оно весьма временное, и что конечно отмѣнится, какъ скоро только можно будетъ. *Дай-то Богъ, дай-то Богъ,* отвѣчаютъ съ такимъ чувствомъ оживительной надежды, котораго истинно безъ слезъ почти видѣть нельзя.

Всемилостивѣйшій Государь! я думаю, что у Монарха мудраго и добродѣтельнаго, у истиннаго отца отечества, вѣрноподданническая любовь и усердіе больше должны давать права на смѣлость представленій и приближать къ престолу, нежели одинъ порядокъ чиновъ и царедворскихъ должностей. И такъ въ моей предъ Вами откровенности, которую всегда считаю я для себя священнымъ долгомъ, осмѣлюсь сказать, что въ самомъ благодѣтельномъ царствованіи Вашего Императорскаго Величества, благодѣтельнѣйшій будетъ тотъ день, въ который отмѣнится Земское Войско.

И четвертая часть его обыкновеннымъ образомъ равно со всего Государства собраннаго и воински устроеннаго, конечно будетъ ополченіе гораздо дѣйствительнѣйшее, а для народа легчайшее; ибо совершенно общій образъ мнѣнія непрерывно есть тотъ, что лучше по одному, даже по два рекрута со ста. И отдѣленіе уже людей отъ настоящихъ званій въ прямое военное, столько же было бы полезнѣе къ удобнѣйшему устройству и нужно строгому управленію

единоначальствомъ воинской власти, сколько нынѣшнее сліяніе властей представляетъ неудобства; а развлекательное положеніе въ состояніяхъ и земледѣльца, или промышленника и купно ратника, можетъ лишать ихъ способностей и къ тому и къ другому, питая между тѣмъ духъ буйства и своеволія.

Впрочемъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, до чрезвычайнаго числа умноженное войско, можетъ со временемъ по разсмотрѣнію быть уменьшаемо и изъ всякаго рода организаціи возвращаемо въ мирныя хозяйственныя состоянія.

Примите, Государь, великодушно мои представленія; простите милосердо, если они не основательны. Но они всегда происходятъ единственно отъ такихъ чувствъ, по которымъ я имѣю счастіе быть до гроба,

Вѣрнѣйшимъ подданнымъ.

Изъ Владиміра, 8 Марта 1807 г.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что общая тишина и спокойство не прерывны въ здѣшней Владимірской и въ прочихъ, обозрѣнію моему ввѣренныхъ губерніяхъ, изъ коихъ еженедѣльно получаю извѣстія.

Все касающееся до составленія Земскаго Войска, со стороны Гражданскаго Начальства, при ревностномъ подвигѣ всѣхъ сословій Владимірской Губерніи, весьма хорошо устроено.

Духъ любви и усердія къ Вамъ и Отечеству безпредѣленъ здѣсь какъ и во всей державѣ Вашего Императорскаго Величества, равно и образъ общаго мнѣнія о вооруженіи Земскомъ, точно здѣсь такой же, какъ по возложенному на меня долгу въ откровенности доносилъ я изъ прочихъ губерній.

Наитщательнѣйше внушаю я о временности онаго войска, и о пребываніи рядовыхъ его въ нерушимости связей и повиновенія по ихъ кореннымъ состояніямъ. Сіе тѣмъ паче считаю нужнымъ, что уже появляется, какъ и естественно,

хотя изрѣдка и въ неважномъ еще видѣ, расположеніе къ своевольству отъ несмысленныхъ заключеній, что уже подъ особливымъ живутъ Начальствомъ, и плодъ заблужденія сего доселѣ невящшій, какъ въ нѣкоторыхъ развратное и домы истощающее пьянство, уклонность отъ хозяйственныхъ упражненій, малыя ослушанія, что все можетъ еще униматься не самыми строгими, только не упустительными средствами, которыя и подтверждаю я бдительно употреблять въ самыхъ коренныхъ состояніяхъ оныхъ Оруженосцевъ, т. е. Земскомъ вѣдомствѣ и въ кругѣ волостныхъ и помѣщичьихъ властей, дабы исправляемые, купно съ исправленіемъ, больше убѣждались и въ томъ, что не выведены они изъ подчиненія властямъ онымъ.

Изъ Москвы, 18 Марта 1807 г.

Узнавъ здѣсь о полезномъ преобразованіи Земскаго Войска съ столь знатнымъ его убавленіемъ, благословилъ я, и конечно съ милліонами, любезнѣйшее Отечеству имя Ваше, духомъ неизобразимой радости поцѣловалъ Вашу руку, коей скипетръ вручило милосердіе Небесъ къ человѣчеству.

Да! едва ли была когда въ Россіи радость столь общая и столь чувствительная всѣмъ въ ней состояніемъ, какъ та, которая разольется онымъ спасительнымъ преобразованіемъ.

Не могъ я не начать симъ, Государь, отъ безпредѣльнаго удовольствія, истинно вѣрноподданической любви къ Вашему Императорскому Величеству и пламеннаго усердія къ благу общему.

Высочайше мнѣ повелѣнное исполнилъ я во всѣхъ четырехъ Губерніяхъ, кои обозрѣнію моему ввѣренны были.

Во всѣхъ, все относящееся къ внутреннему ополченію, учреждено и производится съ рвеніемъ, отличающимъ Вашихъ подданныхъ.

Пожертвованія вездѣ продолжаются въ губерніяхъ : Тульской, Калужской, Владимірской и Рязанской, которыя конечно по справедливости удостоены будутъ Всемилостивѣйшаго

ознаменованія, Высокомонаршаго благоволенія Вашего Императорскаго Величества.

Исполнивъ все повелѣнное мнѣ, возвратился я къ своему мѣсту, какъ предписано въ Высочайшемъ рескриптѣ Вашего Императорскаго Величества.

Смѣю надѣяться, что образъ исполненія моего угоденъ Отеческой любви Вашей къ подданнымъ, великой душѣ и мудрой прозорливости Вашего Величества, ибо я руководствовался единственно неописаннымъ усердіемъ къ истинной славѣ Вашей, и къ твердому благу Отечества.

Откровенность и вѣщаніе правды безъ всякихъ оттѣнокъ предъ Монаршимъ престоломъ, есть всегда для меня долгъ священный, неизгладимо впечатлѣвшійся въ сердцѣ, совершенно преданномъ служенію Вамъ и Отечеству : а въ дѣлѣ толико общественномъ, и столь нѣжно касающемся неколебимости благосостоянія Государственнаго, какъ есть настоящее вооруженіе внутреннее, — и малое отступленіе отъ онаго правила моего, было бы по мнѣнію моему, сущее предательство.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Преобразованіе Земскаго войска, о которомъ я писалъ въ послѣднемъ моемъ донесеніи, подлинно обрадовало всѣхъ и облегчило несказанно; и оно было здѣлано точно такимъ образомъ, о которомъ я имѣлъ смѣлость усердія представлять Государю отъ 1 Марта изъ Владиміра, только что не четвертая, а третья часть его оставлена была.

Скоро послѣ того и совсѣмъ перестало, какъ извѣстно, существовать сіе войско; и возвратилось въ свои прежнія состоянія кромѣ тѣхъ, коихъ помѣщики, или общества мѣщанъ и поселянъ казенныхъ, пожелали оставить на службѣ для зачета въ рекруты.

Миръ—и съ сохраненіемъ чести Россійской Державы—въ Тильзитѣ заключенный—все успокоилъ. Онъ весьма желателенъ былъ и полезенъ. Одинъ только неизбѣжный при томъ разрывъ съ Англіею, много навлекъ неудобствъ разнаго рода.

Хотя я очень мало свѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ и комерческихъ; однако при семъ, могу кажется не безъ основанія осмѣлиться сказать, что главное искуство Россійской политики должно состоять въ томъ, чтобъ сколько можно не только меньше зависѣть отъ Европы; но и меньше связей съ нею имѣть, какъ политическими сношеніями, такъ и нравствен-

ными. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣю я обычаи, коихъ заразительная гнилость снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ Россійскихъ.

Хорошо бы имѣть военныя силы, съ удержаніемъ всегда неустрашимаго духа и нравовъ Русскихъ, во внутренности ополченія устроенныя по тактикѣ Тюреновъ и Фридриховъ, для отраженія только непріятелей отъ предѣловъ Россійской Имперіи, слишкомъ обширной: и при нужномъ знаніи иностранныхъ языковъ, при упражненіяхъ въ изящныхъ и полезныхъ наукахъ и художествахъ, не стыдиться многихъ своихъ старинныхъ обычаевъ.

Покрой платья, цвѣтъ и доброта того, изъ чего оно шьется, не просвѣщаютъ; покоряютъ частныхъ людей самой малодушной зависимости: цѣлое же Государствъ, непримѣтно подвергаютъ очень большой, къ ихъ ослабленію. Обѣдать не въ полдни, а въ шестомъ часу по полудни и ужинать въ третьемъ за полночь, конечно не есть ни умнѣе, ни великодушнѣе; а что тѣлу оно изнурительно и головѣ тяжело, то естественно.

Я думаю, что не меньше полезно отъучить отъ того, чтобъ не считали необходимымъ употреблять сахаръ и кофе; всякой почти день, или по крайней мѣрѣ всякой выѣздъ женщинамъ быть въ новомъ платьѣ, и тому подобное; — нежели завоевать нѣсколько провинцій—хотя и не меньше трудно.

Истинной патріотизмъ, въ томъ, чтобъ желать отечеству истиннаго добра и содѣйствовать тому всѣми силами: желать, чтобъ не на Французовъ, или Англичанъ походили Русскіе, а были бы столько счастливы, какъ только они быть могутъ.

Что такое любить Отечество?—Имѣть къ нему тѣ точно чувства любви, какія имѣютъ къ милой роднѣ своей: — любить его подлинно, какъ добрые дѣти любятъ своего отца. Будутъ ли они радоваться видя, что отецъ ихъ, въ красивыхъ нарядахъ и обширными владѣя дачами—таетъ и чахнетъ! И не будутъ ли лучше желать и стараться, чтобъ онъ выздоровѣлъ, когда еще можно.

Такъ конечно: самыя суетныя привычки—самыя мелкія связи обычаевъ, обращаются въ тяжкія оковы.

Не имѣли бы мы по привычкѣ такой надобности въ сахарѣ, кофѣ, сукнахъ тонкихъ и прочемъ подобномъ — и разрывъ бы съ Англіею въ Государствѣ едва извѣстенъ былъ.

Азіатцы, начиная отъ Пекина до Царя-Града, могли бы думаю, искреннѣйшими быть съ нами союзниками. Немного обезпокоятъ они и своею невѣрностью въ союзахъ. Всякая наша пушка у нихъ въ особомъ почтеніи. А размноженіе съ ними торговли, думаю весьма бы могло быть полезно, съ большею удобностью сохранять въ ней всегда и перевѣсъ, въ разсужденіи того, что меньше всегда причинъ уважать ихъ и опасаться.

Сколько одной пшеницы выпускать можно съ Турецкой стороны, при полезномъ переселеніи на нее пахарей изъ мѣстъ малоземельныхъ; и при усовершенствованіи земледѣлія, сего источника обилія и силы Государствъ.

Истинное богатство ихъ должно состоять не въ множествѣ монеты, а въ малой надобности въ деньгахъ. Государство, какъ и человѣкъ частной, чѣмъ меньше имѣетъ надобностей, тѣмъ меньше и зависимости, а чѣмъ меньше въ немъ зависимости отъ другихъ, тѣмъ больше въ себѣ господства и силы.

Я думаю, что составившаяся у насъ надобность Европейской торговли, въ такой пространной мѣрѣ причиною, что хитрость иностранныхъ торговцовъ, пока не сбавятъ гораздо въ нихъ нужды, никогда не допуститъ и купечество наше быть столько богатымъ сколько оно должно и можетъ быть.

Хитрость сія въ змѣиномъ пронырствѣ своемъ неутомима. Если не можно съ верху, то вползаетъ она съ низу; — и трудно изъ флеровыхъ ея сѣтокъ выпутываться безъ старинной Русской простоты и безсребренничества.

Но про все это знаютъ большіе..... а мнѣ пора оканчивать свои записки.

Кромѣ того рескрипта отъ 16 Генваря 1807 года, который вписалъ я здѣсь въ своемъ мѣстѣ, не получилъ я никакаго

отзыва на всѣ мои донесенія Государю при обозрѣніи губерній во время составленія Земскаго войска, и ни одного отношенія, по сему важному порученію, ко мнѣ не было, послѣ перваго, особеннаго отъ Государя наставленія, коимъ оное на меня было возложено.

При всѣхъ разсыпанныхъ, какъ извѣстно, наградахъ, за эту милицію, Сенаторы, товарищи мои въ этомъ дѣлѣ ничего не получили, по крайней мѣрѣ двоимъ изъ Московскихъ Департаментовъ, знаю я, что и благоволенія сказано не было. Думали, что не я ли тому былъ причиною; ибо исключить меня конечно по справедливости было не можно.

А что Государь имѣлъ на меня неудовольствіе, то весьма открыто мнѣ было, изъ самаго рескрипта Его. Впрочемъ не хочу я повѣрить, чтобъ Онъ сколько нибудь прогнѣвался за то, что я представлялъ правду; но Онъ вѣроятно находилъ, что не мнѣ въ семъ случаѣ принадлежало дѣлать такія представленія.

Я однако по совѣсти считалъ за долгъ дѣлать ихъ при тѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, какія тогда были, и какія едва вѣками бываютъ. Зная неудовольствіе на меня Государево, не безпокоился я ни одной минуты по тѣмъ причинамъ, о которыхъ довольно изъяснено мною въ самыхъ донесеніяхъ, навлекшихъ оное отъ Него на меня неудовольствіе.

Время, и скоро, оправдало конечно въ очахъ Его всѣ мои представленія; и Онъ въ томъ же году ознаменовалъ ко мнѣ милость Свою, и притомъ характеръ свой прямо царской. Сія черта истинно означаетъ величіе души Его и любовь къ правдѣ. Награждать за пріятное, естественно очень: но послѣ гнѣва, который также иногда и напрасной, естественъ въ кругѣ смертныхъ всѣмъ, никого не исключая—воспользоваться, такъ сказать, первымъ случаемъ къ награжденію знатнымъ отличіемъ того, на кого простирался гнѣвъ оный—есть дѣйствіе благотворительности великодушной, предпочитающей справедливое пріятному.

12 Декабря 1807 года, Государь пожаловалъ нѣсколькихъ Тайныхъ Совѣтниковъ по старшинству въ Дѣйствительныя

Тайные Совѣтники. Въ числѣ ихъ я пожалованъ былъ послѣдній. Иные изъ нихъ, я знаю, что очень того желали, и давно искали; а мнѣ и на мысль не приходило, тогда особливо, получить этотъ чинъ. И вотъ какимъ образомъ я пожалованъ, какъ слышалъ я отъ довольно вѣрныхъ.

Государь приказалъ подать списокъ Тайныхъ Совѣтниковъ пожалованныхъ въ 1796 году; повѣряя списки самъ по печатному списку, издаваемому Герольдіею, увидѣлъ мое имя первое подъ послѣднимъ изъ поданыхъ Ему въ спискѣ. "Чтожъ его тутъ же помѣстили?" спросилъ Государь.— "Онъ произведенъ въ 1797 году," отвѣтствовали Его Величеству. "Однакожъ въ началѣ," отвѣчалъ Государь; "и такъ это мало разности," и Самъ изволилъ приписать мое имя. Но хотя бы это и не такъ происходило; все однакожъ пожалованіе меня послѣдняго, несомнительно означаетъ особое благоволеніе. Не можно конечно при производствѣ обойти безобидно, и потому случается, что для того, чтобы пожаловать одного жалуютъ, не желая, нѣсколькихъ, кои его старѣе; но послѣдній, безъ всякаго вида несправедливости при производствѣ оставленъ быть можетъ, и пожалованіе его, уже непремѣнно значитъ вниманіе милости.

Я благодарилъ за чинъ Государя письмомъ, въ которомъ осмѣлился нѣсколько примѣтить, что я чувствую и при семъ случаѣ все величіе души Его въ любленіи правды. Государь на первой почтѣ удостоилъ меня отвѣтомъ, въ которомъ изволилъ мнѣ сказать, что: "Ему пріятно было въ письмѣ моемъ видѣть изъявленіе извѣстныхъ Ему моихъ чувствованій," и пр.*

Нѣкоторые изъ ближайшихъ тогда къ Государю, оказали себя въ разсужденіи меня совсѣмъ неподражающими Его добродѣтелямъ. Они по сіе время злобятся на меня за образъ мыслей моихъ о милиціи, въ планѣ коей они наиболѣе

* Подтвержденіе онаго Монаршаго благоволенія ко мнѣ, имѣлъ я счастіе видѣть въ пріѣздъ Государевъ въ Москву въ первыхъ числахъ Декабря 1809 года, въ который, при отлично милостивомъ обхожденіи со мною, изволилъ Онъ пожаловать меня кавалеромъ Ордена Св. Александра Невскаго.

участвовали — и не постыдились въ пристрастіи и злобѣ своей обличить себя дачею такаго голоса по дѣлу о долгахъ моихъ въ Общемъ Собраніи первыхъ 3^{хъ} Департаментовъ, въ которомъ совершенно отступили отъ всякой справедливости и законовъ.*

По возвращеніи моемъ въ Москву изъ губерній, бывшихъ подъ моимъ надзираніемъ по случаю составленія Земскаго Войска продолжая присутствовать въ VIII Департаментѣ, знакомился я съ аппелляціонными въ немъ дѣлами, кои прежде никогда почти въ рукахъ моихъ не бывали. Продолжалъ я также и обычай мой не соглашаться на то, что несправедливымъ мнѣ кажется. Могу сказать, что я не выше неправды; но правда меня такъ выше, что я не смѣю и заикнуться противъ ея.

Въономъ Департаментѣ споры мои большею частью были по дѣламъ ищущихъ вольности отъ помѣщиковъ. Вдругъ приняли себѣ за правило всячески натягивать въ пользу таковыхъ ищущихъ; и это не по сердечному расположенію, и не по законной справедливости, а для того, что угождать думаютъ тѣмъ Государю. Я никогда не соглашался удовлетворять просьбамъ такихъ ищущихъ вольности, безъ совершеннаго по законамъ ихъ на то права.

Государю конечно угодно, чтобъ не оставались крѣпостными тѣ, кои подлинно ими быть не должны; но освобождать изъ крѣпостей подборомъ подъ законы есть разрушеніе силы ихъ во вредъ общій. И кромѣ вреда сего, какой-же плодъ такихъ рѣшеній? Нѣсколько десятковъ или сотенъ не будетъ подъ властью помѣщиковъ, съ тѣмъ, что большая изъ нихъ можетъ быть часть сопьются, или голодные и нагіе скитаться будутъ по улицамъ и по дорогамъ.

Наконецъ Министръ Юстиціи предложилъ, что не имѣетъ мѣста по такимъ дѣламъ и законъ о десятилѣтней давности,

* Голосъ сей, съ пособіемъ малодушнаго угодничества, холодности къ правосудію и незнанія, былъ причиною наконецъ самаго несправедливаго и разорительнаго для меня рѣшенія онаго дѣла.

уничтожающей всякіе иски, и всѣ Департаменты сіе приняли; но я не согласился, и не соглашусь прежде, нежели будетъ на то Указъ Государевъ, которой одинъ можетъ перемѣнять Законы. Они должны исполняться по точнымъ ихъ словамъ; а въ толкахъ о разумѣ ихъ, могутъ быть разномысліе и ошибки у всѣхъ Министровъ и Сенаторовъ.

Ежели въ оныхъ дѣлахъ не принимать Закона о десятилѣтней давности, которой нынѣ одинъ ограничиваетъ время исковъ, то натурально и никакаго времени уважать не должно; а за сто, за двѣсти, за триста лѣтъ, и для чего не больше, когда такъ—ктожъ найдутся крѣпостными? и такъ взволнуешь только людей самымъ малымъ числомъ такихъ рѣшеній; о многихъ здѣлать общая польза конечно не допуститъ. Цѣлыя селенія, многія тысячи душъ—станутъ производить иски вольности. Начнется дѣло перьями стряпчихъ, питающихся ябедою, и подущеньемъ на нее; а кончится пушками, или по крайней мѣрѣ кнутьями и ссылками—ежели не висѣлицами—что также бывало.

И въ семъ случаѣ имѣю я предметомъ только общественную пользу: собственность моя нисколько тутъ не вмѣшивается, и не можетъ вмѣшиваться, какъ я очень изъяснилъ въ первомъ письмѣ моемъ по милиціи къ Государю, изъ Тулы отъ 4 Генваря 1807 года.

Еще скажу, что я первый, можетъ быть желаю, чтобъ не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, естьлибъ только то безъ вреда для нея возможно было. Но народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства, нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы; но сіе должно быть такъ расположено, чтобъ начальники губерній, при обузданіяхъ тиранства, столько же бы страшились наказанія за малѣйшее при томъ излишество, или пристрастіе, и столькожъ бы увѣрены были не избѣжать того наказанія, сколько тираны за тиранство.

И еще скажу, что по сіе время въ Россіи ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятель-

скаго. Свойственно мягкосердечію жалѣть и о томъ, когда не совсѣмъ еще отъ болѣзней оправившіеся могутъ только прогуливаться въ Больничномъ Саду, и пить и ѣсть только то, что имъ велятъ лѣкари,—свойственно доброму сердцу желать, чтобъ они какъ можно скорѣе воспользовались полною во всемъ свободою. Но дать ее имъ прежде времени было бы ихъ же уморить.

У насъ въ рѣшеніяхъ принято оное правило всегда рѣшить въ пользу отбывающихъ отъ помѣщиковъ, отнюдь не изъ состраданія къ нимъ, и даже совершенно противъ своего желанія; но потому только ошибочному понятію объ угодномъ, какъ я выше сказалъ, и чтобъ не спорить съ Министромъ Юстиціи.

На его предложеніе о томъ, что на дѣла сего рода десятилѣтняя давность не простирается я, не согласясь, записалъ въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ слѣдующій отзывъ :

" Если не простирать на подобныя дѣла десятилѣтней давности и никакимъ временемъ не ограничивать права ищущихъ вольности, то можетъ, въ общій подрывъ состоянія Дворянскаго и коренными законами утвержденнаго преимущества его, неограниченное множество крѣпостныхъ людей отойти отъ своихъ помѣщиковъ. А при семъ сколько можетъ открыться путей и способовъ къ поползновенію людей, злонамѣренныхъ, невѣжествомъ водимыхъ, смущать простодушіе, часто противъ истинной пользы своей желающихъ оной свободы, и сколько можетъ возникнуть тяжебъ, разслабляющихъ неописанно полезныя для общественнаго покоя и благоустройства связи подчиненности ! "

20 Марта 1808 года.

Иные изъ товарищей очень хвалили мой патріотизмъ—и всѣ согласились съ Министромъ.

Особливо настаивалъ я по дѣламъ подобнаго рода, чтобъ не лишать селенія солдатками безъ мужей своихъ прижитыхъ

дѣтей, и въ нихъ воспитанныхъ. Законы очень справедливо укрѣпляютъ ихъ за помѣщиками, и въ селеніяхъ по воспитанію оставляютъ.

Отступленіе отъ сихъ законовъ есть поколебаніе права, которое можетъ отнестися къ общему подрыву Дворянскаго состоянія, и коренными законами утвержденнаго преимущества его; а равно и къ неустройству общественному возбужденіемъ безчисленныхъ тяжбъ, между крѣпостныхъ людей и помѣщиковъ, спокойно полагаясь на законныя учрежденія, и самымъ временемъ укрѣпленныя, владѣющихъ неограниченнымъ множествомъ подобныхъ, не основательно вольности искать могущихъ людей.

Такимъ образомъ изъяснился я о семъ еще въ Общемъ Собраніи Сената Московскихъ Департаментовъ. И кромѣ нарушенія законовъ, и описанныхъ мною слѣдствій отъ лишенія помѣщиковъ и селеній людей оныхъ, теряется еще истинная польза, которую приносятъ они Государству умноженіемъ самаго полезнаго въ немъ состоянія землепашцевъ, которое есть при томъ самый надежный и прочный запасъ воиновъ. Откуда какъ не изъ за сохи, брали побѣдителей Карла XII и Фридриха II?

Споры мои въ Сенатѣ нѣсколько умножились въ концѣ 1807 года отъ того, что я мѣсяца два не могъ ѣздить въ присутствіе, за болѣзнію въ лѣвой рукѣ, которую очень больно зашибъ я упавши. Однако дома читалъ я изъ дѣлъ записки и опредѣленія подписывалъ. Послѣднія приносили ко мнѣ обыкновенно подписанныя уже товарищами: и когда я находилъ резолюціи не согласныя съ моимъ о дѣлѣ понятіемъ, то принужденъ былъ давать противный голосъ.

Товарищи особливо со мною не любили соглашаться. "Не ужели, говорили, одинъ всѣхъ умнѣе?" Сильнѣе этого резона не слышно было. "Неужели, говаривалъ я имъ также въ пріятельской шуткѣ, одинъ Генералъ-Прокуроръ, или Оберъ Прокуроръ всегда всѣхъ умнѣе; а вы съ нимъ соглашаетесь?" Иногда, отвѣчали: "Ихъ это должность." Какъ будто нѣтъ

у каждаго Сенатора должности объявлять свое мнѣніе, и въ немъ по справедливости настаивать.

Расположеніе не соглашаться со мною, отмѣнно оказалось при одномъ дѣлѣ. Приходитъ въ VIII Департаментъ жалоба отъ нѣкотораго крестьянина на господина и госпожу свою. Дается резолюція : возвратить жалобу просителю, какъ не принадлежащую до сего Департамента. Приносятъ ко мнѣ подписать о томъ опредѣленіе, уже подписанное моими товарищами. Я разсудилъ, что просьбу оную возвращать какъ только не принадлежащую до Департамента, есть тоже, что заставлять просителя подавать ее въ другой, гдѣ она по приличности будто принята будетъ. А по законамъ—и весьма съ общею тишиною и благоустройствомъ соображеннымъ — отъ крѣпостныхъ людей на своихъ помѣщиковъ не велѣно принимать никакихъ жалобъ и доносовъ, кромѣ какъ по первымъ двумъ пунктамъ.

За весьма нужное почитая всегда уважать все то, что соблюдаетъ связь подчиненности помѣщикамъ, которой всякое ослабленіе ужасныя производило послѣдствія и въ исполненіе сказанныхъ законовъ, думалъ я, что должно просьбу оную передать въ VI Уголовный Департаментъ, для уваженія и поступленія по онымъ. Но имѣя въ виду удовлетвореніе имъ и пользу истинную, а не то, чтобъ только заспорить, или поставить на своемъ, чѣмъ право я даже гнушаюсь; и зная сколько товарищи не любятъ со мною соглашаться — не подавалъ я голоса, а прежде приватно писалъ къ Оберъ-Прокурору, и долго старался, чтобъ перемѣнили резолюцію безъ моего участія, при подписаніи въ присуствіи опредѣленія, которое однимъ или двумя еще кромѣ меня подписано не было. Однако и тутъ, т. е. чтобъ передать только бумагу въ другой Департаментъ—*Неужели одинъ всѣхъ умнѣе*—подѣйствовало. Не согласились. Я принужденъ былъ подать голосъ, съ которымъ согласился одинъ изъ товарищей, не присутствовавшій при слушаніи сего дѣла, и не подписавшій еще опредѣленія. Дѣло пошло въ Общее Собраніе : а мятежничество крестьянина, ожидавшаго отъ Сената рѣшенія, между тѣмъ питалось.

Когда вступило оно въ Общее Собраніе, то я на запискѣ было написалъ, что какъ уже дѣло въ Собраніи, то въ скорѣйшее укрощеніе буйства, не передавая въ VI Департаментъ, прямо предписать Губернскому Начальству о поступленіи по законамъ. Но согласившемуся со мною товарищу, показалось почему то ненадобнымъ. "Ты меня завелъ, говоритъ онъ въ свое мнѣніе, а теперь отступаешь." Хотя по моему понятію и не было это отступленіе; однако въ удовольствіе моему товарищу я вычернилъ написанное мною, и подписалъ только, что остаюсь при своемъ голосѣ. Тѣмъ я доказалъ еще, что нѣтъ во мнѣ упрямства, которое многіе право очень напрасно во мнѣ полагаютъ.

Не отступалъ я правда въ Общемъ Собраніи никогда отъ своего мнѣнія; и не соглашался въ отмѣну его ни съ однимъ Генералъ-Прокуроромъ. Только это отнюдь не изъ упрямства или тщеславія, а подлинно думая, что мое мнѣніе справедливо. Кажется и нельзя иначе думать послѣ столькихъ переходовъ дѣла, ежели разсудивъ о немъ, какъ должно, даешь свое мнѣніе. Едва ли перемѣнялъ я помнится резолюцію свою и въ Департаментѣ Уголовномъ; потому, что дѣла его мнѣ твердо знакомы—и что производя ихъ съ тѣмъ вниманіемъ, какое требуется ихъ важностью—рѣдко—крайне рѣдко, развѣ случиться можетъ справедливая надобность перемѣнить резолюцію.

При слушаніи въ Общемъ Собраніи дѣла по оной крестьянской жалобѣ, всѣ однако согласились съ моимъ мнѣніемъ; остались только тѣ при резолюціи VIII Департамента, которые въ немъ ее давали. Скоро дѣло сіе возвратилось и изъ консультаціи. Предложеніе по оному Министра Юстиціи довольно пространно. Заключеніе же его состоитъ въ томъ, что хотя сіе дѣло и принадлежитъ до 6 Департамента; но теперь уже отослать ту жалобу прямо изъ Общаго Собранія къ Начальнику Губерніи, съ тѣмъ, чтобъ онъ велѣлъ кому надлежитъ по той просьбѣ изслѣдовать, и по изслѣдованіи дать сему дѣлу законное теченіе. При томъ министръ говоритъ что "ежели жалоба крестьянина окажется справедливою, то

докажетъ недобронравіе и безчиніе (сиречь помѣщика) и проч." "Ежели напротивъ того жалоба та будетъ несправедливою, то докажетъ возмутительность крестьянина и проч."

Всѣ по обычаю согласилися съ предложеніемъ Министра; а я записалъ слѣдующій отзывъ:

"Имѣя предметомъ единственно скорѣйшее укрощеніе буйства и соблюденіе общаго порядка силою законовъ, соглашаюсь я съ предложеніемъ Его Свѣтлости въ непосредственной отсылкѣ просьбы крестьянина къ Начальнику Губерніи; но только съ тѣмъ, чтобъ было просто предписано о поступленіи въ семъ случаѣ по законамъ, нисколько въ предписаніи семъ не подавая поводу къ разбору между помѣщиками и крестьянами." 29 Января 1809 г.

Въ прошломъ 1808 году три были по Сенату произшествія особливо достопамятныя:

1) Объявлено отъ Государя Императора неудовольствіе за разногласіе по многимъ дѣламъ въ VII и VIII Департаментахъ.

2) Для скорѣйшаго окончанія въ Московскомъ Общемъ Собраніи накопившихся дѣлъ, велѣно одному присутствовать и послѣ обѣда по середамъ, и

3) Въ VII и VIII Департаментахъ докладывать по восьми и девяти апелляціонныхъ дѣлъ въ недѣлю.

Естьлибъ между Сенаторами была должная твердость единодушія, то надлежало бы о первомъ представить Государю въ справедливое оправданіе свое; а о послѣднемъ изъ усердія къ истинному успѣху въ дѣлахъ, котораго не можетъ быть при скорости безмѣрной.

Могутъ голоса быть конечно и отъ охоты спорить, и отъ разныхъ пристрастій: но можетъ быть разномысліе основано и на самомъ чистосердечномъ побужденіи къ правдѣ, при свойственныхъ человѣческому понятію ошибкахъ. А какъ и того и другаго безпогрѣшно опредѣлить не возможно, то кажется полезнѣе для правосудія, чтобъ были споры, хотя иногда и неосновательные; нежели чтобъ не было ихъ для того только, чтобъ боятся спорить.

Чтожъ принадлежитъ до скорости, то она по мнѣнію моему гораздо вреднѣе медленности въ судопроизводствѣ. Лучше истцу подождать, но получить принадлежащее ему, нежели онаго лишиться чрезъ необдуманное по скоропостижности рѣшеніе. Лучше просидѣть годъ лишній въ тюрьмѣ невинному, нежели отъ незрѣлости уваженія поспѣшнаго суда отправиться на каторгу.

И потому-то я не только не жалѣю, что переведенъ изъ Уголовнаго Департамента; но очень бы опечалился, естьлибъ случилось опять въ немъ присутствовать, при такомъ образѣ теченія дѣлъ.

Спѣшить и хорошо дѣлать естественно развѣ на пожарахъ; но и на нихъ часто ломаютъ лишнее въ напрасный убытокъ людямъ.

Безмѣрною спѣшностью отнимутся всѣ способы хорошенько вникать въ дѣла для должнаго объ нихъ разсужденія, и по неволѣ оставишь ихъ въ рукахъ у докладчиковъ, да у Оберъ-Прокуроровъ съ Генералъ-Прокуроромъ, отъ вліянія которыхъ они и такъ по несчастью всегда гораздо больше зависѣли, нежели надобно.

Въ Общемъ Собраніи два раза въ недѣлю докладываютъ по два и по три дѣла въ каждое. Это можно сказать, хотя говоря о собраніяхъ такаго важнаго правительства, и неприлично бы—одно щегольство. Дѣйствительнаго же отъ того успѣха ни какъ быть не можетъ. Во-первыхъ, едвали чьихъ силъ достанетъ на прилежное прочтеніе по столькимъ дѣламъ всѣхъ записокъ. Сіе должно естественно мѣшать хорошему разсмотрѣнію, а со стороны скорости: то расчисливъ время нужное для консультацій по всѣмъ симъ спѣшно рѣшимымъ дѣламъ, и для обращенія изъ нея въ Сенатъ къ окончанію надлежащаго производства—ясно откроется, что нисколько отъ оной спѣшности прямо скорѣе оканчиваться дѣла не могутъ; а хуже разсматриваться и рѣшаться будутъ непремѣнно.

Впрочемъ, нынѣ почти труда не стоитъ, заботиться Сенаторамъ разсматриваніемъ дѣлъ въ Общемъ Собраніи, и ломать свои головы о томъ, какое въ немъ дать мнѣніе; развѣ для

того только, какъ я негдѣ сказалъ, чтобъ омывать свои руки: ибо такъ уже укоренился несчастный обычай большинствомъ голосовъ соглашаться съ предложеніемъ Министра Юстиціи, или какого нибудь моднаго Оберъ-Прокурора, что все равно, какъ бы они одни рѣшили дѣла, а Сенаторскія разсужденія и труды совсѣмъ становятся лишніе. Самыхъ же Сенаторовъ слабость конечно тому виною.

Всегдашнее отступленіе отъ своихъ мнѣній и согласіе съ такими предложеніями, ясно обнаруживаютъ жалкое состояніе суда въ самомъ верховномъ судилищѣ и правительствѣ, коего долгъ наблюдать за правосудіемъ и во всемъ Государствѣ.

Тутъ-то можно бы кстати сказать, неужели одинъ всегда бываетъ всѣхъ умнѣе; и всегдашнее уваженіе къ такому одному, не явное ли показываетъ презрѣніе правды и законовъ?

Безпристрастіе, зрѣлое уваженіе и точность въ наблюденіи судебнаго порядка, должны быть неразрывны и составлять истинную натуру правосудія. Безъ того мертвы будутъ законы, сколькобъ хорошо они написаны ни были.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что законы всѣ хороши; только бы исполнялись: и никогда конечно не бываетъ зла отъ недостатка законовъ, а все отъ того, что не слѣдуютъ имъ и справедливости.

Могутъ конечно и законы быть хуже и лучше; и нужно перемѣнять ихъ иногда, такъ сказать, по времени и возрастамъ народовъ. Перемѣну сію удобнѣе думаю дѣлать частно, ознакомывая людей постепенно съ каждымъ новымъ узаконеніемъ. Перемѣна же вдругъ цѣлаго круга законодательства въ Государствѣ, самымъ уже тѣмъ громомъ, который сопровождать ее долженъ, можетъ произвести въ умахъ колебаніе, коего послѣдствій вредъ или пользу трудно прежде угадать.

Но все главное въ судопроизводствѣ дѣло любовь къ правдѣ, вниманіе и порядокъ. Первая, лучше не захочетъ судить, нежели спѣшить судомъ; а послѣднихъ при торопости сохранить не возможно.

Отъ этой-то думаю я торопости разсуждать мѣшающей; или отъ желанія, чтобъ какъ можно меньше выходило дѣлъ для того, чтобъ выслуживаться мнимымъ успѣхомъ въ томъ, что *нѣтъ у насъ дѣлъ, всѣ перерѣшены*: думаю отъ того, а не отъ совершенной конечно холодности къ человѣчеству—вотъ что произошло въ VI Уголовномъ Департаментѣ:

Вдругъ рѣшились на производства по важнѣйшимъ Уголовнымъ дѣламъ о людяхъ нижняго состоянія не принимать жалобъ, которыя всегда въ Сенатѣ принимались, и сдѣлали о томъ опредѣленіе. Оберъ-Прокуроръ, не находя онаго противнымъ закону, не пропустилъ однакожъ опредѣленія потому, что оно отмѣняетъ прежнія. Перешло дѣло въ Общее Собраніе. Всѣ согласились съ опредѣленіемъ, чтобъ не принимать жалобъ. Я далъ голосъ съ изъясненіемъ о пользѣ принятія оныхъ жалобъ, и о могущемъ быть злоупотребленіи отъ непринимапія ихъ. Со мною согласились трое.

По обыкновенной отсылкѣ дѣла на консультацію, получено предложеніе отъ Министра Юстиціи, который также находитъ, что не должно принимать такихъ жалобъ: но какъ они уже давно принимались, то чтобъ не поступить противно Указу, запрещающему разность рѣшеній, надлежитъ объ отмѣнѣ принятія тѣхъ жалобъ поднести Государю докладъ.

На сіе предложеніе Министра записалъ я слѣдующій отзывъ.

"Жалобы оныя, не апелляціоннымъ порядкомъ и безъ остановки безвременной теченія дѣлъ, болѣе 10 лѣтъ принимались въ V что нынѣ VI Департаментѣ; т. е. съ того времени, какъ уголовныя и слѣдственныя дѣла переданы были въ него изъ II. Но по самымъ симъ переданнымъ дѣламъ, весьма мнѣ извѣстнымъ, ибо я въ тоже время началъ присутствовать въ V Департаментѣ, видно, что во II принимались оныя жалобы еще много лѣтъ прежде. До учрежденій о губерніяхъ принимаемы они были также въ Сенатѣ на рѣшеніе Юстицъ-Коллегіи, губернскихъ канцелярій и проч. Словомъ: едва-ли не во все время существованія Правительствующаго Сената принимались они!

"И такъ опыты цѣлаго почти столѣтія доказываютъ, съ одной стороны, сколько принятіе оныхъ жалобъ служило не рѣдко къ защитѣ и избавленію невинности; столько съ другой—что не доходило еще число дѣлъ сего рода до такаго множества, коимъ бы Сенатъ необнятно и для человѣчества безполезно затруднился. Естьли же до того паче чаянія и дошло; то и тогда было бы время принять мѣры къ ограниченію труда излишняго и безуспѣшнаго. Но доселѣ человѣчество часто избавлялось отъ напраснаго страданія чрезъ разсматриваніе оныхъ жалобъ; а Сенатъ еще никогда по справедливости слишкомъ обремененъ имъ не былъ. Успѣхъ же въ первомъ, стоитъ того, чтобъ продолжать трудъ послѣдняго—и въ большемъ гораздо количествѣ.

"Впрочемъ, Сенатъ всегда занимался уваженіемъ оныхъ жалобъ, только по мѣрѣ того, сколько которая изъ нихъ онаго заслуживала, и тогда, только останавливалъ производство дѣлъ и приступалъ къ изслѣдованію объясненіями, когда находилъ обстоятельства основательныя на неправость суда сомнѣнія навлекающія. Но по крайней мѣрѣ существовало обузданіе на неправду въ судахъ, по части, столь тѣсно сопряженной съ жребіемъ жизни человѣческой, и свободный открытъ былъ путь къ скорой защитѣ. Когда же обузданіе оное снимается, то естественно усугубятся злоупотребленія отъ небрежности, или пристрастій неискоренимыхъ.

Не оскорбляя вообще самаго почтеннаго званія Губернаторскаго, можно осмѣлиться сказать, что бывали Губернаторы и несоотвѣтствовавшіе своему назначенію. Они получали и должное отъ правосудія за то возмездіе. Но если были такіе, то и впредь иногда быть могутъ; и пока подвергнутся справедливому оному возмездію, многіе и по сей важной части уголовной пострадаютъ отъ ихъ притѣсненія, безъ преграды ему.

"Тоже можно сказать и о судьяхъ, которыхъ выборъ еще затруднительнѣе, въ разсужденіи большаго ихъ числа. И не дерзко предположить, что когда снимется обузданіе налагаемое принятіемъ въ Сенатѣ частныхъ оныхъ жалобъ на рѣшенія

Уголовныхъ Палатъ и на производство дѣлъ уголовныхъ: ибо, отставя принятіе первыхъ, не сходно было бы даже съ естественнымъ порядкомъ принимать послѣднія: не дерзко, говорю, предположить, что когда снимется оное обузданіе, то иногда случиться можетъ, что по ссорамъ Губернаторовъ и судей съ помѣщиками, цѣлыя деревни въ рабочую пору сидѣть будутъ въ тюрьмахъ, и лучшіе крестьяне отправятся въ ссылку,—а изъ казенныхъ поселянъ, мѣщанъ и прочихъ людей тѣхъ состоянія, о коихъ дѣла не вносятся на ревизію Сената, богатые гораздо чаще подъ судъ попадаться станутъ.

"Неправда и неусмотрѣніе вездѣ конечно быть могутъ—и въ высшихъ судахъ какъ и въ низшихъ. Но чѣмъ больше имъ преградъ, тѣмъ спасительнѣе для невинности.

"А по всѣмъ симъ причинамъ, сказаннымъ мною въ подкрѣпленіе даннаго отъ меня мнѣнія въ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената, по оному дѣлу о не приниманіи жалобъ; полагаю я, что не должно прерывать принятія ихъ, столь многіе годы продолжавшагося, и бывшее однимъ сколько нибудь способомъ къ защитѣ для милліоновъ—коихъ судьба по дѣламъ уголовнымъ совершенно—и часто не возвратно —оставляется въ полной зависимости отъ рѣшеній губернскихъ.

"Сверхъ того не нахожу я, чтобъ закономъ запрещалось принятіе въ Сенатѣ таковыхъ жалобъ, и чтобъ уваженіе оныхъ не принадлежало до верховнаго вниманія сего Правительствующаго Судилища, коему въ Высочайшемъ Указѣ 1802 г. 8 Сентября правомъ, должностію и обязанностію постановлено: 'Пещись какъ хранителю Законовъ о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія, и прекращеніи всякихъ противузаконныхъ дѣяній во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ.'

"Докладъ же Его Императорскому Величеству считаю я за нужное и Сенату приличное, разсудя въ Общемъ Собраніи и сообразивъ къ устройству лучшія мѣры, поднести о слѣдующемъ:

"Апелляція на рѣшеніе Палатъ по дѣламъ уголовнымъ дозволяется, кромѣ тѣхъ подсудимыхъ, которые осуждены къ

лишенію жизни, или къ лишенію чести, или къ торговой казни, т. е. по дѣламъ маловажнымъ. Кто теряетъ одну четверть земли, или нѣсколько рублей; тотъ имѣетъ всѣ способы и время, по крайней мѣрѣ въ трехъ инстанціяхъ защищать право свое, и всегда о теченіи своего дѣла знать.

"А по самымъ важнымъ дѣламъ—осуждаемый къ лишенію жизни, чести, или къ торговой казни, съ первой минуты начала надъ нимъ слѣдствія или взятія его подъ стражу, до послѣдней, въ которую объявится ему рѣшительный приговоръ для отсылки его на казнь; не вѣдаетъ своей участи, не имѣетъ никакого способа опровергать несправедливыхъ о немъ въ судѣ заключеній, какія бы сильныя доказательства имѣть ему на то ни случилось, однимъ словомъ, совсѣмъ въ рукахъ у судящихъ:—а безграмотный, каковыхъ по симъ дѣламъ большая часть, и въ показаніяхъ своихъ, по коимъ его судятъ, зависитъ отъ тѣхъ, которые ихъ записываютъ. Другому никому за такого страдальца законы не только ходатайствовать явно не позволяютъ, но строго запрещаютъ и знать о дѣлѣ."

"И весьма случаться можетъ, что истинно невинный, и въ невинности своей спокойно ожидающій свидѣтельства ея справедливости отъ суда, вдругъ услышитъ при открытыхъ дверяхъ палаты, кнутъ себѣ, или ссылку. А Сенатъ про то и не свѣдаетъ никогда.

"Всѣ пути его блюстительства и прибѣжища пресѣкаются,—одинъ оставался:—принятіе оныхъ жалобъ, который нынѣ самъ Сенатъ уничтожаетъ. Присылка экстрактовъ изъ колодничьихъ дѣлъ уже давно отмѣнена, хотя и въ мое присутствіе въ Сенатѣ, не разъ и по разсмотрѣнію экстрактовъ сихъ, возвращали съ каторги напрасно въ нее сосланныхъ."

"Вотъ о чемъ по мнѣнію моему достойно правительствующаго Сената поднести Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ:—и хотя благонамѣреніемъ мудрости учреждена коммиссія о сочиненіи законовъ:—но въ дѣлахъ спасающихъ отъ гибели человѣчество дорогъ и часъ.

"Все сіе сказать при настоящемъ случаѣ счелъ я за долгъ

званія Сенатора по совѣсти и по усердію къ общему благу Государства, и за особое счастіе всегда почту повторить оное предъ самимъ Всеавгустѣйшимъ лицемъ Государя Императора." 29 Генваря 1809 года.

Въ общемъ собраніи большинствомъ голосовъ опредѣлено согласно предложенію Министра Юстиціи поднести Гусударю докладъ о неприниманіи оныхъ жалобъ. А я оставшись при своемъ мнѣніи, послалъ на той же почтѣ (8 Марта 1809 года) на которой докладъ сей отправленъ къ Его Величеству, съ надписью: въ Собственныя Руки, слѣдующее представленіе:

"Правительствующій Сенатъ въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ большинствомъ голосовъ опредѣлилъ поднести Вашему Императорскому Величеству докладъ о томъ, чтобъ не принимать въ Сенатѣ жалобъ на производство уголовныхъ дѣлъ о людяхъ нижняго состоянія къ тяжкому наказанію присуждаемыхъ. Такихъ жалобъ, кои всегда въ Сенатѣ принимались, и которыя были для людей оныхъ однимъ путемъ прибѣжища къ вышнему правительству, въ случаѣ невинности или осужденій, превосходящихъ мѣру законнаго опредѣленія.

"Разсуждая, что слѣдствіемъ того могутъ быть большія злоупотребленія во вредъ человѣчеству и правосудію — дважды изъяснялъ я въ Общемъ Собраніи о всѣхъ оныхъ злоупотребленіяхъ, произойти могущихъ.

"При большинствѣ голосовъ, по настоящему учрежденію Сената, голосъ мой долженъ сокрываться недѣйствительностію. Но считая, что дѣло сіе особливой есть важности по существу своему въ общемъ кругѣ судопроизводства, и по отношенію его къ жребію большаго числа въ Государствѣ людей, пріемлю смѣлость донести о немъ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше представляя при семъ на Высочайшее благоусмотрѣніе и данныя мною въ Общемъ Собраніи мнѣнія.

"Симъ по крайней мѣрѣ успокоиваются чувствованія долга моего званія, одушевляемыя безпредѣльнымъ усердіемъ къ истинной Вашей славѣ и къ благу Отечества."

Окончиваю повѣсть о моихъ быляхъ. Не всѣ разсказалъ я ихъ здѣсь: но не сказалъ ни одной небылицы. Будетъ ли что еще въ жизни моей достойное описанія и успѣю ли его здѣлать—не знаю.

Quis scit, an adjician hodierae crastina
Summæ tempora di superi ?*

Horat. Od. VI.

Теперь, посреди службы и Москвы обширной, живу я въ пустынѣ. Лучшіе друзья мои почти всѣ разлучены со мною смертію или отсутствіемъ. Бесѣдою мертвыхъ друзей человѣчества, въ просвѣщенныхъ ихъ писаніяхъ, питаю я душу; а тѣло подкрѣпляю прогулкою и воздухомъ. Не ѣзжу я на вечерніе обѣды и утренніе ужины. Не ѣзжу также въ театры, и для того, что не нашелъ я никогда ни одного, въ которомъ бы хотя на минуту можно забыть, что видишь актеровъ.

Но довольно нынѣ заниматься зрѣлищемъ великаго театра вселенной, на которомъ чудесная быстрина сценъ весьма разительно вѣщаетъ, что міръ преходитъ.....

Кстати скажу, что пишетъ о семъ ко мнѣ въ послѣднемъ письмѣ своемъ почтенный другъ Юнгъ - Штиллингъ сей небомъ просвѣщенный проповѣдникъ истины, и предвѣстникъ явленій ея царства.....

"Что касается вообще до ходу вещей, пишетъ онъ, въ политическомъ мірѣ, то со дня на день все больше раскрывается; и кому духъ предсказанія отверзетъ очи, тотъ скоро увидитъ, чему изъ того выдти должно. Наше же дѣло есть только пребывать въ бдѣніи, въ молитвѣ, и въ прилежной борьбѣ съ грѣхами, приготовляя свѣтильникъ свой на сретеніе Господа."

Гонитъ меня къ уединенію и наскучливость, такъ сказать жизни; въ которой испыталъ я, хотя въ образчикахъ, всѣ мечты суетнаго счастія — и знатность породы и чиновъ,—

* Не знаю доживу ли до завтра. Переводъ короткій и вѣрный.

коего такъ малодушно кичатся—и бренность богатства—и горечь сладострастія—и пустоту шумныхъ веселій—и тщетность похвалъ и почестей.

Пѣли меня стихотворцы—и не за деньги* меня пѣлъ въ своемъ Владимірѣ и Херасковъ, которому недавно отданную справедливость назначеніемъ отъ Россійской Академіи сочинить ему похвальное слово, читалъ я съ чувствительною признательностію къ уваженію достоинствъ, приносящихъ Отечеству честь ; —къ которому нѣсколько лѣтъ питалъ я и доказывалъ самую искреннюю дружбу—и коего смерть оплакивалъ я всею нѣжностію сердца.

И такъ все часъ отъ часу болѣе убѣждаетъ меня, что для истиннаго счастья нужно только *одно*—которое вездѣ и всегда съ нами быть можетъ ;—и коего никто изъ смертныхъ не можетъ ни дать, ни отнять.

Подъ симъ первое добро есть дружба. Я имѣлъ друзей конечно по всему изъ лучшихъ въ Государствѣ : нѣкоторыхъ и теперь имѣю. Иные оставили меня—но я не переставалъ любить ихъ; хотя о потерѣ дружбы ихъ и не жалѣю, потому, что они меня оставили.

Однако есть еще у меня друзья добрые—и есть люди, которые конечно меня помнятъ и любятъ !

Заключу повтореніемъ конца того завѣщанія†, которое писалъ я къ нимъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ чувствованіяхъ очень непритворнаго памятованія о смерти.

"Друзья и всѣ, которые знаютъ меня и любятъ ! Когда я умру, не тратьте иждивенія на покровъ земли землею,

* Всего лестнѣе для меня посланіе ко мнѣ изъ Рязани въ 1807 году, напечатанное въ Вѣстникѣ Европы, а послѣ особо. Лестно особливо потому, что я совсѣмъ незнакомъ былъ съ сочинителемъ ; не только чтобъ привлекъ его благосклонность какою нибудь услугою, да онъ ни въ какой и надобности не имѣетъ. Впрочемъ похвала сія не можетъ ослѣпить меня ; ибо я знаю сколько свойственно пристрастіе энтузіазма такому доброму и благородному сердцу, какимъ отличается изящный оный поэтъ, украшающій Россійскую литературу произведеніями рѣдкихъ его дарованій.

† Сіе завѣщаніе напечатано при 2мъ изданіи сочиненной мною драмы: Торжество правосудія и добродѣтели, или добрый судья. 1798 года въ Москвѣ.

художествомъ испещренною. Употребите оное лучше на возбужденіе въ добрыхъ сердцахъ скудости — благодаренія къ Источнику всѣхъ благихъ даровъ.

" Не пишите и не заставляйте писать мнѣ похвалъ! — Да вы и сами сего не здѣлаете; не для того только, что я ихъ не заслуживаю, но и для того, чтобъ не сравнять меня со всѣми тѣми, которыхъ хвалятъ!

" Одинъ вздохъ искренней любви, больше усладитъ мою память, нежели книга похвалъ, написанныхъ рукою хладнаго искуства. Одна слеза нѣжности—слезамъ печали, друзья мои, не давайте воли изъ уваженія къ закону великодушія и добродѣтели—одна слеза нѣжности пролитая на простой, муравою одѣтой могилѣ моей, болѣе прославитъ мой прахъ, нежели великолѣпнѣйшее надгробіе, поставляемое алчнымъ наслѣдникомъ, радующимся смерти, оставившаго ему тысячи, омытыя плачемъ ближнихъ. Нѣтъ, друзья мои, не похвалъ и памятниковъ хочу я отъ васъ.

" Возобновите ко мнѣ въ сердцахъ своихъ неразрывный, вѣчный узелъ дружбы, не умирающей съ тѣломъ и неограниченной временемъ.

" Поминайте меня горячею, вѣрною любовію ко всему тому, что было дорого и любезно моему сердцу!.....

" Когда вспомните, что сердце сіе было вѣрнымъ хранилищемъ драгоцѣннаго залога дружбы вашей; что оно рыдало о всякомъ огорченіи вашемъ, и восхищалось всякимъ вашимъ удовольствіемъ, когда вспомните, что я плѣнялся красотами истины, хотя слабо соблюдалъ ея небесныя уставы; что я усердно чтилъ во всемъ изящное; стрѣмился любить человѣчество, и ближнему служить готовъ былъ; что если кого и оскорбилъ, то безъ намѣренія..... и охотно бы согласился оное загладить величайшимъ прискорбіемъ самому себѣ.

" Когда при томъ вспомните о моихъ порокахъ и слабостяхъ, гораздо превосходящихъ то малое добро, которое можетъ быть мнѣ случилось въ жизни своей ощутить и сдѣлать—то, друзья мои! изъ глубины пылающихъ любовію сердецъ вашихъ пожелайте только, чтобъ не по заслугамъ моимъ,

а по единымъ щедротамъ благости, пилъ я неисчерпаемую чашу блаженства въ той непостижимой странѣ, гдѣ цвѣтетъ вѣчный садъ радости; гдѣ вѣчная жизнь, здравіе, спокойство, наслажденіе, разливаются неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго происходитъ и всякое доброе дѣло и всякая мысль добрая!"

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

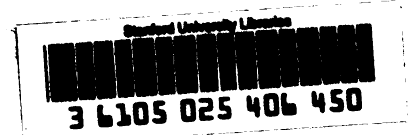
ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ
5, Thornhill Place, Caledonian Road, N., London.

Stanford University Libraries
3 6105 025 406 450

Stanford University Libraries
3 6105 025 406 450